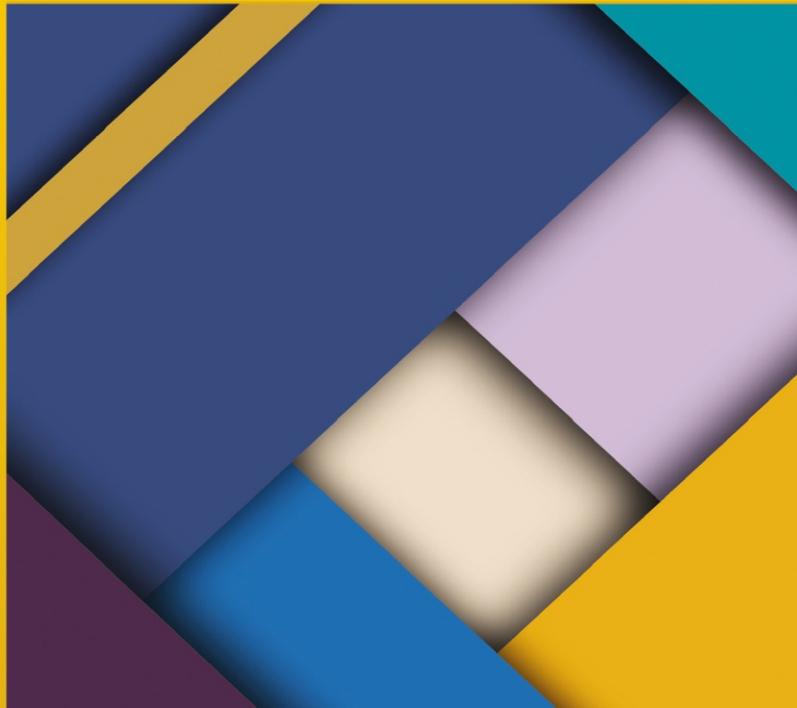

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 13, Number 4,
Part 2, 2021

ISSN 2077-1770 (print)
ISSN 2218-7405 (online)

Современные исследования социальных проблем

Том 13, № 4
2021
Часть 2

Modern Studies of Social Issues

Volume 13, Number 4
2021
Part 2

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2021

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 13, № 4, часть 2, 2021 / Vol. 13, No 4, part 2, 2021

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:
РИНЦ

Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>

Подписной индекс в каталоге Почты
России «Подписные издания» – 94088

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:
RSCI

Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>

Subscription index in the 'The Russian Post'
General catalog – 94088

Свободная цена
© Научно-инновационный центр, 2021

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354

УДК 81.373.2

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ***Ковлакас Е. Ф.*

Цель. Статья представляет собой обзор научных исследований по топонимике в когнитивном аспекте. Топонимы как имена собственные заключают в себе коммуникативную прагматику, способность передавать национально-культурную информацию об объектах действительности. На протяжении долгого времени исследователи привязывали топоним к географическому объекту, оставляя без внимания чувственную сторону познания, с которой начинается восприятие объекта действительности (географического объекта). Исследование топонимов в когнитивном аспекте возвращается назад – к объектам и их восприятию, к антропологической парадигме в лингвистике.

В настоящее время все большую актуальность в лингвистике приобретает проблема «человек / язык», благодаря решению которой появляется возможность выхода за пределы только языка и обратить внимание на человека. Нами предпринята попытка систематизировать научные исследования, установить связи между существующими теориями и расширить спектр топонимических исследований.

Метод и методология исследования. В качестве метода научного исследования нами выбран обзор имеющей научной литературы по выбранной тематике, позволяющий систематизировать исследования и предложить направление, малоизученное, но, наш взгляд, имеющее особую значимость.

Результаты. Проанализированы основные парадигмы исследований, выделены признаки региональных топонимических систем, обоснована необходимость расширения топонимических исследований в направлении формирования топонимической картины мира того или иного региона.

Область применения результатов. Результаты исследования могут представлять интерес для теории языка, археологии, истории, этнографии, географии, а также для дальнейших топонимических исследований.

Ключевые слова: топонимическая картина мира; лингвокультурологические, этнолингвистические и когнитивные топонимические исследования; антропоцентрический подход

ON THE STUDY OF TOPONYMS IN COGNITIVE ASPECT

Kovlakas E.F.

Purpose. The article is a review of scientific research on toponymy in the cognitive aspect. Toponyms as proper names contain communicative pragmatics, the ability to transmit national and cultural information about the objects of reality. For a long time, researchers have tied a toponym to a geographical object, ignoring the sensory side of cognition, from which the perception of the object of reality (geographical object) begins. The study of toponyms in the cognitive aspect goes back to objects and their perception, to the anthropological paradigm in linguistics.

It is quite obvious that the problem of “person / language” is becoming increasingly relevant in linguistics, its solution making it possible to go beyond the language and pay attention to the person. We have made an attempt to systematize scientific research, establish links between existing theories and expand the range of toponymic research.

Methodology. As a method of scientific research, we have chosen a review of the scientific literature on the chosen topic, which allows us to systematize research and propose a direction that has not been thoroughly studied so far; while being, in our opinion, of particular importance.

Results. *The main research paradigms are analyzed, the features of regional toponymic systems are highlighted, the need for expanding toponymic research in the direction of forming a toponymic picture of the world of a particular region is justified.*

Practical implications. *The results of the study may be of interest for the theory of language, archeology, history, ethnography, geography, as well as for further toponymic studies.*

Keywords: *toponymic picture of the world; linguoculturological; ethnolinguistic and cognitive toponymic studies; anthropocentric approach*

Введение

Когнитивный аспект исследования топонимов предполагает обращение к языковому сознанию носителей языка. И.С. Карабулатова отмечает соотнесенность реализации языковых форм и их аналогов на уровне мышления [20]. Языковые средства позволяют изучать ономастические реалии как первичных участников формирования смысла до уровня языкового знания [5].

Исследования, посвященные изучению топонимов в когнитивном аспекте, можно разделить на три направления: лингвокультурологические, этнолингвистические и собственно когнитивные.

Этнолингвистический подход в изучении имен собственных восходит к изучению национально-культурной специфики языкового знака. Объектом исследования уже становятся не единицы языка, а человек и его сознание [10], которые проявляются в обрядах, поведении, «мифологических представлениях, мифологическом творчестве» [58; 57], т.е. этнолингвистические исследования ставят своей целью изучение совокупности всего феноменального опыта среды обитания человека [30]. Этнолингвистические исследования фиксируют имена собственные того или иного региона и их этноязыковое своеобразие, реализуя познавательную функцию языка. Синхрония в этнолингвистических исследованиях представлена изучением обстоятельств, имянаращения и национального своеобразия имен собственных. Диахрония дает возможность получить этимологию имен собственных.

Имена собственные, в рамках культурологического направления, обусловлены национальной культурой и, с точки зрения Е.Л. Березович, «обладают особой известностью» [3; 4]. Культурологическое направление рассматривает имена собственные с точки зрения синхронии, исключая методологическое равновесие. Нарушение соотношения синхронии и диахронии приводит к нарушению временной динамики как одного из основополагающих свойств языка. Именно в диахронии проявляется межпоколенная связь, которая достигается процессами языковой преемственности [47].

Культурологический подход вводит термин «логоэпистема», исходя из которого В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова анализируют топоним в двух уровнях: языка и культуры [6]. Являясь «маргинальным знаком», логоэпистема передает информацию о культуре, закрепленной в языке топонимом (знаком). В понятии «логоэпистема» уже лежит когнитивная идея о закреплении знаний в языке. Но по сути, логоэпистема является значением слова, закрепленным в языке.

Если объединить задачи этнолингвистических и культурологических исследований, то можно выявить единство механизмов, которые описывают имена собственные. И результат такого взаимодействия мы находим в отражении лингвокультурологической семантики.

В когнитивных исследованиях семантика рассматривается как с точки зрения семантической, так и прагматической информации. С позиций когнитивного подхода значение, заключенное в имени собственном, является результатом отражения действительности сознанием человека [20]. Когнитивная функция имен собственных реализуется в их способности участвовать в самой мыслительной деятельности человека и его способности аккумулировать полученные знания. Современные представления о языке как концептуализированных знаниях о мире носителей языка [43] не укладываются в рамки традиционных подходов. Включение сознания в интерпретацию ономастического знака заставляет исследователей использовать методы семантической реконструкции и когнитивного анализа. Изучение ономастического знака становится невозможным «по тем же канонам, что и знаков материальных».

Исследования топонимов в когнитивном аспекте

Когнитивная лингвистика опирается на положение Р. Лангаккера о том, что «семантическое значение включает в себя как внутренние свойства объекта, так и мысли субъекта об этом объекте» [33, с. 10]. На основании данного тезиса вводятся понятия «шаблоны» или «образные схемы», т.е. имена собственные на уровне шаблонизации могут стать символическим ресурсом для номинации новых объектов.

Н.Н. Болдырев предлагает понимать «шаблон» не как воплощенный чувственный образ, «а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области» [5, с. 32]. Этот тезис постулируется уже в трудах Э. Гуссерля и Ч. Пирса. Когнитивная лингвистика, согласно теории Пирса, «берет свое начало не в чувственных впечатлениях, а в объектах восприятия» [45, с. 298].

Когнитивная лингвистика, в отличие от лингвокультурологии и этнолингвистики, исключает чувственный компонент или не признает его первостепенную значимость. Особое внимание уделяется взаимозависимости и взаимообусловленности знаков. Ю.М. Лотман считает возможным рассматривать знаки как результат чувственного и рационального мышления [34, с. 46-57].

Необходимость анализа топонимов с точки зрения когнитивной лингвистики была обусловлена положением о том, что, топонимы, фиксируя географическую действительность в сознании человека, формируют топонимическую картину мира, реконструируют образ самого человека [1] языковыми ресурсами. Когнитивные процессы определяют способность сознания к категоризации и классификации, и, как высший уровень, к систематизации.

Использование различных методов при анализе топонимического материала, по мнению Т.В. Хвесько, позволяет «выявить понятийные механизмы образования того или иного топонима и уточнить принципы их мотивированности» [62, с. 80]. Топонимы, представляя собой ономастическую лексику, являются макросистемой, объединяющей различные подсистемы имен, определяют

топонимическое пространство. Топонимическая система, по мнению Г.В. Глинских, включает в себя имена как одной территории, так и в общности других территорий, что приводит к частичному отсутствию детерминированности: языковые единицы переносят системные отношения на топонимы, создавая так называемую особую, топонимическую системность [11].

Топонимическая система включает совокупность особенностей той или иной территории, которые участвуют в формировании географических названий [39; 46]. На формирование топонимической системы оказывают влияние в равной степени три силы: традиции, системы и людская пытливость [22; 23]. Е.А. Сизова понимает систему как «механизм преобразования топонимического материала в соответствии с заданными параметрами» [52, с. 25]. Топонимы определенной территории связаны друг с другом «парадигматическими и синтагматическими отношениями» [8, с. 121].

В процессе номинации географических объектов исследователи предлагают выделять следующие признаки топонимов, их обусловленность:

- именами нарицательными [42];
- спецификой самих объектов [22];
- ролью объектов действительности в жизни народа-номинатора [55, 56];
- семантической мотивированностью [8];
- степенью известности объектов [56; 46; 7];
- частично отсутствием письменной фиксации [25].

Ономастический анализ делает возможным определить способы моделирования топонимов, устанавливать их системные связи, определить их роль в процессе познания, представить процесс номинации как в познавательном, так и речетворческом плане. О.В. Раевская, доказывая объективность ономастиологического подхода, подчеркивает задачу слова как акт и результат познавательной деятельности человека, сущность которой заключается в установлении связи между явлениями окружающего мира и номинации этих явлений [50, с. 82].

По мнению Е.А. Березович, существует в лингвистической науке три принципа номинации объектов действительности, закрепляющих связи: 1) имен собственных и свойств именуемых объектов, 2) именуемых объектов и человека, 3) именуемых объектов и других объектов действительности [3]. Все эти принципы объединяет человек: называющий и воспринимающий. Имя (топоним) формируется в сознании человека под воздействием культурных, социальных и исторических факторов. Эти факторы имеют тенденцию к изменению и воспринимаются субъектом восприятия отлично от субъекта номинации, с точки зрения В.А. Никонова, топонимы переживают породившую их эпоху и могут сохранить присущие им черты и значение [42].

С начала XXI в. топонимические исследования получают решение в новой научной парадигме. Например, О.И. Копач предлагает поэтапную методику исследования топонимов, актуализируя, что для топонимов важно не только указать на объект, но и выделить его индивидуализирующий признак [27]. В качестве иллюстративного материала используются микротопонимы Белоруси. Когнитивно-ономасиологический анализ позволяет исследователю определить признаки географических объектов и вероятность объективизаций этих признаков в топонимической системе.

Возникновение топонимов, которые являются вторичной языковой единицей, мало чем отличается от процесса именованя географических объектов. Ученые-когнитологи [32; 48] приходят к выводу, что топоним, являясь производным словом, состоит из базиса, признака и предиката, но все части объединяет когнитивность. В основе когнитивного базиса лежит концепт «Место», все остальные концепты являются топографическими категориями, отраженными в сознании человека [32; 51; 60].

Контекстуальности употребления антропонимии и топонимии посвящено исследование Е.Н. Соколовой, которая анализирует топонимическую систему на примере формирования пространства «письменно-художественных текстов эпохи Киевского государства», из чего выводит понятие «историко-географической

парадигмы топонима» [53]. Автор делает вывод о влиянии антропонимической лексики на духовную культуру восточных славян и формировании их духовного сознания.

Уникальность топонимии как диахронно-синхронной системы посвящено исследование Л.И. Маршевой [36]. Исследователем на основе диалектного ономастического анализа излагается концепция топонимического типа. Исследование возвращается в традиционную парадигму изучения ономастики, посвященную словообразовательным моделям в образовании топонимов и вариативности их употребления. Проведенный автором анализ доказывает состоятельность системного подхода к ономастической лексике, выявляя факты целостности, нерасчлененности и комплексности ономастических единиц.

В первые десятилетия XXI в. некоторые исследователи возвращаются к традиционному подходу [14; 37; 38]. Историко-лингвистическому анализу ареальной топонимики Таджикистана посвящено исследование О.О. Махмаджанова [37; 38]. Ученый предлагает семасиологический, ономасиологический, когнитивный и ментальный аспекты изучения топонимии Гиссарской долины, которая в языкознании Таджикистана представляет интерпретационную лакуну. Изучение топонимики отдельно взятого района позволяет автору проследить этногенез таджикского народа. Интерес представляет гендерный анализ антопонимов представленного региона, что позволяет проследить этносоциальные особенности отношений мужчины и женщины в антропоцентрической парадигме.

Лингвокультурологическому анализу топонимов с точки зрения трансформации их значения посвящено исследование Л.Н. Давлеткуловой [14], которое постепенно переходит в когнитивное, что позволяет исследователю сделать вывод об особенностях национальной языковой картины мира, заключенной в топонимике выбранных регионов. Следует отметить, что остается малопонятным выбор столь отдаленного и в лингвистическом, и в этнокультурном планах ономастического материала: топонимов Челябинской области и графства Оксфордшир. Тем не менее, автор делает выводы о

совпадении процессов, влияющих на формирование топонимических систем: идеологические воззрения, религия и эстетика.

В лингвокультурологическом аспекте представлено исследование татарской антропонимии Г.Р. Галиуллиной [9]. Анализ выполнен в форме диалога культур, т.к. татарская антропонимия представляет собой, по мнению автора, синтез лингвокультурных традиций, куда входят тюрко-татарская, восточная, русская и европейская культуры. Топонимы как семантические знаки языка закрепляют этот синтез культур. В качестве особенности работы следует отметить исследование антропонимов с позиции языковой национальной личности.

Т.В. Федотова в своем исследовании рассматривает топонимическую систему с «позиции ее функционально-пространственной параметризации» [60, с. 11]. Данная концепция, по словам автора, вписывается в традиционную теоретическую парадигму. Выделение признака «ментальность» дополняет функциональный признак позицией человеческого восприятия.

Некоторые исследователи [31] определяют причины, позволяющие географическому объекту закрепляться в сознании носителей языка, проживающих в описываемом регионе. Это, прежде всего, усиление влияния географического объекта на общественную жизнь. Во-вторых, значимость событий, произошедших в (на, около) географическом объекте. И, наконец, значимость народов и их культуры, проживающих на данной территории.

В современных исследованиях географических имен следует отметить тенденцию к сближению традиционных и новых направлений. Большое количество исследований последних десятилетий посвящены региональной топонимии как фактору, определяющему культурно-этническую специфику. Например, исследуя топонимику Квебека, Г.С. Доржиева, оставит своей целью определить «взаимодействие америкоииндейского, инуитского, французского и английского компонентов канадской культуры», отраженного в топонимической системе Квебека [17, с. 3].

«Созданию модели регионального ономастии» посвящено исследование М.Ю. Беляевой. Словообразовательные типовые

модели и прецедентные производящие основы, рассматриваемые в работе, позволили в русле антропоцентрической лингвистики подойти к решению «проблем соотношения языковой личности и среды» [2, с. 14]

Б.Х. Мусукаев предпринял сравнительное исследование «ономосистемы карачаево-балкарского языка с другими тюркскими языками» [40, с. 4]. В тюркской топонимии исследователь выявляет собственно тюркские топонимы, заимствованные именованья и субстрактные языковые группы, что позволило представить стратиграфическую классификацию исследуемого ономастического материала.

Комплексному исследованию топонимической лексики посвящена работа В.С. Картавенко. Топонимическая система исследуемого региона складывалась под воздействием «экологического уклада, политической жизни, материальной и духовной культуры», вбирая их в себя [24, с. 4]. Автор предлагает исследование региональной топонимии в диалектическом срезе: от древнего времени до современного состояния.

Приведенные выше исследования связаны с традиционным подходом в топонимии. Обращение к взаимосвязи языка и мышления несколько отодвинуты от сферы исследований. Поиск закономерностей топонимизации, участия сознания в процессе номинации делает необходимым дальнейшие исследования топонимов в когнитивном аспекте. Большой функциональный потенциал, заключенный в топонимах, позволяет расширить сферу исследования до коммуникативного дискурса. С течением времени этнокультурная информация замещается концептами – стереотипами культуры.

Введение в понятие «концепт» положило начало когнитивным исследованиям в области топонимии. О.И. Копач предлагает выделять в топонимах особенности денотата и признаки концепта, которые влияют на характер выбора ономастических средств. При исследовании топонимов автор предлагает следующие этапы: концептуальный, семантический, ономастический и ономатологический. Возможность проведения многослойного исследования

топонимов позволяет выявить объективизацию признаков географических объектов, заложенных в топонимических знаках [28].

Изучая процесс формирования топонимов, ученые, например Н.Н. Болдырев [5], предлагают метод когнитивно-матричного анализа. В структуре когнитивной матрицы, которая аккумулирует определенные значения, выделяется центральный концепт «Место». Многие исследователи приходят к выводу, что в процессе означивания базисом именно этот концепт становится неизменным.

Концепт «Место» / «Пространство» закрепляет представления о пространстве и времени и расширяет эти представления до знаний о религии, культуре, обществе. При этом важно отметить, что выделение концептуальных признаков не является стереотипом мышления [5].

Ономастическая лексика, репрезентирующая концепты, изучается в работе Т.В. Никольской [41], которая использовала экспериментальные методы; описание концептуального содержания антропонимов заключено в исследованиях И.А. Стернина [54]. А.Ю. Щербак разграничивает в исследовании термины: «антропоцентрический концепт как единица ономастического знания о человеке и его свойствах и топонимический концепт как единица ономастического знания о пространственных, географических характеристиках» [63, с. 12]. Исследователь выделила основные маркеры ономастических концептов:

- ментальный характер образования (концепты закрепляют представления о действительности),
- ценностность (в сознании закрепляются ценностные представления),
- комплексность бытования (имена собственные сублимируют знания, только являясь системным образованием),
- стабильность и малая изменчивость (ономастические концепты актуальны для мышления и передают межнациональный опыт, становясь актуальными и для общения),
- полиобъективизация (один и тот же концепт получает закрепление в разных ономастических единицах),

- моноклассифицируемость (в основе классификации концептов лежит, как правило, один признак),
- многомерность (для выражения содержания концепта используются единицы, выделенные в когнитивной лингвистике: концепты – представления, концептуальные метафоры [Там же]).

М.В. Голомидова рассматривает концептуальность имени, трактуя ее как некий объем языковых и экстралингвистических знаний, который закрепился у носителей языка при помощи ономастического знака [13]. В данных исследованиях акцентируется внимание на имплицированности субъекта познания, способности к восприятию картины мира. Сами топонимы (ономастические знаки) и их связанность становятся второстепенными.

Концептуализация имени в топонимах проходит длительный период, закрепляется лишь на определенном этапе и становится в языковом сознании элементом концептосферы и языковой личности. Как отмечает В.И. Карасик, ценностная составляющая концепта определяет его как сложное ментальное образование [21, с. 182].

Исследования топонимов с позиции когнитивной лингвистики основываются на теории топонимического концепта [25, с. 77-87]. Л.А. Климова предлагает интерпретировать строение концепта, выделяя в нем когнитивные слои. По мнению ученых, в топонимическом концепте выделяется три когнитивных слоя: понятийный, образный и интерпретационный. Понятийный слой содержит минимум когнитивных признаков, образный слой включает в себя перцептивные и метафорические составляющие. Наибольший интерес представляет собой интерпретационный слой, разделенный на зоны, репрезентирующие когнитивные признаки: утилитарная, энциклопедическая, социокультурная, регулятивная, общеоценочная и паремиологическая.

Выявление когнитивных признаков позволяет топонимического концепта получить информацию об особенностях денотата, именуемого топонимическим знаком, включенности топонимических концептов в национальную языковую картину мира. Исследуя когнитивные слои топонимов, происходит расширение представлений

о его внутренней форме, которая предстает уже более мотивированной, реализуя единство структуры и содержания ономастических единиц. Воплощенное в внутренней форме единство как важнейший узел, системных связей в языке», сознательной деятельностью языковой личности. В онтологическом плане внутренняя форма реализуется через этимологию топонима, а в ментальном бытии проявляется через речемыслительную деятельность. Для функционирования географического названия внутренняя форма не является важной, что приводит к ее утрате. Функционируя в речи, топонимы отражают семантическое значение народной этимологии, которое является продуктом деятельности носителей языка.

Антропоцентрический подход к исследованию топонимов

Анализируя топонимические исследования в когнитивном аспекте нам представляется необходимым выделить еще одно направление – антропоцентрическое. Выбор человека как основного объекта лингвистического научного познания позволил определить отражение когнитивных процессов в языке, т.е. антропоцентрическое направление в когнитивной лингвистике исследует мышление в языковом материале, а ее методы – способы исследования когнитивных процессов и концептов [49]. Основным постулатом антропоцентрического направления когнитивной лингвистики стала теория концепта как «принадлежности сознания человека, глобальной единицы мыслительной деятельности, кванта структурированного знания» [49, с. 7].

Само существование топонимической системы и ее отражение в сознании человека дает возможность рассматривать топонимы с точки когнитивной лингвистики. Репрезентация в топонимах ментальных представлений позволяет исследовать топонимы с позиций восприятия, идентификации в когнитивно-прагматическом аспекте. В топонимах закреплён механизм интерпретации человеком окружающего мира, точнее географических объектов, и себя в этом мире. По мнению В.З. Демьянкова, механизм интерпретации заключается в «лингвистическом интерпретационизме» [15].

Сохраняя идентификационный признак, соотносящийся с географическим объектом, топоним, являясь именем собственным, добавляет к базовым признакам концептуальные наполнения. В топонимической системе проявляются признаки языкового субстрата. При освоении территории народами – переселенцами за большинством топонимов сохраняется прежнее значение, но осмысление иноязычных слов (топонимов) новыми этносами заставляет их (топонимы) адаптироваться к новой языковой системе или пополняться новым значением.

В топонимике закрепляется социальное, историческое и духовное наследие этноса, т.е. топоним перестает быть знаком, а становится культурно-языковым кодом. Антропоцентрическое направление акцентирует внимание на еще одном плане значения топонимов – «посттопонимическом», т.е. на значениях, которые появляются дополнительно, как бы подстраиваясь под названием объекта. Е.Л. Калинина выделяет в топониме ментальные уровни, находящиеся в зависимости от номинирующего и воспринимающего субъектов:

- прагматический (топоним как своеобразная карта местности)
 - адресная функция;
- уровень самоидентификации (реализуется назывная функция народа – номинатора);
- символический уровень (закрепляется этнокультурная информация) [19].

В когнитивной топонимии смыслообразующим центром является языковое сознание носителей языка. На данный факт уже указывает А.В. Суперанская, но останавливается только на процессе восприятия, не включая отражение. «Топонимическая система – это территориально организованный набор топонимов, топоформатов, а также способов их соединения друг с другом с специфика восприятия определенных топонимических образований» [55, с. 108]. Но уже в монографии 1986 г. исследователь дает определение в русле когнитивной лингвистики: топонимическая система, по мнению А.В. Суперанской, представляет собой единство психологии и мышления воспринимающего окружающего мира населения [56, с. 51].

Когнитивно-топонимические исследования рассматривают топонимы в региональном срезе. Так, например, Л.А. Климова анализирует нижегородскую микротопонирию [25], Е.Ф. Ковлакас – топонимию Краснодарского края и Республики Адыгея [26], И.С. Карабулатова – топонимию Тюменской области, вводя термин «топонимическая ассоциация», т.е. ассоциация, порожаемая онтологическим бытием топонима, которая, в свою очередь, порождает его ментальное бытие [20].

Выводы

Антропонимические исследования топонимической системы вводят понятие «топонимическая картина мира», которая, являясь системой знаний, представлений о мире, формируется под влиянием как экстралингвистических факторов, так и интралингвистических. К прямым системообразующим началам относятся ассоциации, которые управляют процессом номинации: от географического объекта к сознанию человека. Н.Д. Голев ставит вопрос о взаимодействии антропоцентрических моделей и ментальных в топонимике [12].

Анализируя научную литературу последних десятилетий, можно выделить следующие парадигмы исследований:

- изучение когнитивных механизмов, которые находят отражение в географических названиях. Ученые исследуют познавательные схемы и интерпретирующие операции, на основании которых происходит именование топонимических объектов [16; 17];
- исследования, посвященные актуализации в топонимической номинации концепта как основы номинации и доказывающие репрезентацию концепта в вербализирующих географическое пространство средствах [17];
- моделирование ментального образа человека, закрепленного в топонимических концептах [3; 13];
- изучение актуализации в топонимах социокультурной информации посвящены исследования, объектом которых являются произведения художественной литературы: топонимы как ядро

виртуального ономастического пространства, содержащие культурно-историческую, этическую и культурологическую информацию [35]; и топонимы как стилистические средства, обладающие эстетической и практической функциями [29];

- функционализм как направление научной парадигмы можно выделить в исследовании С.М. Пака, который определяет роль топонимов в научных текстах как ассоциативное наполнение терминологических словосочетаний [44];
- изучение региональной ономастики с как «средства репрезентации определенного концептуального содержания» посвящено исследование А.С. Щербак, которая делает попытку связать ономастический материал с языковой картиной мира и рассматривает топонимы как «средства формирования и выражения ономастического знания в человеческом сознании» [63, с. 6];
- изучение топонимической картины мира полиэтнического региона [26].

Исследование топонимической картины мира как части языковой картины мира позволит собрать дополнительный материал об этнокультурном опыте народов, историко-социальных условиях жизни. Например, исследования Л.А. Климковой о взаимосвязи концепта «Место» с другими концептами: Время, Человек, Пространство, Число, Сакральность, [25]. Анализ топонимической картины мира Краснодарского края и Республики Адыгея позволил сделать терминологический вывод о том, что топонимическая картина мира предстает как система взаимосвязанных концептов, в центре которой стоит человек [26].

Топонимическая система как совокупность взаимосвязанных элементов характеризуется следующими признаками: целостностью, дифференцированностью входящих элементов и их взаимодействием, экстралингвистической мотивированностью. Основой, объединяющей топонимы той или иной региональной системы, является ментальный компонент, определяющий их онтологическое бытие и фиксирующий топонимы в сознании носителей языка. То-

понимы, составляющие региональную топонимическую систему, входят в состав общезыковой системы как фрагменты регионального компонента языковой картины мира. Топонимическая картина мира, таким образом, становится целостным конструируемым пространством, включающим в себя совокупность образов, представлений народов, населяющих это пространство и вступающих с ним во взаимодействие.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 47с.
2. Беляева М.Ю. Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Ставрополь, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-ro-onomastike-1.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
3. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 19: Номинация в ономастике. С. 75-90.
4. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 39 с.
5. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25-36.
6. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве лингвометодический аспект // От слова к делу. Сборник докладов: X Конгресс МАПРЯЛ. М.: Гос. ИРЯП, 2003. С. 40-46.
7. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2006. 327 с.
8. Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 247 с.
9. Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2009. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-ro-onomastike-2.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).

10. Герд А.С. О некоторых проблемах этнолингвистики // ЭО. 1994. С. 122-123.
11. Глинских Г.В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 136-140.
12. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблеме когнитивной топонимики // Вопросы ономастики. 2008. № 1 (5). С. 5-17.
13. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 1998. 232с.
14. Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2014. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-3.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
15. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. №4. С. 17-33.
16. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
17. Доржиева Г.С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 590 с.
18. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск: Изд-во «Высшая школа», 1980. 432 с.
19. Калинина Е.Л. Особенности адаптации субстрактных топонимов в концептосфере языка – приемника (на материале ойконимов Амурской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 19.09.2020).
20. Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2002. 502 с.
21. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

22. Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М.: Наука, 1964. 151с.
23. Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 48-57.
24. Картавенко В.С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-4.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
25. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 65с.
26. Ковлакас Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. 51с.
27. Копач О.И. Номинация водных объектов в белорусском и английском языках: на материале гелонимов Беларуси и США: Дис. ... канд. филол. наук. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2004. 156 с.
28. Копач О.И. К вопросу о методике когнитивно-ономастиологического исследования топонимов // Актуальные вопросы славянской ономастики: Материалы III Международной конференции «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальном аспектах». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. С. 120-129.
29. Корнева В.В. Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №2. С. 21-26
30. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая этимология (К вопросу об идеальном проекте языка) // Наука/Интерпериодика. М.: Известия РАН: Серия литературы и языка. 2001. № 5. С. 3-13.
31. Крюкова И.В. Концептуализация топонима в русском языковом сознании // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». №5(10). 2010. С. 24-27.
32. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

33. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика М., ИНИОН, 1992. 55 с.
34. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., Прогресс, Гнозис, 1992. 270 с.
35. Луговая Е.А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 22 с.
36. Маршева Л.И. Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
37. Махмаджонов О.О. Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
38. Махмаджонов О.О. Топонимия Ромитского региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Душанбе, 2005. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
39. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
40. Мусукаев Б.Х. Балкарская ономастика в парадигме современной лингвистики: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Нальчик, 2007. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
41. Никольская Т.Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады VI международной конференции. М., 1998, т. 1. С. 188-190
42. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
43. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 266 с.
44. Пак С.М. Топонимы в аспекте функциональной гетерогенности речи/текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 16 с.
45. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филол. фак. СПбГУ: Алетейя, 2000. 316 с.

46. Подольская И.В. Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики. М.: Наука, 1964. С. 87-89.
47. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
48. Полянчук О.Б. О сочетании структурного и когнитивного подходов при анализе производного слова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 27-33.
49. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Волгоград, Парадигма, 2005. Т.1. С. 7-10.
50. Раевская О.В. Сложные слова современного французского языка (именное сложение): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 170 с.
51. Рут М.Э. Антропонимы: размышление о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 59-64.
52. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 194 с.
53. Соколова Е.Н. Ономастическое пространство древнерусских памятников письменности Киевской Руси: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-7.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
54. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 87-94.
55. Суперанская А.В. К проблеме определения топоформантов. М.: Наука, 1984. 178 с.
56. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.
57. Толстая С.М. Признак в языке культуры // ЖС. 2001. №3. С. 55-56.
58. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., доп. М.: Индрик, 1995. 509 с.
59. Тужикова Д.Б. Ойконимы в испанской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 231 с.
60. Федотова Т.В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 44 с.

61. Фролов Н.К. Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии // Лексические и лексико-грамматические исследования. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1984. С. 90-94.
62. Хвесько. Т.В. Когнитивное описание формирования топонимов // Язык и культура. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. Ч. 3. С. 77-82.
63. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2008. 319 с.

References

1. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1995, 47 p.
2. Belyaeva M.Yu. *Onomastikon zapadnyh rajonov Krasnodarskogo kraja: polisistemnyj aspekt*. [Onomasticon of the western districts of the Krasnodar Territory: a polysystemic aspect]: Abstract of PhD dissertation. Stavropol, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-1.shtml> (accessed 19 September 2020).
3. Berezovich E.L. Semanticheskie mikrosistemy toponimov kak fakt nominacii [Semantic microsystems of toponyms as a fact of nomination]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics]. Sverdlovsk: Ural University Publ., 1991, vol. 19, pp. 75-90.
4. Berezovich E.L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]: Abstract of PhD dissertation. Yekaterinburg, 1999, 39 p.
5. Boldyrev N.N. Koncept i znachenie slova [Concept and word meaning]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001, pp. 25-36.
6. Burvikova N.D., Kostomarov V.G., Prokhorov Yu.E. Nacionalno-kulturnye edincy obshcheniya v sovremennom kommunikativnom prostranstve lingvometodicheskij aspekt [National-cultural units of communication in the modern communicative space linguometodic aspect].

- Ot slova k delu. Sbornik докладov* [From word to deed. Collection of reports]. Moscow: Gos. IRYAP, 2003, pp. 40-46.
7. Vasilyeva S.P. *Russkaya toponimiya Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: a picture of the world]: PhD dissertation. Krasnoyarsk, 2006, 327 p.
 8. Vorobyeva I.A. *Russkaya toponimiya srednej chasti bassejna Obi* [Russian toponymy of the middle part of the Ob basin]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1973, 247 p.
 9. Galiullina G.R. *Tatarskaya antroponimiya v lingvokulturologicheskom aspekte* [Tatar anthroponymy in the linguoculturological aspect]: Abstract of PhD dissertation. Kazan, 2009. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-2.shtml> (accessed 19 September 2020).
 10. Gerd A.S. *O nekotoryh problemah etnolingvistiki* [On some problems of ethnolinguistics]. *EO*, 1994, pp. 122-123.
 11. Glinskikh G.V. Toponimicheskaya sistema i strukturno-semanticheskie priznaki iskhodnyh appelyativov [Toponymic system and structural and semantic features of initial appeals]. *Formirovanie i razvitie toponimii* [Formation and development of toponymy]. Sverdlovsk, 1987, pp. 136-140.
 12. Golev N.D., Dmitrieva L.M. Edinstvo ontologicheskogo i mentalnogo bytiya toponimicheskoy sistemy k probleme kognitivnoj toponimiki [The unity of the ontological and mental being of the toponymic system on the problem of cognitive toponymy]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], 2008, vol. 1 (5), pp. 5-17.
 13. Golomidova M.V. *Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1998, 232 p.
 14. Davletkulova L.N. *Toponimy v lingvokulturologicheskom aspekte (na primere geograficheskikh nazvanij grafstva Oksfordshir i Chelyabinskoy oblasti)* [Toponyms in the linguoculturological aspect (on the example of geographical names of the county of Oxfordshire and the Chelyabinsk region)]: Abstract of PhD dissertation. Chelyabinsk, 2014. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-3.shtml> (accessed 19 September 2020).

15. Demyankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost intepretiruyushchego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpreting approach]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1994, no. 4, pp. 17-33.
16. Dmitrieva O.A. *Lingvokulturnye tipazhi Rossii i Francii XIX v* [Linguo-cultural types of the XIX century Russia and France]: Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2007, 40 p.
17. Dorzhieva G.S. *Toponimiya Kvebeka kak otrazhenie frankoyazychnoj kultury regiona (etnolingvisticheskiy aspekt)* [Toponymy of Quebec as a reflection of the French-speaking culture of the region (ethnolinguistic aspect)]: PhD dissertation. Moscow, 2011, 590 p.
18. Zhuchkevich V.A. *Obshchaya toponimika* [General toponymy]. Minsk: «Vysshaja shkola» Publ., 1980, 432 p.
19. Kalinina E.L. *Osobennosti adaptacii substraktnykh toponimov v konceptsfere yazyka - priemnika (na materiale oikonimov Amurskoj oblasti)* [Features of adaptation of substract toponyms in the conceptual sphere of the receiving language (based on the material of oikonyms of the Amur region)]: Abstract of PhD dissertation. Barnaul, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com> (accessed 19 September 2020).
20. Karabulatova I.S. *Russkaya toponimiya v etnolingvitsicheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]: PhD dissertation. Krasnodar, 2002, 502 p.
21. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd: Paradigm, 2007, 520 p.
22. Karpenko Yu.A. O sinhronicheskoy toponimike [On synchronic toponymy]. *Principy toponimiki* [Principles of toponymy]. Moscow: Nauka, 1964, 151 p.
23. Karpenko Yu.A. Priznaki molodosti toponimicheskoy sistemy [Signs of youth of the toponymic system]. *Perspektivy razvitiya slavyanskoj onomastiki* [Prospects for the development of Slavic onomastics.]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 48-57.
24. Kartavenko V.S. *Stanovlenie regionalnoj toponimicheskoy sistemy (Zapadnyj region Rossii)* [Formation of the regional toponymic system (Western region of Russia)]: Abstract of PhD dissertation. Smolensk,

2012. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-4.shtml> (accessed 19 September 2020).
25. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovej kartine mira* [Nizhny Novgorod microtoponymy in the language picture of the world]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, Nauka, 2008, 65 p.
26. Kovelakas E.F. *Osobennosti formirovaniya toponimicheskoy kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i jetnokul'turnyj aspekty* [Features of the formation of a toponymic picture of the world: lexico-pragmatic and ethnocultural aspects]: Abstract of PhD dissertation. Krasnodar: Kuban State University, 2009, 51 p.
27. Kopach O.I. *Nominaciya vodnyh objektov v belorusskom i anglijskom yazykah: na materiale gelonimov Belarusi i SSHA* [Nomination of water bodies in the Belarusian and English languages: based on the material of gelonyms of Belarus and the USA]: PhD dissertation. Minsk, Belarusian State University, 2004, 156 p.
28. Kopach O.I. K voprosu o metodike kognitivno-onomasiologicheskogo issledovaniya toponimov [On the question of the methodology of cognitive-onomasiological research of toponyms]. *Aktual'nye voprosy slavjanskoj onomastiki: Materialy III Mezhdunarodnoj konferencii «Slavjanskaja onomastika v jetimologicheskom, hronologicheskom i areal'nom aspektah»* [Actual issues of Slavic onomastics: Materials of the III International Conference “Slavic onomastics in etymological, chronological and areal aspects”]. Gomel: Gomel State University, 2006, pp. 120-129.
29. Korneva V.V. Osnovnye napravleniya izucheniya toponimov [Main directions of studying toponyms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 2012, vol. 2, p. 21-26.
30. Kravchenko A.V. Kognitivnaya lingvistika i novaya etimologiya (K voprosu ob idealnom proekte yazyka) [Cognitive linguistics and new etymology (On the question of the ideal language project)]. *Nauka/Interperiodika* [Science/Interperiodicals]. Moscow, 2001, vol. 5, pp. 3-13.
31. Kryukova I.V. Konceptualizaciya toponima v russkom yazykovom soznanii [Conceptualization of a toponym in the Russian language

- consciousness]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGPU «Grani poznaniya»* [Electronic scientific and educational journal of VSPU “Facets of knowledge”], 2010, vol. 5(10), pp. 24-27.
32. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to obtaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, 560 p.
33. Langacker R.U. *Kognitivnaya grammatika* [Cognitive grammar]. Moscow: INION, 1992, 55 p.
34. Lotman Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Progress, Gnosis, 1992, 270 p.
35. Lugovaya E.A. *Toponim virtualnogo prostranstva kak kulturno-istoricheskaya kategoriya (na materiale epopei Dzh. R. R. Tolkiena «Vlastelin kolec»)* [The toponym of virtual space as a cultural and historical category (based on the material of J.R.R. Tolkien's epic “The Lord of the Rings”)]: Abstract of PhD dissertation. Stavropol, 2006, 22 p.
36. Marševa L.I. *Strukturnye i nominacionnye tipy v dialektnoj toponimii Lipeckoj oblasti* [Structural and nominational types in dialect toponymy of the Lipetsk region]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2008. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (accessed 19.09.2020).
37. Makhmadzhonov O.O. *Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii Gissarskoj doliny Tadžikistana* [Historical and linguistic study of the toponymy of the Hissar Valley of Tajikistan]: Abstract of PhD dissertation. Dushanbe, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (accessed 19 September 2020).
38. Makhmadzhonov O.O. *Toponimiya Romitskogo regiona* [Toponymy of the Romit region]: Abstract of PhD dissertation. Dushanbe, 2005. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (accessed 19 September 2020).
39. Murzaev E.M. *Očerki toponimiki* [Essays on toponymy]. Moscow: Mysl, 1974, 382 p.

40. Musukaev B.H. *Balkarskaya onomastika v paradigme sovremennoj lingvistiki* [Balkar onomastics in the paradigm of modern linguistics]: Abstract of PhD dissertation. Nalchik, 2007. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (accessed 19 September 2020).
41. Nikolskaya T.E. Associativnoe pole lichnogo imeni [The associative field of a personal name]. *Semantika jazykovykh edinic: Doklady VI mezhdunarodnoj konferencii* [Semantics of language units: Reports of the VI International Conference]. Moscow, 1998, vol. 1, pp. 188-190.
42. Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymics]. Moscow: Nauka, 1965, 179 p.
43. Pavlenis R.I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskij analiz yazyka* [The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language]. Moscow: Mysl, 1983, 266 p.
44. Pak S.M. *Toponimy v aspekte funkcionalnoj geterogenosti rechi/teksta* [Toponyms in the aspect of functional heterogeneity of speech/text]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 1993, 16 p.
45. Pier Ch. *Nachala pragmatizma* [The beginnings of pragmatism]. St. Petersburg: Lab. metafiz. issled. pri filos. fak. SPbGU: Aleteya, 2000, 316 p.
46. Podolskaya I.V. Kakuyu informaciyu neset toponim [What information does a toponym carry]. *Principy toponimiki* [Principles of toponymics]. Moscow: Nauka, 1964, pp. 87-89.
47. Polivanov E.D. *Statji po obshchemu yazykoznaniiyu* [Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, 376 p.
48. Polyanchuk O.B. O sochetanii strukturnogo i kognitivnogo podhodov pri analize proizvodnogo slova [On the combination of structural and cognitive approaches in the analysis of a derived word]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta* [Voronezh State University Bulletin], 2012, vol. 2, pp. 27-33.
49. Popova Z.D., Sternin I.A. Osnovnye cherty semantikokognitivnogo podhoda k yazyku [The main features of the semanticocognitive approach to language]. *Antologija konceptov* [An anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 347 p.

50. Raevskaya O.V. *Slozhnye slova sovremennogo francuzskogo yazyka (imennoe slozhenie)* [Compound words of the modern French language (nominal addition)]: PhD dissertation. Moscow, 1981, 170 p.
51. Ruth M.E. Antroponimy: razmyshlenie o semantike [Anthroponyms: reflections on semantics]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Bulletin], 2001, vol. 20, pp. 59-64.
52. Sizova E.A. *Lingvokulturologicheskij analiz urbanonimov (na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo yazykov)* [Linguoculturological analysis of urbanonyms (based on the material of English, Russian and French languages)]: PhD dissertation. Pyatigorsk: PGLU, 2004, 194 p.
53. Sokolova E.N. *Onomasticheskoe prostranstvo drevnerusskih pamyatnikov pismennosti Kievskoj Rusi* [Onomastic space of ancient Russian monuments of writing of Kievan Rus]: Abstract of PhD dissertation. Chelyabinsk, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoferaty-po-onomastike-7.shtml> (accessed 19 September 2020).
54. Sternin I.A. O nacionalnom kommunikativnom soznanii [On the national communicative consciousness]. *Lingvisticheskij vestnik* [Linguistic Bulletin]. Izhevsk, 2002, vol. 4, pp. 87-94.
55. Superanskaya A.V. *K probleme opredeleniya topoformantov* [To the problem of topoformant determination]. Moscow: Nauka, 1984, 178 p.
56. Superanskaya A.V. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanij* [Theory and methods of onomastic studies. Moscow: Nauka, 1986, 256 p.
57. Tolstaya S.M. Priznak v yazyke kultury [A sign in the language of culture]. *ZhS*, 2001, vol. 3, pp. 55-56.
58. Tolstoy N.I. *Jazyk i narodnaja kul'tura. Oчерki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995, 509 p.
59. Tuzhikova D.B. *Ojkonimy v ispanskoj yazykovoј kartine mira* [Oikonyms in the Spanish language picture of the world]: PhD dissertation. Voronezh, 2013, 231 p.
60. Fedotova T.V. *Russkaya toponimicheskaya sistema Vostochnogo Zabajkalya* [Russian toponymic system of Eastern Transbaikalia]: Abstract of PhD dissertation. Ulan-Ude, 2012, 44 p.

61. Frolov N.K. Otrazhenie ponyatij duhovnoj kultury v regionalnoj sisteme russkoj toponimii [Reflection of the concepts of spiritual culture in the regional system of Russian toponymy]. *Leksicheskie i leksiko-grammaticheskie issledovanija* [Lexical and lexical-grammatical research]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1984, pp. 90-94.
62. Khvesko. T.V. Kognitivnoe opisaniye formirovaniya toponimov [Cognitive description of the formation of toponyms]. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. Tomsk: Tomsk State University, 2008, part 3, pp. 77-82.
63. Shcherbak A.S. *Kognitivnye osnovy regionalnoj onomastiki* [Cognitive foundations of regional onomastics]: Abstract of PhD dissertation. Tambov: Tambov State University, 2008, 319 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ковлакас Елена Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»
Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
пр. Ленина, 93, г. Новороссийск, Краснодарский край, 353908,
Российская Федерация
amica.2013@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena F. Kovlakas, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
93, pr. Lenin, Novorossiysk, Krasnodar Territory, 353908, Russian Federation
amica.2013@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0655-3952

Поступила 07.09.2021
После рецензирования 03.10.2021
Принята 17.10.2021

Received 07.09.2021
Revised 03.10.2021
Accepted 17.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-355-367

УДК 81-114.4

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ БАЗЫ ДАННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА)

Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К., Валиева М.Д.

В статье представлен опыт практической работы авторов по составлению баз данных, используемых в документной лингвистике, при исследовании лексики и терминологии делопроизводства, являющегося одной из наиболее актуальных проблем осетинского языкознания, оказывающих непосредственное влияние на вопрос о сохранении и развитии функциональных возможностей миноритарного осетинского языка.

Обоснование. *Современный этап развития документной лингвистики имеет свои особенности, связанные с расширением номенклатуры документов, имеющих унифицированную форму не только в рамках одной страны, но и во всем мире. Доля документной коммуникации в период пандемии увеличивается, поэтому составление баз данных и реестров на разных языках приобретает особую актуальность.*

Цель. *Определение основных тенденций развития документной лингвистики на современном этапе и описание опыта практической деятельности по составлению реестра географических названий.*

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужили региональные периодические издания, официальные сайты органов исполнительной и законодательной власти Республики Северная Осетия – Алания и Республики Южная Осетия – Государство Алания. Методы исследования: контент-анализ, сплошная выборка.*

Результаты. *Разработаны принципы номинации географических названий на осетинском языке, используемых в официально-деловой речи; уточнены спорные моменты в наименованиях, обозначающих локацию, а также принципы перевода таких слов на рус-*

ский и осетинский языки. Для проведения исследования авторами составлены реестры географических названий на русском и осетинском языках. Большой иллюстративный материал дает авторам возможность выявить закономерности развития терминологии документационного обеспечения управления на осетинском языке, определить наиболее перспективные тенденции словообразовательной деятельности, наметить дальнейшие пути в работе по упорядочению указанной терминосистемы.

Область применения результатов. Практическая значимость данного исследования диктуется необходимостью организации системной работы по внедрению делопроизводства на осетинском языке в Республике Северная Осетия-Алания и Республике Южная Осетия с целью увеличения эффективности мер по сохранению родного языка. Работа может быть полезна в практике документационного обеспечения управленческой деятельности на осетинском языке, при подготовке лексикографических изданий, а также в практике перевода.

Ключевые слова: осетинский язык; документационное обеспечение управления; документная лингвистика; документная коммуникация; делопроизводство

PRACTICAL PROBLEMS OF DOCUMENTARY LINGUISTICS IN DATABASE COMPILING (BASED ON THE OSSETIAN LANGUAGE MATERIAL)

Gatsalova L.B., Parsieva L.K., Valieva M.D.

The article presents the experience of the authors' practical work on compiling databases used in documentary linguistics in the study of vocabulary and terminology of office work, which is one of the most pressing problems of Ossetian linguistics, having a direct impact on the preservation and development of the functionality of the minority Ossetian language.

Background. *The modern stage of the development of documentary linguistics has its own peculiarities associated with the expansion of the nomenclature of documents having a unified form not only within one country, but also throughout the world. The share of documentary communication is increasing during the pandemic, so the compilation of databases and registries in different languages is becoming particularly relevant.*

Purpose. *Identification of the main trends in the development of documentary linguistics at the present stage and description of practical experience in compiling a register of geographical names.*

Materials and methods. *The materials for the study were regional periodicals, official websites of the executive and legislative authorities of the Republic of North Ossetia – Alania and the Republic of South Ossetia – the State of Alania. Research methods: content analysis, continuous sampling.*

Results. *The principles of the nomination of geographical names in the Ossetian language used in official business speech have been developed; the controversial points in the names denoting the location, as well as the principles of translating such words into Russian and Ossetian languages have been clarified. To conduct the study, the authors compiled registers of geographical names in Russian and Ossetian languages. A large illustrative material gives the authors the opportunity to identify the patterns of development of the terminology of the documentation support of management in the Ossetian language, to identify the most promising trends in word-formation activity, to outline further ways in the work on the ordering of this term system.*

Practical implications. *The practical significance of this study is dictated by the need to organize systematic work on the introduction of office work in the Ossetian language in the Republic of North Ossetia-Alania and the Republic of South Ossetia in order to increase the effectiveness of measures to preserve the native language. The work can be useful in the practice of documentation support of management activities in the Ossetian language, in the preparation of lexicographic publications, as well as in the practice of translation.*

Keywords: *Ossetian language; documentation management support; documentary linguistics; documentary communication; office work*

Введение

Цель. Определение основных тенденций развития документной лингвистики на современном этапе и описание опыта практической деятельности по составлению реестра географических названий.

Актуальность. Современный этап развития документной лингвистики имеет свои особенности, связанные с расширением номенклатуры документов, имеющих унифицированную форму не только в рамках одной страны, но и во всем мире [1; 3; 4]. Доля документной коммуникации в период пандемии увеличивается, поэтому составление баз данных и реестров на разных языках приобретает особую актуальность.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили региональные периодические издания, официальные сайты органов исполнительной и законодательной власти Республики Северная Осетия – Алания и Республики Южная Осетия – Государство Алания. Методы исследования: контент-анализ, сплошная выборка.

Результаты и обсуждение

Необычно быстрое развитие такого направления современного языкознания, как *документная лингвистика*, обусловлено рядом различных обстоятельств, из которых одним из основных является вовлечение широкого слоя граждан в документные отношения, причиной чего можно считать постоянное реформирование финансово-экономической, административно-правовой и других систем государства, вследствие чего увеличивается доля *документной коммуникации* среди иных видов речевой деятельности индивида. Как пишет С.П. Кушнерук: «Все более широкие слои и социальные группы, ранее практически не участвовавшие в документных процессах, оказались вынужденными осваивать некоторые приемы документной коммуникации или обращаться к соответствующим специалистам» [10, с. 33]. С.П. Кушнерук обозначает два этапа реформирования государственного уровня, повлиявших на увеличе-

ние доли документной коммуникации наших сограждан – это приватизация и налоговая реформа. В настоящее время есть, на наш взгляд, основания говорить о третьем этапе развития документной лингвистики, отличающемся от первых двух следующими характерными особенностями:

1. В него вовлечено максимальное число социальных групп, способных быть участниками документной коммуникации. Это все возрастные группы, начиная со школьного возраста.

2. В него вовлечены все страны и континенты, а не только какое-то конкретное государство.

Речь идет о периоде пандемии COVID-19, охватившей весь мир, заставившей все страны принять государственные меры безопасности, так или иначе связанные с увеличением документной коммуникации. Именно эти меры вызвали появление новых видов документов и необходимость их унификации для возможности использования их всеми государствами.

Так, еще совсем недавно термины «QR-код», «сертификат о вакцинации» (так называемый «прививочный сертификат»), «справка о проведении ПЦР-теста» использовались в узких социальных группах. Сейчас же круг людей, входящих в сферу функционирования перечисленных документов, равен контингенту, к которому применяются административные меры при отсутствии указанных видов документов.

Таким образом, период пандемии, вызвавший ограничения в сфере коммуникации (соблюдение расстояния не менее 1,5 метров, самоизоляция, закрытие на въезд в целом ряде стран или регионов в рамках одной страны, ношение масок, карантинные мероприятия и т.д.) пропорционально увеличили долю документной коммуникации, ярким примером которой является запрет на посещение театров и концертных залов, ресторанов и кафе, торгово-развлекательных центров и других мест, в которых осуществляется рутинная коммуникация граждан, без QR-кода.

Документная лингвистика является достаточно автономным и самостоятельным направлением современного языкознания, демон-

стрирующим глубину и множественность отношений, характерных для интегральных по своей сути научных направлений, несет в себе понятийно-терминологические противоречия, представляющие собой результат терминологических несоответствий [Там же]. Ярким примером таких противоречий является разночтение понятий, формирующий аксиоматический уровень направления: *документ*, *документный текст*, *структура документа*.

Кроме того, развитие электронного документооборота еще больше усугубило противоречия, возникающие между вербальными и невербальными документными единицами, и уже говорится о новой задаче в исследовательском поле данного направления лингвистики – изучении алгоритмов формирования гетерогенных документных текстов, входящих в документы различных функциональных классов [Там же].

Несмотря на все более усложняющийся процесс формирования документного текста, есть ряд процедур, проведение которых необходимо для обеспечения основных структурных единиц документа. Речь идет о составлении реестров различных наименований, без указания на которые любой документ лишается права так именоваться, т.е. не является документом [2; 8]. Наряду с лексикографической работой, этот вид деятельности является одним из значимых направлений документной лингвистики [6; 7; 9]. Проблем при составлении реестров возникает множество, и связаны они, в первую очередь, с отсутствием необходимой для функционирования отрасли номенклатуры терминов и вытекающей отсюда второй трудностью, а именно – множеством заимствований, говорящих, скорее, не о неспособности языка обеспечить функционирование указанной отрасли, а о том, что этому языку уделяется недостаточно внимания со стороны государственной власти. Осознание невозможности сохранения языка малочисленного народа без введения на нем делопроизводства вынуждает ставить перед органами власти и такую задачу, как разработка номенклатуры терминов, их упорядочение, инвентаризация и систематизация [11; 13; 14].

Намечая для себя такой вид практической деятельности в области документной лингвистики, как составление реестра наименова-

ний топонимов не только определенной локации, но и тех, которые в нее не входят, исследователь должен учитывать традиции, но в еще большей степени – правила, на которые он ориентируется при переводе или корректировке готовых переводов топонимов, приводя их к единообразию и не допуская бессистемности. Так, если название населенного пункта имеет сложный состав, то необходимо учитывать схожие компоненты и в аналогах, приведя их написание к идентичной форме. Например, в осетинском языке наименования некоторых сёл или городов, которые получили свои названия еще будучи сёлами, включают компонент *-хъæу* «село»:

Фарныхъæу (диг. *Фарнигъæу*) – селение Фарн,

Бесланыхъæу (диг. *Беслаенигъæу*) – город Беслан,

Дзæуджыхъæу (диг. *Дзæуæгигъæу*) – город Владикавказ и т.д.

В реестре нами приводится только слитное написание с указанным компонентом, хотя в средствах массовой информации встречаются и случаи дефисного написания. Слитно должны писаться и топонимы, в которых компонент *-хъæу* или *-дон* транслитерируется на русский язык, например:

Ногхъæу – Ногкау,

Урсдон – Урсдон,

Æрыдон – Ардон и др.

Реестр – это в какой-то мере образец, эталон правильного написания, именно поэтому мы откорректировали те топонимы, которые, на наш взгляд, неверно были транслитерированы с осетинского языка на русский. Например, название села Зилгæ у въезда в село указано как «Зильги». Считаем такое написание неверным, т.к. осетинские буквы «а» и «æ» передаются на русский язык буквой «а», например: Алагир – Алагир, Нузал – Нузал, Бæлта – Балта. Поэтому следует писать не Зильги, а Зилга. Подробнее принципы написания географических названий изложены нами в предшествующих публикациях [5; 12].

При значительном количестве спорных вопросов необходимо проведение обсуждения не только в рамках научной дискуссии, но и среди журналистов, писателей и чиновников, ибо, как утверждал

У. Лабов: «Если есть какие-либо разногласия по интроспективным суждениям, суждения тех, кто знаком с теоретическими вопросами, не могут считаться доказательствами» [15, р. 40].

Заключение

Разработаны принципы номинации географических названий на осетинском языке, используемых в официально-деловой речи; уточнены спорные моменты в наименованиях, обозначающих локацию, а также принципы перевода таких слов на русский и осетинский языки. Для проведения исследования составлены реестры географических названий на русском и осетинском языках. Большой иллюстративный материал дает возможность выявить закономерности развития терминологии документационного обеспечения управления на осетинском языке, определить наиболее перспективные тенденции словообразовательной деятельности, наметить дальнейшие пути в работе по упорядочению указанной терминосистемы.

Таким образом, подготовительная работа, направленная на внедрение делопроизводства на родном языке должна быть системной и многосторонней. Только тогда осетинский язык сможет функционировать в этой новой для себя сфере.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-512-07005 «Лексика государственного управления и делопроизводства на осетинском языке в системном и лексикографическом аспектах».

Список литературы

1. Антонова Н.Ю. Функции текстов инструкций по применению лекарственных препаратов // Научный диалог. 2018. № 3. С. 9-18. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-9-18>
2. Богатова Е.Б. Документный дискурс – «нелюбимый ребёнок» русской лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1(24). С. 40-43.

3. Богатова Е.Б. Анализ актуальных проблем современного общества в проекции на документную сферу // *European Social Science Journal*. М., 2013. № 3. С. 245-253.
4. Богатова Е.Б. Современное состояние документной лингвистики и перспективы её развития // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 1. С. 50-54.
5. Гацалова Л.Б. Лексика сферы управленческой деятельности в осетинском языке: Учебное пособие с русско-осетинским словарем-минимумом терминов документационного обеспечения управления. Владикавказ: Владикавказский науч. центр РАН, СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2019. 70 с.
6. Иванова И.Н., Калмыкова Г.А. Документная лингвистика: терминологический словарь. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2012. 30 с.
7. Косова М.В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2013. № 3(19). С. 85-89.
8. Косова М.В. Системность как свойство документного текста // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2012. № 1(15). С. 7-11.
9. Кушнерук С.П. Динамика терминологии и ее отражение в терминологических стандартах (предметная область «делопроизводство и архивное дело») // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2015. № 1(25). С. 158-164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.19>
10. Кушнерук С.П. Документная лингвистика: научно-практические задачи // *Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та*. 2008. № 2(2). С. 33-36.
11. Кушнерук С.П. Лингвистические корреляты документационных реквизитов как основной объект документной лингвистики // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2016. Т. 15. № 1. С. 28-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.3>
12. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь по делопроизводству. Владикавказ: СОГПИ, 2020. 327 с.
13. Плотнокова А.М. Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы // *Вестник Волгоградского*

- гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 1. С. 37-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.4>
14. Тюрикова Н.А. Экстра- и интралингвистические причины изменений в динамических терминосистемах // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1(17). С. 126-129.
15. Labov W. What is a linguistic fact? Lisse: Peter de Ridder Press, 1975. 61 p.

References

1. Antonova N. Yu. Funktsii tekstov instruktsii po primeneniiu lekarstvennykh preparatov [Functions of the texts of instructions for the use of medicinal products]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 3, pp. 9-18. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-9-18>
2. Bogatova E.B. Dokumentnyi diskurs neliubimyi rebenok russkoi lingvistiki [Documentary discourse – the “unloved child” of Russian linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2013, no. 6-1(24), pp. 40-43.
3. Bogatova E.B. Analiz aktualnykh problem sovremennogo obshchestva v proektsii na doku-mentnuiu sferu [Analysis of topical problems of modern society in the projection of the documentary sphere]. *European Social Science Journal*. Moscow, 2013, no. 3, pp. 245-253.
4. Bogatova E.B. Sovremennoe sostoianie dokumentnoi lingvistiki i perspektivy ee raz-vitiia [The current state of documentary linguistics and the prospects for its development]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2014, no. 1, pp. 50-54.
5. Gatsalova L.B. *Leksika sfery upravlencheskoi deiatelnosti v osetinskom iazyke Ucheb-noe posobie s russko-osetinskim slovarem-minimumom terminov dokumentatsionnogo obespeche-niia upravleniia* [Vocabulary of the sphere of management activity in the Ossetian language: A textbook with a Russian-Ossetian dictionary-minimum of terms for documentation support of management]. Vladikavkaz: Vladikavkazskij nauch. centr RAN, SOIGSI im. V.I. Abaeva, 2019, 70 p.

6. Ivanova I.N. Kalmykova G.A. *Dokumentnaia lingvistika terminologicheskii slovar* [Documentary linguistics: glossary]. Ulianovsk: USU Publ., 2012, 30 p.
7. Kosova M.V. Informativnost dokumentnogo teksta lingvisticheskie kriterii mery [Informativeness of documentary text: linguistic criteria of measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2013, no. 3 (19), pp. 85-89.
8. Kosova M.V. Sistemnost kak svoistvo dokumentnogo teksta [Consistency as a property of documentary text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2012, no. 1(15), pp. 7-11.
9. Kushneruk S.P. Dinamika terminologii i ee otrazhenie v terminologicheskikh standartakh predmetnaia oblast deloproizvodstvo i arkhivnoe delo [Dynamics of terminology and its reflection in terminological standards (subject area “record keeping and archiving”)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2015, no. 1(25), pp. 158-164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.19>
10. Kushneruk S.P. Dokumentnaia lingvistika nauchno-prakticheskie zadachi [Documentary linguistics: scientific and practical tasks]. *Vestnik Viat'skogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2008, no. 2(2), pp. 33-36.
11. Kushneruk S.P. Lingvisticheskie korreliaty dokumentatsionnykh rekvizitov kak osnovnoi ob'ekt dokumentnoi lingvistiki [Linguistic correlates of documentary requisites as the main object of documentary linguistics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 28-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.3>
12. Parsieva L.K. Gatsalova L B *Osetinsko-russkii, russko-osetinskii slovar po deloproizvodstvu* [Ossetian-Russian, Russian-Ossetian dictionary of records management]. Vladikavkaz: SOGPI, 2020, 327 p.
13. Plotnikova A.M. *Dokumentnyi tekst kak ob'ekt sudebnoi lingvisticheskoi i avtoro-vedcheskoi ekspertizy* [Documentary text as an object of forensic linguistic and authoring expertise]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstven-*

- nogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 37-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.4>
14. Tiurikova N.A. Ekstra- i intralingvisticheckie prichiny izmenenii v dinamicheskikh terminosistemakh [Extra- and intralinguistic causes of changes in dynamic terminology systems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2013, no. 1(17), pp. 126-129.
15. Labov W. What is a linguistic fact? Lisse: Peter de Ridder Press, 1975, 61 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гацалова Лариса Борисовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН пр. Мира, 10, г. Владикавказ, 362040, Российская Федерация*
larabella8@mail.ru

Парсиева Лариса Касбулатовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН пр. Мира, 10, г. Владикавказ, 362040, Российская Федерация*
parsieva_larisa@mail.ru

Валиева Мадина Дмитриевна, старший преподаватель кафедры осетинского языка и общего языкознания *Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова ул. Путина, 8, г. Цхинвал, 100001, Республика Южная Осетия*
madina_vality@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS**Larisa B. Gatsalova**, Doctor of Philology, Leading Researcher of the

Department of Ossetian Linguistics

*V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social
Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS**10, Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation**larabella8@mail.ru**SPIN-code: 6546-9646**ORCID: 0000-0002-2789-0002**ResearcherID: K-8569-2018***Larisa K. Parsieva**, Doctor of Philology, Leading Researcher of the

Department of Ossetian Linguistics

*V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social
Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS**10, Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation**parsieva_larisa@mail.ru**SPIN-code: 6068-5100**ORCID: 0000-0002-0621-091X**ResearcherID: K-8807-2018***Madina D. Valieva**, Senior Lecturer of the Department of Ossetian Lan-

guage and General Linguistics

*South Ossetian State University named after A. A. Tibilov**8, Putin Str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia**madina_vality@mail.ru*

Поступила 08.11.2021

После рецензирования 11.11.2021

Принята 20.11.2021

Received 08.11.2021

Revised 11.11.2021

Accepted 20.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-368-379

УДК 811.111

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТА В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СТАТЕЙ ИЗ THE GUARDIAN)

Гаврикова Ю.С.

В статье рассматривается специфика реализации категории оценки в английском языке на примере средств выражения оценки интеллекта в текстах СМИ.

Целью данного исследования является анализ особенностей выражения оценки интеллекта средствами английского языка.

Методы и методология проведения работы: наряду с общелингвистическими методами авторами использовались методы дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа.

Результаты: средства выражения оценки могут принадлежать к различным уровням языка. Они включают в себя лексические, лингвостилистические, словообразовательные, синтаксические и графические средства. В статье рассматривается то, как данные средства применяются для выражения оценки интеллекта на примере текстов статей всемирно известного новостного издания *The Guardian*. Нами были выявлены, классифицированы и проанализированы различные языковые средства выражения оценки интеллекта. Анализ проходил как с позиции частотности, так и с позиции их роли в целом для выражения оценки интеллекта. Было выявлено ведущее средство выражения оценки интеллекта и проведен подробный анализ его специфики выражения оценки.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения средств оценки интеллекта в английском языке.

Ключевые слова: оценка; оценивание; интеллект; лексические средства; лингвостилистические средства; словообразовательные средства; синтаксические средства; графические средства

MEANS OF EXPRESSING EVALUATION OF INTELLECT IN THE MEDIA (USING THE EXAMPLE OF THE GUARDIAN TEXTS)

Gavrikova Yu.S.

The article discusses the specifics of the implementation of the evaluation category in English using the example of the means of expressing the evaluation of intellect in media texts.

Purpose of this study is to analyze the features of expressing the evaluation of intellect by means of the English language.

Methods and methodology of work: along with general linguistic methods, the authors used methods of definitional, component and contextual analysis.

Results: the means of expressing the evaluation can belong to different levels of the language. They include lexical, stylistic, derivational, syntactic and graphic means. The article examines how these tools are used to express the evaluation of intellect on the example of the texts of articles from the world-famous newspaper *The Guardian*. We have identified, classified and analyzed various linguistic means of expressing the evaluation of intellect. The analysis was carried out both from the point of view of frequency and from the point of view of their overall role for expressing the evaluation of intellect. The leading means of expressing the evaluation of intellect was identified, and a detailed analysis of its specificity of expressing the evaluation was carried out.

Practical implications: the results obtained can be used for further study of the means of evaluation of intellect in English.

Keywords: evaluation; assessment; intellect; lexical means; stylistic means; derivational means; syntactical means, graphic means

Категория оценки по праву занимает место среди лингвистических категорий, что обусловлено, в частности, наличием средств для выражения оценки на всех уровнях языка и многочисленными трудами, посвященными их исследованию. Значимость данной ка-

тегории можно объяснить антропоцентрическим подходом к изучению феноменов языка, превалирующим в современной лингвистике. Оценке подвергаются различные объекты действительности.

Оценка интеллекта как несомненно важного феномена имеет свои средства репрезентации. *Актуальность* данного исследования обусловлена необходимостью изучения средств выражения оценки интеллекта в средствах массовой информации, с одной стороны, и недостаточным уровнем разработанности данного вопроса, с другой стороны.

Материалом исследования послужил корпус примеров, в которых выражается оценка интеллектуальных качеств в английском языке, полученных методом сплошной выборки из статей ведущего новостного издания The Guardian за 2016-2021 гг. Всего в данную выборку вошло **223** единицы, из которых **99** единиц дают *положительную* характеристику интеллекту, и **124** – *отрицательную*.

Цель исследования состоит в анализе особенностей выражения оценки интеллекта средствами английского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд исследовательских *задач*:

- осуществить выборку примеров оценивания интеллекта из новостного издания The Guardian за 2016-2021 гг.;
- классифицировать средства выражения оценки интеллекта, применяемые в средствах массовой информации;
- выявить и описать ведущее средство репрезентации оценки интеллекта через средства английского языка в средствах массовой информации.

Методы, использованные для решения поставленных задач, помимо общелингвистических включают в себя метод сплошной выборки, дефиниционный анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ, а также методы количественной обработки полученных в ходе исследования данных.

В современной лингвистической науке наметились несколько направлений изучения категории оценки. Так, Т.Е. Водоватова рассматривает оценку как социолингвистическую категорию, т.к.

«ее реализация в тексте напрямую обусловлена социологическими факторами, и прежде всего, жанром текста, который, как известно, определяется ситуацией общения» [5]. З.Б. Степанова, Н.Н. Эверстова также применяют прагматический подход, исследуя категорию оценки, полагая, что оценочная прагматическая установка оказывает решающее влияние на выбор языковых средств участниками коммуникации [14]. Другие исследователи, не отрицая важности категории оценки с прагматической точки зрения, концентрируют внимание в первую очередь на различных средствах ее выражения в различных видах текстов и дискурсов. Например, О.Р. Галиуллина изучает различные средства репрезентации оценочности в англоязычном кинодискурсе [8]. В то время как Е.М. Галанова рассматривает средства выражения оценочности в высказываниях о ЕГЭ, другие исследователи концентрируют свое внимание на отдельных средствах репрезентации оценочности, таких как лингвостилистические (И.Ж. Винокурова, Л.В. Первушина) [4], лексические (К.И. Николаева) [12], грамматические (З.Б. Степанова, Н.Н. Эверстова) [14] и т.д.

Значительное количество работ посвящены разграничению понятий «оценка» и «оценочность», «оценка» и «модальность» [9; 13]. В данной работе мы придерживаемся следующего определения интересующего нас явления, предложенного изначально в работе Н.Д. Арутюновой и впоследствии разделяемого такими исследователями, как и Н.Н. Болдырев: оценка – это «интеллектуально-психический акт вербализации положительной или отрицательной характеристики предмета, обусловленной признанием или непризнанием его ценности» [1, с. 7]. Таким образом, при помощи языковой категории оценки субъект определяет значимость объекта, используя при этом средства, принадлежащие к различным уровням языка. Амбивалентность оценки заключается в том, что ее направленность в сторону «хорошо/ плохо» определяется самим субъектом оценки и зависит от целого ряда экстралингвистических факторов. Термин «оценочность» является смежным с понятием «оценки», но невозможно и не следует их полностью отождествлять. В.Г. Колшанский в данной связи замечает, что «оценка от-

носится к рациональному характеру суждения, а эмоциональная составляющая оценки, т. е. оценочность, не может быть выражена в языке, не пройдя через «фильтр сознания» [10, с. 143]. Таким образом, оценка и оценочность различаются по принципу целое и его часть. Применяя термин «оценочность», исследователь акцентирует внимание на наличии эмотивного компонента.

Средства выражения оценки интеллекта весьма многообразны. Нами были выделены следующие средства английского языка, применяемые для оценки интеллекта в средствах массовой информации: графические, словообразовательные, лексические, синтаксические и стилистические.

В таблице № 1 представлены примеры различных средств выражения оценки интеллекта, а также информация о частотности их употребления.

Таблица №1.

**Виды средств выражения оценки интеллекта
в средствах массовой информации**

Вид средства	Кол-во	%	Примеры
лексические	161	71	<i>gruesome but simple-minded multiple-identity thriller.</i> <i>a dull-witted mutton-headed lamebrain.</i> <i>dull-as-ditchwater fantasy romp.</i> <i>how Eggheads got too smart and stopped being fun.</i>
стилистические	35	16	<i>The diabolical genius of the baby advice industry.</i> <i>He's not dopey or stupid or amusingly ropey.</i> <i>Is ignorant bliss better than knowledgable gloom?</i>
синтаксические	17	8	<i>The AI is neither artificial nor intelligent.</i> <i>Short answers, please – no big words, to be anything but dopey.</i>
графические	6	3	<i>Restoration influencer: how Charles II's clever (!) mistress set trends ahead of her time.</i> <i>Midsomer Murders star defends 'brilliant' BBC entertainment.</i>
словообразовательные	4	2	<i>One of the striking things about his cleverish yet characterless conceptualism is that he conveniently makes things for, and about, art fairs.</i>
ИТОГО	223		

Как мы видим в таблице № 1, наиболее распространенным средством выражения оценки интеллекта в средствах массовой информации являются лексические средства. Оценка в данном случае заложена в значении слова и является его семантическим компонентом. Лексические средства составляют 71% из всех единиц корпуса примеров в данной работе.

Стилистические средства выражения оценки интеллекта также обладают значительной частотностью, хотя и значительно уступают лексическим средствам, и составляют 16%.

Синтаксические, словообразовательные и графические средства обладают относительно небольшой частотностью среди всех средств выражения оценки интеллекта в средствах массовой информации, и составляют 8, 3 и 2% соответственно.

Проанализировав частотность использования различных средств английского языка для выражения оценки в средствах массовой информации, можно прийти к выводу о том, что лексические средства являются ведущими средствами репрезентации оценки интеллекта. Синтаксические, стилистические, графические и словообразовательные средства являются вспомогательными и сопутствуют применению лексических средств, хотя лексические средства выражения оценки интеллекта могут употребляться отдельно.

Далее, необходимо рассмотреть особенности выражения оценки интеллекта лексическими средствами английского языка, поскольку именно эти средства являются наиболее частотными. Проведя дефиниционный и компонентный анализ с элементами контекстуального, нами были выделены отдельные характеристики интеллекта, которые подвергаются оцениванию лексическими средствами английского языка.

На основании выраженности дифференциальных сем нами были выделены девять аспектов, с точки зрения которых интеллект подвергается оцениванию: 1) ресурсы интеллекта; 2) скорость мыслительных процессов; 3) эффективность деятельности; 4) способ получения знаний; 5) факторы, влияющие на уровень интеллекта; 6) степень оригинальности мышления; 7) логичность и реалистич-

ность; 8) объект оценивания и 9) восприятие окружающими интеллектуальной деятельности.

Первый аспект интеллекта, который подвергается оцениванию в средствах массовой информации, – это **ресурсы интеллекта**, причем ресурсы эти могут оцениваться и как высокие (genius, able, Einstein), и как низкие (stupid, asinine, birdbrained, backward).

Второй аспект интеллекта, который подвергается оцениванию в средствах массовой информации, – это **скорость мыслительных процессов**. Скорость может оцениваться как высокая (agile, sharp, fast on the draw, quick-minded) и как низкая (behind, dim-witted, obtuse, backward).

Третий аспект представляет собой оценивание **эффективности деятельности**, которая может быть оценена как эффективная (efficient, conscious, neat, skillful) или безрезультатная (awkward, around in circles).

Четвертый аспект связан со **способом получения знаний**: интеллект оценивается как результат практической, бытовой деятельности (cunning, crackerjack, foxy, versed) или как результат теоретической, научной деятельности (scholarly, fitted, enlightened, illiterate). Следует обратить внимание, что данному компоненту значения в большинстве случаев сопутствует положительная оценка.

В пятом аспекте акцентируется внимание на **факторах, влияющих на уровень интеллекта**. Факторы многообразны и включают в себя возраст (au fait, childish, drivelling, immature), опыт (experienced, skilled, trained, competent), злоупотребление алкоголем, наркотиками (dope, dopey, fried, mauldin), эмоции (bugged out, sorry, sappy), состояние здоровья (cretinous, weak-minded, retarded), образование (unlearned, sophisticated, uneducated, jejune).

Шестой аспект, с точки зрения которого интеллект подвергается оцениванию в средствах массовой информации, – это **объект оценивания**. Оценка может быть направлена на самого человека (smart, unschooled, clear-sighted) или его деятельность (advanced, tricky, ill-considered).

Седьмой аспект выражен в оценивании **степени оригинальности мышления**. Процессы и продукты интеллектуальной деятель-

ности могут оцениваться как оригинальные (innovative, innovatory, ingenious, inventive) или как обычные, заурядные (stock, square, simple-minded).

Говоря о *восьмом аспекте*, следует отметить, что оценка в данном случае происходит с точки зрения **логики и рациональности**. Интеллектуальная деятельность может оцениваться как логичная, рациональная (reasonable, capable, sagacious) или нелогичная, противоречащая здравому смыслу (balmy, incoherent, foolhardy, insane).

И наконец, *девятый аспект* связан с оцениванием как результатом **восприятия окружающими интеллектуальной деятельности**. Окружающие могут оценивать интеллектуальную деятельность и ее продукты как простые для восприятия (incisive, efficient, neat) или непонятные, сложные для восприятия (incomprehensible, scatterbrained, wacky).

Подводя итог проведенному исследованию особенностей выражения оценки интеллекта средствами английского языка, можно сделать определенные выводы. Во-первых, для выражения оценки интеллекта могут использоваться различные средства, а именно: лексические, стилистические, синтаксические, словообразовательные и графические. Во-вторых, частотность применения лексических средств значительно превалирует над другими средствами, хотя стилистические средства также составляют значительную часть. Лексические средства часто применяются совместно с другими средствами оценивания интеллекта. В-третьих, в такой ситуации другие средства являются вспомогательными и, как правило, поддерживают оценку, выраженную лексически. Исключения составляют некоторые стилистические средства, например связанные с проявлением сарказма, когда прямая лексическая оценка контрастирует с истинной оценкой, содержащейся в высказывании. И наконец, следует отметить, что интеллект подвергается оцениванию не только с позиции его уровня (высокий, низкий или средний), но и с учетом других аспектов. Нами были выделены различные аспекты, с точки зрения которых интеллект подвергается оцениванию. Таким образом, оценка интеллекта средствами английского

языка в средствах массовой информации является многосторонней и многоаспектной.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5-23.
2. Богданова Л.И. Эволюция оценок и ценностей и её отражение в современном русском языке // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15-17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н.А. Купина. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. 334 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014. 236 с.
4. Винокурова И.Ж., Первушина Л.К. Лингвостилистические средства оценочности в интернет-дискурсе // Казанская наука. № 10. 2019. С. 75-77.
5. Водоватова Т.Е. Оценочность как социолингвистическая категория (на материале функционирования оценочности в англоязычных медиатекстах) // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 2. С. 125-130.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
7. Галанова Е.М. Средства выражения оценочности в высказываниях о ЕГЭ // Ежегодная научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения-2019» 3-5 апреля 2019 года, г. Севастополь. С. 143-144.
8. Галиуллина О.Р. Языковая репрезентация оценочности в англоязычной любительской кинорецензии (лексический уровень) // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики. XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. С. 27-28
9. Гладкова О.Х. К вопросу о соотношении понятий «ценность», «оценка» и «оценочность» // Язык и межкультурная коммуникация. Материалы Международной научной конференции. Псков, 2019. С. 102-107.

10. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
11. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М.: Правда, 1996. 87 с.
12. Николаева Е.С., Зуй А.В. Эмоционально-оценочная лексика в аспекте художественного перевода // Научно-практические исследования, № 4-1 (19), 2019. С. 38-39.
13. Пантеева К.В. Оценка, оценочность, субъективная модальность: разграничение понятий // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов. 2019. С. 58-61.
14. Степанова З.Б., Эверстова Н.Н. Грамматические средства выражения категории оценочности в японском газетном дискурсе // Социосфера. № 4. 2018. С. 139-142.
15. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 25.11.2021)

References

1. Arutyunova N.D. Aksiologija v mehanizmah zhizni i jazyka [Axiology in the mechanisms of life and language]. *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of Structural Linguistics]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 5-23.
2. Bogdanova L.I. Evolyutsiya otsenok i tsennostey i ee otrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Evolution of assessments and values and its reflection in the modern Russian language]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf.* [Axiological Aspects of Modern Philological Research]. Yekaterinburg: Azhur Publ., 2019, 334 p.
3. Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika [Cognitive semantics]. *Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov, 2014, 236 p.
4. Vinokurova I.Zh., Pervushina L.K. Lingvostilicheskie sredstva otsenochnosti v internet-diskurse [Linguistic and stylistic means of evaluativeness in Internet discourse]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2019, no. 10, pp. 75-77.

5. Vodovatova T.E. Otsenochnost' kak sotsiolingvisticheskaya kategoriya (na materiale funktsionirovaniya otsenochnosti v angloyazychnykh mediatekstakh) [Appraisal as a sociolinguistic category (based on the functioning of appraisal in English-language media texts)]. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management], 2018, no. 2, pp. 125-130.
6. Wolf E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Editorial URSS, 2002, 280 p.
7. Galanova E.M. Sredstva vyrazheniya otsenochnosti v vyskazyvaniyakh o EGE [Means of expressing evaluativeness in statements about the Unified National Exam]. *Ezhegodnaya nauchnaya konferentsiya MGU «Lomonosovskie chteniya-2019»* [Annual scientific conference of Moscow State University "Lomonosov Readings-2019"], 2019, Sevastopol, pp. 143-144.
8. Galiullina O.R. Yazykovaya reprezentatsiya otsenochnosti v angloyazychnoy lyubitel'skoy kinoretsenzii (leksicheskiy uroven') [Linguistic representation of evaluativeness in the English-language amateur film review (lexical level)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovoy kommunikatsii i lingvodidaktiki. XVIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of linguistics, translation studies, language communication and linguodidactics. XVIII All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Moscow, 2017, pp. 27-28.
9. Gladkova O.Kh. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «tsennost'», «otsenka» i «otsenochnost'» [To the question of the relation between the concepts of "value", "assessment" and "evaluativeness"]. *Yazyk I mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Language and intercultural communications, Materials of the International Scientific Conference]. Pskov, 2019, pp. 102-107.
10. Kolshansky G.V. *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke* [The ratio of subjective and objective factors in the language]. Moscow: Nauka, 1975, 231 p.
11. Markelova T.V. *Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of evaluation and means of its expression in Russian]. Moscow: Pravda, 1996, 87 p.

12. Nikolaeva E.S., Zuy A.V. Emotsional'no-otsenochnaya leksika v aspekte khudozhestvennogo perevoda [Emotional and evaluative vocabulary in the aspect of literary translation]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya* [Scientific and Practical Research], 2019, no. 4-1 (19), pp. 38-39.
13. Panteeva, K.V. Otsenka, otsenochnost', sub'ektivnaya modal'nost': razgranichenie ponyatiy [Assessment, evaluativeness, subjective modality: differentiation of concepts] *Gertsenovskie chteniya. Inostrannyye yazyki. Sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings. Foreign languages. Collection of scientific papers], 2019, pp. 58-61.
14. Stepanova Z.B., Everstova N.N. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya kategorii otsenochnosti v yaponskom gazetnom diskurse [Grammatical means of expressing the category of evaluativeness in the Japanese newspaper discourse]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2018, no. 4, pp. 139-142.
15. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed 25.11.2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гаврикова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
ykanshina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Gavrikova, Candidate of Philology, Associate Professor of
Department of Foreign Languages
Voronezh State Pedagogical University
86, Lenin Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
ykanshina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8526-1629

Поступила 13.11.2021

После рецензирования 06.12.2021

Принята 10.12.2021

Received 13.11.2021

Revised 06.12.2021

Accepted 10.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-380-390

УДК 811.161

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

*Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А.,
Аксенова А.Т., Буданова Н.А.*

Статья посвящена изучению когнитивно-коммуникативных возможностей сложноподчиненных условных предложений, функционирующих в языке современных масс-медиа.

Целью исследования является анализ семантико-прагматических функций сложноподчиненных условных предложений с союзом если, активно участвующих в синтаксической организации публицистического текста.

Для реализации целей и задач работы использованы контекстуальный анализ, метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод.

Результаты исследования. Сложноподчиненное условное предложение способно в своей смысловой структуре отражать характер коммуникативных и познавательных целеустановок того или иного текста. Особенности функционирования сложноподчиненных условных предложений в текстах газеты определяются реализацией 2-х основных функций: сообщения и воздействия. В информативных жанрах часто используются предложения, в которых вербализуется ситуация альтернативного развития событий и реализуется прогностический модус. Субъект речи представляет 2 версии возможных событий (условий и следствий), причем обе они равноправны. Это так называемая «сильная альтернатива». В газетных сообщениях, как правило, представлено и второе звено альтернативы в виде параллельной противопоставленной конструкции, что и позволяет сделать вывод о текстообразующих функциях данных комплексов. За

рекламными текстами «закреплены» сложноподчиненные условные предложения с деонтической побудительной модальностью. Такие конструкции непосредственно апеллируют к читателю, воздействуют на его сознание и поведение. Изучение семантических и функциональных особенностей условных конструкций в газетных текстах показало, что сложноподчиненные условные предложения как единица когнитивно-коммуникативного уровня служит достаточным контекстом для выявления специфических признаков сферы общения. Современный читатель находится под постоянным коммуникативным воздействием, о чем свидетельствует экспансия рекламных текстов, в которых реализуются сложноподчиненные условные предложения с побудительной модальностью.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть полезны при разработке лекций и семинаров по языкознанию, стилистике и культуре речи.

Ключевые слова: семантико-прагматические функции; сложноподчиненное условное предложение; публицистический текст

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE POTENTIAL OF COMPLEX CONDITIONAL SENTENCES IN THE NEWSPAPER LANGUAGE

*Axenova E.D., Kuznetsova A.A.,
Axenova A.T., Budanova N.A.*

The article is devoted to the study of cognitive and communicative capabilities of complex conditional sentences functioning in the language of modern mass media.

The aim of the study is to analyze the semantic and pragmatic functions of complex conditional sentences with the conjunction if, actively participating in the syntactic organization of the journalistic text.

To implement the aims and objectives of the work, contextual analysis, continuous sampling method for the selection of practical material, as well as descriptive method were used.

The results of the study. A complex conditional sentence is capable of reflecting in its semantic structure the nature of the communicative and cognitive goals of a particular text. The features of the functioning of complex conditional sentences in the texts of the newspaper are determined by the implementation of 2 main functions: messages and impacts. In informative genres, sentences are often used in which the situation of an alternative development of events is verbalized and a predictive mode is implemented. The subject of speech presents 2 versions of possible events (conditions and consequences), and both of them are equal. This is the so-called “strong alternative”. In newspaper reports, the second link of the alternative is normally presented in the form of a parallel opposed structure, which allows us to conclude about the text-forming functions of these complexes. Complex conditional sentences with deontic incentive modality are “fixed” to advertising texts. Such constructions directly appeal to the reader, affect their consciousness and behavior. The study of semantic and functional features of conditional constructions in newspaper texts has shown that complex conditional sentences as a unit of cognitive-communicative level serves as a sufficient context for identifying specific features of the sphere of communication. The modern reader is under constant communicative influence, as evidenced by the expansion of advertising texts in which complex conditional sentences with motivational modality are implemented.

The scope of the results. The results of the work can be useful in the development of lectures and seminars on linguistics, stylistics and culture of speech.

Keywords: semantic-pragmatic functions; complex conditional sentence; journalistic text

Введение

Язык газеты нашего времени привлекает внимание исследователей с различных точек зрения: как средство отражения языкового сознания современного общества, состояния речевой культуры и как способ изучения живых, развивающихся в языке тенденций. Публицистика – это зеркало, отражающее активные процессы пре-

образований и новшеств, которые происходят в современном языке на всех его уровнях языковой подсистемы, в том числе и синтаксическом, непосредственно связанном с коммуникативно-когнитивной деятельностью субъекта речи. **Новизна** исследования состоит в том, что предметом наших наблюдений являются семантико-прагматические функции сложноподчиненных условных предложений (УСП) с союзом *если*, активно участвующих в синтаксической организации публицистического текста. В свое время С.Г. Ильенко очень точно указала на специфические модальные особенности условной конструкции, позволяющие передавать такие нюансы человеческой мысли, которые делают ее в ряде случаев предпочтительнее других форм [1]. М.В. Ляпон подчеркивает, что логическое толкование союза *если* оставляет в тени основной профиль конструкций – проблематичность ситуации [4]. Следует отметить, что **актуальность** исследования состоит в том, что изучение УСП как в традиционных, так и в новейших концепциях сталкивается с объективными трудностями, связанными с проблемами интерпретации и создания типологии УСП. Одной из причин, препятствующих созданию непротиворечивой классификации УСП в научных грамматиках, являются процессы семантической диффузии, в результате чего функциональная емкость конструкции вступает в противоречие с закрепленной узуальной семантикой союза *если* (т.е. возникает асимметрия формы и содержания).

Современные исследователи, выявив множество семантико-прагматических модификаций сложных предложений, пришли к выводу, что именно контекст является определяющим фактором при интерпретации конкретного значения условной сложной конструкции. Контекст применительно к УСП предполагает обращение не только к лексико-семантическому наполнению конструкции, но и требует концептуальной информации говорящего, пишущего, обладающего компетенцией о действительном или возможном положении дел. Когнитивная семантика УСП не образует бинарной оппозиции реальное/гипотетическое. Содержание сложной конструкции позволяет передать различные формы взаимодействия

между реальностью и гипотезой, переход от гипотетического к воображаемому и т.д. В тексте семантика УСП с препозитивной придаточной частью позволяет актуализировать коммуникативные намерения участников речевого акта, а также различную степень прагматической активности субъекта речи: модус знания, прогностический модус, модус оценки и др. [5, с. 155]. Таким образом, УСП, как никакая другая единица, способна в своей смысловой структуре отражать характер коммуникативных и познавательных целеустановок того или иного текста.

Особенности функционирования УСП в текстах газеты определяются реализацией 2-х основных функций: сообщения и воздействия. [3] Именно эти функции составляют специфику газетных жанров, и этим обуславливается высокая употребительность УСП в данной сфере.

В нашем материале наиболее частотными являются следующие разновидности УСП. В информативных жанрах часто используются предложения, в которых вербализуется ситуация альтернативного развития событий и реализуется прогностический модус. В этом случае текст строится по определенной схеме. Например: Сейчас можно точно сказать, что пришла четвертая волна вируса COVID-19. Если штамм вируса не изменится, то это будет последняя волна. А если все-таки придет новый вид инфекции, то врачам придется работать в еще более экстремальных условиях.

Субъект речи представляет 2 версии возможных событий (условий и следствий), причем обе они равноправны. Это так называемая «сильная альтернатива». Обычно «теневое» значение альтернативы не эксплицируется, однако в газетных сообщениях, как правило, представлено и второе звено альтернативы в виде параллельной противопоставленной конструкции, что и позволяет сделать вывод о текстообразующих функциях данных комплексов.

В современной прессе, рассчитанной на массового читателя, актуальным является жанр интервью. Именно в диалоге интервью налицо оба участника речевой ситуации, возможно прямое обращение к собеседнику. Отмечается пространность ответной реплики,

представляющей собой монологическое высказывание с использованием конструкций обусловленности, которые реализуют «в своей семантике коммуникативно-прагматические установки информирования, констатирования [2, с. 208]: – Мне диагностировали острую двустороннюю нейросенсорную тугоухость. Что могло стать причиной ее возникновения? – Причин может быть несколько. Если Вы принимали ототоксические препараты, то это могло вызвать развитие заболевания. Если Вы страдаете гипертонией, атеросклерозом сосудов, перенесли вирусное заболевание, то это так же может служить причиной двусторонней нейросенсорной тугоухости» [6, с. 208-209].

Кроме того, жанр интервью стал «открытой дверью» для проникновения в язык газеты средств устной речи, в том числе и просторечия, жаргонизмов и т.д. Не является исключением в этом смысле и лексика УСП. Например: Ну, если тебя так раздражает тащиться туда, валяй, беги, может, предложат работенку. Однако наиболее часто в таких текстах встречаются специализированные структуры УСП, в которых придаточная часть, по определению Т.А. Колосовой, теряет «семантику события», приближаясь к вводным конструкциям [2]. Придаточная часть оформлена глаголами ментальной и речевой деятельности, как правило, в инфинитиве: *если исходить из; если говорить честно* и др. Например: Если говорить честно, климатические шараханья не самая большая беда. Т.А. Колосова считает, что данные конструкции служат своеобразным фразеологическим средством актуализации определенного отрезка высказывания, не неся никакой новой информации. На наш взгляд, в языке газеты такие конструкции выполняют важные коммуникативно-прагматические и стилистические функции. Употребление таких конструкций в репликах интервью является не только риторическим приемом для выделения предмета разговора или суждения, но и служит прагматическим корректором вежливости: *если позволите узнать, если можно спросить* и т.д.

Современная газета отражает экспансию рекламных текстов, в последнее время особенно активизировалась медицинская реклама.

Основная задача рекламного текста – воздействие на сознание адресата и побуждение потенциального читателя к действию. За данными текстами «закреплены» УСП с деонтической побудительной модальностью. *Если вы* хотите всегда быть красивой, *вы должны* посещать салон красоты; *Если* ваши друзья рано встают по утрам и сразу принимаются за дела, *подарите* им чай «Ахмад». . . ; *Если* хотите получить богатый урожай сливы, *покупайте* саженцы у нас . . . ; *Если* десны кровоточат, то *нужно пользоваться* мягкими щетками.

Предложения данного типа выделяются в особую группу в связи с особенностями семантики и текстообразующими функциями. В придаточной части содержится логическое обоснование или причина, а главная часть содержит сообщение, направленное на адресата, его действие, поведение, которое эксплицируется императивами, предикатами «нужды», необходимости, рекомендательности (с модусом побуждения, предписания). Такие конструкции непосредственно апеллируют к читателю, воздействуют на его сознание и поведение.

Заключение

Таким образом, изучение семантических и функциональных особенностей условных конструкций в газетных текстах показало, что

1. УСП как единица когнитивно-коммуникативного уровня служит достаточным контекстом для выявления специфических признаков сферы общения.
2. Благодаря семантической емкости УСП находят широкое использование на «газетной полосе», выполняя как информационные, так и воздействующие функции, поскольку в задачу журналиста входит не только сообщение о событиях и явлениях, но и выражение своего отношения к ним, а также воздействие на чувства читателей.
3. Функциональная прикрепленность УСП к определенным жанрам позволяет выявить модально-коммуникативные установки создателя текста, а также стилистические функции конструк-

ций в данных текстах. Когнитивная семантика УСП отражает «мир» возможных и реальных событий, желаний, предпочтений, оценок современных носителей русского языка.

4. Лексико-синтаксическая семантика УСП обнаруживает общую тенденцию СМИ к активизации устно-разговорных средств, особенно в жанре интервью.

Наблюдения позволяют сделать вывод о том, что современный читатель находится под постоянным коммуникативным воздействием, о чем свидетельствует экспансия рекламных текстов, в которых реализуются УСП с побудительной модальностью.

Список литературы

1. Ильенко С.Г. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 391 с.
2. Колосова Т.Л. Русские сложные предложения асимметрической структуры. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2008, 212 с.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1971, 268 с.
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1986, 201 с.
5. Мирзоева В.М., Аксенова Е.Д., Мирзоева Е.З. Сложноподчиненные предложения с интерпозитивной придаточной частью в текстах медицинской специальности (на материале оториноларингологии) // Современные исследования социальных проблем, 2019, Т. 11, №5, С. 151-160.
6. Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Мирзоева Е.З. Коммуникативно-прагматическая функция сложных предложений в диалогической структуре текстов медицинской направленности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 1. 2017. С. 207-211.

References

1. Il'enko S.G. *Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow: Yurajt Publ., 2018, 391 p.
2. Kolosova T.L. *Russkie slozhny'e predlozheniya asimmetricheskoj struktury* [Russian complex sentences of asymmetric structure]. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2008, 212 p.
3. Kostomarov V.G. *Russkij yazyk na gazetnoj polose* [Russian language on the newspaper page]. M.: Lomonosov Moscow State Un-ty Publ., 1971, 268 p.
4. Lyapon M.V. *Smy`sl'ovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovy`x otnoshenij* [The semantic structure of a complex sentence and the text. On the typology of intra-textual relations]. Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences "Nauka Publishing House", 1986, 201 p.
5. Mirzoeva V.M., Aksenova E.D., Mirzoeva E.Z. Slozhnopodchinenny'e predlozheniya s interpozitivnoj pridatochnoj chast'yu v tekstax medicinskoj special'nosti (na materiale otorinolaringologii) [Compound sentences with an interpositive subordinate part in the texts of the medical specialty (based on the material of otorhinolaryngology)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2019, vol. 11, no. 5, pp. 151-160.
6. Mirzoeva V.M., Kuznecova A.A., Mirzoeva E.Z. Kommunikativno-pragmaticheskaya funkciya slozhny`x predlozhenij v dialogicheskoj strukture tekstov medicinskoj napravlenosti [The communicative and pragmatic function of complex sentences in the dialogical structure of medical texts]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. Series: Philology, 2017, no. 1, pp. 207-211.

ДАнные об авторах

Аксенова Екатерина Дмитриевна, доцент кафедры русского языка, доцент, кандидат филологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

*ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация
katrintver@mail.ru*

Кузнецова Анжелика Алимовна, и.о. заведующего кафедры русского языка, доцент, кандидат филологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
*ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация
ruslang@tvergma.ru*

Аксенова Анастасия Теймуразовна, доцент кафедры русского языка, доцент, кандидат филологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
*ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация
labuchidze@mail.ru*

Буданова Наталья Александровна, ассистент кафедры русского языка, кандидат филологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
*ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация
fraubudanova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina D. Axenova, PhD in Philology, Senior lecturer, Associate professor at the Department of Russian Language
Tver State Medicine University

4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
katrintver@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7726-6793

Anjelika A. Kuznetsova, PhD in Philology, Senior lecturer, Acting Head of the Department of Russian Language
Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
ruslang@tvergma.ru

Anastasia T. Axenova, PhD in Philology, Senior lecturer, Associate professor at the Department of Russian Language
Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
labuchidze@mail.ru

Natalia A. Budanova, PhD in Philology, Assistant of the Department of Russian Language
Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
fraubudanova@yandex.ru

Поступила 22.11.2021
После рецензирования 11.12.2021
Принята 15.12.2021

Received 22.11.2021
Revised 11.12.2021
Accepted 15.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-391-417

УДК 81'373.48

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛОЗУНГА

Лемешко Ю.Р., Ташлыкова М.Б.

Обоснование. Лозунг как феномен общественно-политической коммуникации рассматривается в современной науке в разных аспектах, причем одним из центральных вопросов остается вопрос о функциональной специфике единиц такого типа. Анализ научной литературы показывает, что ни терминологического, ни содержательного единства при решении названной проблемы не обнаруживается.

Целью настоящей работы является уточнение представлений о функциональном своеобразии лозунгов на основе всестороннего осмысления имеющихся подходов и анализа эмпирического **материала**, который представляет собой корпус из 3300 лозунговых высказываний, отобранных из российских печатных и электронных СМИ за период 2011-2020.

В рамках исследования комплексно используются **методы** и приемы структурно-семантического, контекстуального, дискурсивного анализа.

Результаты исследования демонстрируют, что лозунг как особый тип текста характеризуется принципиальной полифункциональностью, обусловленной взаимодействием трех векторов политической коммуникации, выделенных Е.И. Шейгал (ориентация – интеграция – агональность). Построение строгой функциональной типологии лозунгов, ориентированной на проведение четких демаркационных линий между группами, представляется противоречащим самой природе этих языковых выражений. Функциональная квалификация отдельных лозунгов может быть осуществлена с учетом того, что находится в фокусе в каждом конкретном случае и какие языковые маркеры используются в составе высказывания.

Область применения результатов – лекционные и практические курсы по языкознанию, теории коммуникации, теории речевого воздействия.

Ключевые слова: лозунг; политическая коммуникация; иллокутивная направленность; функциональные характеристики языковых выражений

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SLOGAN

Lemeshko Yu.R., Tashlykova M.B.

Substantiation of the topic. The slogan as a phenomenon of social and political communication is considered in modern science in different aspects. One of the central issues is the question of the functional specifics of units of this type. The analysis of scientific literature shows that there is neither terminological nor substantive unity in the solution of this problem.

The purpose of this work is to clarify ideas about the functional originality of slogans based on a comprehensive understanding of the existing approaches and analysis of empirical material. The corpus consists of 3300 slogan statements selected from Russian published press and electronic media for the period 2011-2020.

The *methods and techniques* of structural-semantic, contextual, and discursive analysis are used in the framework of the study.

The results of the study demonstrate that the slogan as a special type of text. It is characteristic of a fundamental multifunctionality due to the interaction of three vectors of political communication identified by E.I. Sheigal (orientation – integration – agonality). The construction of a strict functional typology of slogans, focused on drawing clear demarcation lines between groups, seems to contradict the very nature of these linguistic expressions. The functional qualification of individual slogans can be carried out taking into account what is in focus in each particular case and what linguistic markers are used in the utterance.

The field of application of the results is lecture and practical courses in linguistics, communication theory, impact theory.

***Keywords:** slogan; political communication; illocutionary orientation; semiotic signs of communication; functional characteristics*

Введение

Один из важных вопросов, обсуждаемых в научной литературе, посвященной исследованию лозунговых высказываний, – это вопрос о их функциональном своеобразии: в целом ряде работ по проблеме сформулированы перечни функций, выполняемых лозунгами, и предложена характеристика этих функций (см., например: [9; 7; 16; 5; 13 и др.]). Однако ни терминологического, ни содержательного единства при обсуждении данного вопроса не обнаруживается. Между тем этот вопрос является чрезвычайно важным, поскольку именно функциональная направленность лозунга существенным образом влияет на другие его характеристики.

Целью настоящей работы является уточнение представлений о функциональном своеобразии лозунгов на основе всестороннего осмысления имеющихся подходов и анализа эмпирического **материала**, который представляет собой корпус из 3300 лозунговых высказываний, отобранных из российских печатных и электронных СМИ за период 2011-2020. В рамках исследования комплексно используются **методы** и приемы структурно-семантического, контекстуального, дискурсивного анализа.

Функции лозунгов

в свете современной лингвистической теории

Большинство исследователей указывает на зависимость выполняемой лозунгом функции от его принадлежности к определенному прагматико-коммуникативному типу.

Так, Ю.И. Левин выделяет три группы лозунгов, каждый из которых выполняет свою собственную функцию: **призывы** (*Выполним годовой план к 29 декабря!*), реализующие функцию **побуждения** адресата к действию; **здравицы** (*Да здравствует ленинизм – знамя революционной борьбы, коммунистического создания и мира!*), выполняющие **магическую** функцию (сверхъестественное вер-

бальное воздействие на объект); **констатации** (*Комсомол – верный помощник партии; Советско-болгарская дружба нерушима* и т.п.), основная функция которых – **поучительная** [9, с. 542]. В качестве особой разновидности выделены лозунги, образуемые формой будущего времени глагола (*Коммунизм победит!*), выполняющие прогностическую функцию.

Классификация Х. Вальтера, построенная с учетом иллокутивной направленности лозунга, включает лозунги-призывы, лозунги-констатации, лозунги-пожелания, лозунги-патетизмы.

Совершенно очевидно, что первые две группы совпадают (по крайней мере, терминологически) с теми, которые выделены Ю.И. Левиным.

Лозунги-призывы, к которым относятся выражения типа *Живи и жить давай другим; Ни шагу назад!* и т.п., по Вальтеру, выполняют «призывную» (= побудительную) функцию.

К лозунгам-констатациям автор относит такие высказывания, в которых содержатся суждения о ценностях и предпочтениях, декларируется политическая позиция, ср.: *Я больше не знаю партии, я знаю лишь Германию; Народ – это мы!* Как следует из примеров, в лозунгах такого типа отсутствует прямая побудительность, поэтому Х. Вальтер квалифицирует их как декларативные. Особый подкласс декларативных лозунгов составляют структуры квалификативно-идентифицирующего типа, которые осуществляют отнесение к классу через прямолинейную оценочную квалификацию и могут содержать аксиологически противоположные оценочные речевые элементы одобрения и осуждения, ср.: *Демократию сейчас или никогда; Учиться у народа значит учиться.* В таких лозунгах «превалирует не агитационная, а пропагандистская функция, содержащая элемент дидактичности (просветительства)» [5, с. 41].

Легко заметить, что характеристика лозунгов-констатаций как высказываний, содержащих элемент **дидактичности**, не только терминологически, но и содержательно соотносится с идеей Ю.И. Левина, который усматривает в подобных случаях реализацию **поучительной** функции лозунгов.

Две другие группы, выделенные Х. Вальтером, требуют дополнительных комментариев.

Исследователь считает нужным отделить лозунги-пожелания от лозунгов-призывов на том основании, что первые представляют собой лозунги этикетного и «благодарственного» типа, а также просьбы и констатирующие пожелания, ср.: *Мир дому твоему! Мир хижинам, война дворцам!*

Думается, однако, что разграничение собственно призывов и лозунгов-пожеланий является в значительной мере субъективным решением.

Х. Вальтер не называет каких-либо объективных показателей (например, грамматических маркеров), которые могли бы служить критерием для отнесения того или иного лозунга к соответствующей группе. Судя по приведенным примерам, он имеет в виду в первую очередь степень категоричности требования, которую, однако, очень трудно оценить объективно. Почему лозунги *Вместе за нашу страну! Один за всех, все за одного!* отнесены к призывам, а *Мир хижинам, война дворцам!* – к пожеланиям?

Важно в этой связи подчеркнуть, что и *призыв*, и *пожелание*, и *просьба* являются разновидностями директивных речевых актов, к числу которых относятся также *жалоба*, *запрет*, *инструкция*, *команда*, *поручение*, *подстрекательство*, *предложение*, *предписание*, *приглашение*, *принуждение*, *разрешение*, *распоряжение*, *рекламация*, *рекомендация*, *совет*, *требование*, *убеждение*, *уверение*, *увещевание*, *уговаривание*, *угроза*, *ультиматум*, *урезонивание*, *успокаивание*, *утешение*, *ходатайство*, *шантаж* и т.д. (см. [3]). Кроме того, как указывает И.Н. Борисова, *просьбы* различаются по степени интенсивности (ср. *заклинание*, *мольба*, *настояние*, *упрашивание*).

Как представляется, предложенное классификационное деление требует уточнения: необходимо либо указать критерии, разграничивающие лозунги-призывы и лозунги-пожелания, либо включить их в одну группу, имея в виду тождество функции (побудительной либо какой-то другой, см. ниже).

Еще одна группа лозунгов – лозунги-патетизмы – выделена в работе Х. Вальтера на том основании, что для них характерна гиперболизированная «призывность», отличительная патетическая окраска, ср.: *Да здравствует пролетарский интернационализм! Моя работа – моё поле битвы за мир! Партия, партия, которая всегда права! Да, мы можем!* Как указывает автор, такие патетические лозунги внушают «естественную данность», «неизбежность», «незыблемость идей» [5, с. 41].

Нетрудно заметить, что эта характеристика очень близка той, которая предложена для констатаций (см. выше). В приведенных примерах отсутствует прямая побудительность; в отдельных случаях имеются аксиологически нагруженные лексемы (*партия права, работа – поле битвы за мир*); в целом подобные лозунги легко подвести под определение *декларативные*, если иметь в виду словарное значение этого прилагательного: *декларативный* – ‘имеющий форму *декларации* (в 1 знач.), торжественный’; *декларация* – ‘официальное провозглашение каких-л. принципов, положений от лица государства, партии, международной организации и т. п.’ [6].

Таким образом, разграничение лозунгов-констатаций и лозунгов-патетизмов в работе Х. Вальтера также представляется не вполне оправданным. Важно тем не менее отметить, что Х. Вальтер так же, как и Ю.И. Левин, считает необходимым отделить лозунги-призывы, которые выполняют побудительную функцию, от тех, которые имеют иную функциональную специализацию – дидактическую, или, по Ю.И. Левину, поучительную. Немаловажно и то, что оба исследователя используют для квалификации таких лозунгов термин *констатации*, прямо противопоставляя их лозунгам побудительного характера.

Аналогичные наблюдения обнаруживаются и в работах других ученых.

Так, Л.В. Енина, определяя функции лозунгов, тоже считает необходимым учитывать их «типологическую принадлежность», которая определяется экстралингвистическими параметрами. Исследователь выделяет три жанровых разновидности лозунгов: первая «включает

в себя лозунги, функционирующие на митингах, пикетах, забастовках»; вторая – это лозунги, используемые во время избирательных кампаний; третья – лозунги, размещаемые на стационарных уличных щитах. Л.В. Енина полагает, что «каждая из разновидностей ... противопоставляется другой на основе прагматической функции» [7, с. 9]. Лозунги первой группы, по мнению автора, содержат «требования, оценки, утверждение / опровержение идеи (*Требуем снижения цен! Нет гражданской конфронтации!*); вторая группа лозунгов ориентирована на привлечение голосов избирателей (*Голосуй сердцем! Я пришел дать вам волю*); третья – на декларирование культурных и социальных ценностей (*Сделаем наш город городом высокой культуры! Низкий поклон вам, дорогие ветераны!*).

Таким образом, по мысли автора, способ существования (плакат из ватмана или такни, листовка, стационарный щит) и сфера бытования (акция протеста, избирательная кампания и т.п.) лозунга задают его функциональные характеристики. Как представляется, такой подход, с одной стороны, совершенно справедливо акцентирует внимание на необходимости постоянно иметь в виду различные «внешние» по отношению к тексту лозунга обстоятельства, но, с другой стороны, не учитывает тот факт, что однотипные в структурно-семантическом отношении лозунги могут использоваться в **любой** из трех перечисленных «жанровых ситуаций» (см. отсылку к введенному С.С. Аверинцевым понятию *ситуация жанра* в [7, с. 9]).

Так, лозунги, организуемые словом *Нет*, могут использоваться во всех названных ситуациях: *Нет гражданской конфронтации!* – (акция протеста, первая группа) – *Нет «реформам»* – *нет катастрофам* (текст на избирательной листовке, вторая группа) – *Нет наркотикам и СПИДу!* (текст социальной рекламы, третья группа).

Точно так же лозунги, организуемые формами императива адресата или императива совместного действия, широко представлены и в акциях протеста (*Эй, министры! Поживите на такую пенсию! Не жди перемен! Организуйся! Власть! Прекрати коррупцию, обман и воровство!*), и в избирательных кампаниях (*Вступай в ЛДПР! Голо-*

суй за Аграрную партию!), и на стационарных щитах, декларирующих социальные и культурные ценности (*Скажи никотину нет! Помоги природе сейчас! Защитите свой мир – вакцинируйтесь*).

Лозунги с глагольной формой *защитим* хорошо «приспособлены» для функционирования в первой и третьей группе ситуаций, ср.: *Защитим наших детей от ювенального террора!*

Показательно, на наш взгляд, что, не имея сведений о том, где именно функционировал тот или иной лозунг, даже квалифицированный исследователь не сможет однозначно вписать его в ту классификацию, которая предложена в работе Л.В. Ениной, ср., например: *Помни прошлое, живи настоящим, голосуй за будущее! Верни себе Россию! Требуем национализации базовых отраслей производства! Преодолеем социальное неравенство!*

Приходится, таким образом, констатировать, что рассматриваемый подход имеет в виду скорее особенности коммуникативного события в целом, но не характеристики лозунга как особого типа **текста**, обладающего определенными языковыми свойствами.

Поскольку основная сфера функционирования лозунгов – политическая коммуникация, при обсуждении этого вопроса представляется целесообразным обратиться к работе Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [16], в которой выделены три функциональных типа знаков: знаки ориентации, интеграции, агональности.

Коротко остановимся на основных представлениях Е.И. Шейгал о соответствующих функциях и попробуем, во-первых, сопоставить эти представления с рассмотренными выше и, во-вторых, применить их к анализу нашего эмпирического материала.

Ориентационная функция, по мнению автора, обусловлена необходимостью помочь адресату идентифицировать себя и других лиц на шкале «свой – чужой – чуждый».

Интегрирующая функция возникает у знаков политической коммуникации в связи с задачей объединить единомышленников вокруг некоторой идеи, подключить адресата к некоей общности для выполнения совместных действий: «выражая руководящую идею, цель политической борьбы, они призваны сплотить приверженцев

данной идеи, дать им возможность испытать и выразить чувство социальной солидарности» [Там же, с. 160].

Агональная функция – это своего рода обратная сторона интегрирующей функции, т.к. она связана с выражением вербальной агрессии по отношению к политическому противнику, с «нацеленностью на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса» [Там же, с. 164].

Важно, что в ряде случаев обнаруживаются определенные тенденции в выборе языковых средств, реализующих ту или иную функцию в составе лозунгового высказывания.

Приведем далее отдельные примеры, которые можно интерпретировать с помощью предложенной Е.И. Шейгал терминологии.

Маркерами **ориентации** могут выступать названия политических институтов и институциональных ролей, имена политиков, исполняющих данные роли, а также обозначения ассоциативно связанных с ними политических ценностей, политические термины и т.п.: *Миронов – честный выбор! Горбачёв – агент США; КПРФ – партия возрождения России!*

К маркерам **интеграции** автор относит следующие показатели:

- лексемы совместности (инклюзивное *мы, вместе, все, наши, единство, единый, блок, союз, объединение*), ср.: *Все на субботник! Сохраним Россию вместе! Вместе мы осуществим нашу мечту! Не дадим украсть наши голоса! Мы не позволим превратить нашу страну в ГУЛАГ! Русские, к единству!*

- вокативы, содержащие в своем лексическом значении семантический компонент совместности и коннотацию ‘я свой’ (*друзья, товарищи, братья и сестры, сограждане, россияне, коллеги, земляки, мужики*), ср.: *Земляки!!! Покупайте родное, рязанское!*

- формулы причастности, ср.: *Я мы Сергей Фургал.*

Маркеры интеграции позволяют говорящему «отождествить себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности» [16, с. 161].

В имеющемся корпусе достаточно широко представлены лозунги, содержащие подобные маркеры: *Вместе за чистый Байкал!*

Создаём историю вместе; Победа в единстве! Совместные нормы для новой реальности.

Перечень выделенных Е.И. Шейгал маркеров может быть дополнен. Иллокутивная направленность на идею интеграции выражается также конструкциями с предлогом *с*: *Милиция с народом; Навеки с Россией; Путин, лоды с тобой!* С помощью таких конструкций часто выражается поддержка и сопереживание адресату в ситуациях политических или военных конфликтов, актов терроризма, катастроф и т.п., ср.: *Братья, держитесь мы с вами! Хабаровск, мы с тобой! Донбасс с Россией.*

Очень часто подобные лозунги используются в качестве девиза спортивных мероприятий, поскольку все они в глобальном смысле декларируют идею сплочения и единства мира: *Футбол объединяет мир! Все в едином ритме! Один мир, одна мечта. Сосуществование с природой.*

Агональность, свойственная большому количеству так называемых протестных лозунгов, реализуется, как правило, с помощью средств вербальной агрессии (см. [8; 9; 10; 14; 7; 16 и др.]), представленных довольно широко и разнообразно. Среди самых частотных можно отметить следующие:

- показатели отрицания, которые используются как в составе отдельных высказываний, так и в составе антонимичных пар (*Нет Чернобылю на Байкале! Байкалу – да, БЦБК – нет! Ни единого голоса – «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР!*);
- предлоги *против, без, вместо*, выражающие значение отрицания и / или противопоставления (*Байкал без БЦБК! Против иностранного усыновления! Школы вместо храмов*);
- разнообразные предложные конструкции, выражающие значение удаления нежелательного объекта куда-либо или передачу этого объекта другому субъекту (*Капитализм – на свалку истории!*);
- наречия *долой, прочь*, частица *вон*, выражающие семантику удаления (*Долой демократию меньшинства! Депутаты, руки прочь от детей! Банду прочь; Убийцы детей – вон из ДУМЫ!*);
- существительное *смерть*, глагол *хватит*, с помощью которых выражается требование устранения, прекращения чего-либо (*Смерть варварам! Хватит набивать карманы чиновников!*).

Следует, однако, подчеркнуть, что уже самый предварительный анализ фактического материала демонстрирует **отсутствие однозначной корреляции между названными функциями и выбором языковых средств**, с помощью которых эти функции реализуются.

Как кажется, в первую очередь это обусловливается тем, что все выделенные Е.И. Шейгал функции так или иначе связаны с ключевой для политического дискурса оппозицией *свои – чужие*. Она может реализоваться «как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или антиэтикетность, а также целенаправленный подбор положительной или отрицательной оценочной лексики» [16, с. 153].

Языковые маркеры *своих* и *чужих* естественным образом появляются в высказываниях, реализующих функцию ориентации (необходимо определиться, с кем ты в ситуации политического противостояния), интеграции (необходимо явным образом привлечь адресата в группу *своих*), агональности (необходимо явным образом выразить негативную оценку *чужих*).

Приведем некоторые примеры.

Лозунг *Ты за великую Россию? Значит, ты за Путина!* построен в виде аргументативного умозаключения. Здесь используется личное местоимение *ты*, которое устанавливает горизонтальную дружественную праксемику между адресантом и адресатом, имплицитную прямую, межперсональную, физическую интеракцию, требующую, по принципу иллюкутивного вынуждения [2], прямой и немедленной реакции со стороны адресата, которому внушается мысль, что *великая Россия* и *Путин* – два взаимосвязанных и взаимообусловленных концепта. Тем самым осуществляется **ориентация** адресата в мире политики в целом, он вовлекается в массовую политическую коммуникацию, причем ему навязывается необходимость **интеграции** с определенной политической силой.

В лозунгах типа *Мы за бедных, мы за русских! Моя партия – народ* говорящий проясняет свою собственную позицию, ориентирует

адресата в более узкой сфере (огрубляя, это можно сформулировать примерно так: если ты сейчас думаешь, за кого голосовать, то имей в виду, что *мы за бедных*). Тем самым традиционный показатель совместности (\approx интеграции) легко используется в лозунгах, выполняющих ориентационную функцию.

Еще одним маркером группы *мы*, наряду с личным местоимением *ты*, используемым при обращении к адресату, традиционно считаются формы императива совместного действия. Лозунги, содержащие такие формы, могут выполнять как функцию интеграции (*Навалимся и победим! Вместе победим! Защитим страну!*), так и функцию агональности (*Призовем власти к ответу! Требуем наказать американских убийц русских детей*).

Приведенные примеры демонстрируют, что **одни и те же языковые средства могут использоваться в составе лозунгов, выполняющих разные функции.**

Весьма частотна и обратная ситуация, когда **в составе одного лозунга представлены языковые маркеры разных функций.**

Достаточно типичным является взаимодействие маркеров ориентации и интеграции (*Моя партия народ; Дело против Навального – это дело против меня!*). Е.И. Шейгал очень точно раскрывает природу этого взаимодействия. Она отмечает, что, с одной стороны, «по парольным словам – политическим аффективам – легко идентифицировать группового субъекта дискурса, например: *пролетарский интернационализм, правительство народного доверия, преданность делу Ленина, социалистические идеалы* (коммунисты); *держава, отечество, соборность, православие* (национал-патриоты); *рынок, реформы, свобода слова, права человека* (либералы)». Иначе говоря, парольные слова обеспечивают ориентацию адресата.

С другой стороны, специфический набор парольных слов «отмежевывает группу от других групп и поддерживает ее изнутри постоянным употреблением одних и тех же слов. Появляется связанное с языковым употреблением чувство принадлежности к определенному коллективу (*Wir-Gefühl*)» [17, с. 48]. Так, например, лозунги в

поддержку действующего президента содержат такие политические аффективы, как *стабильность, сила, величие, Родина* и т.д., ср.: *Я за Путина, потому что за Родину; Мы за сильную Россию с Путиным! Вместе к Великой России!* Лозунги КПРФ отличает наличие выражений *народная власть, социализм, труд* и т.п. (см. выше): *К Народной власти – вместе с КПРФ; Наша цель – Россия Советская, Социалистическая! КПРФ – партия народа и для народа!* В лозунгах движения националистов, как правило, встречаются слова *Россия, русский, патриот* и т.д., ср.: *Русский марш во всем мире! Мы патриоты; Вернем России Русский Дух и Русский Лад!*

Тем самым лозунги, содержащие маркеры ориентации, могут выполнять также интегрирующую функцию.

В составе лозунга *Против палачей наших детей!* мы наблюдаем одновременное использование показателей агональности (*против*) и интеграции (*наших*). Как кажется, такая комбинация показателей является скорее правилом, чем исключением: если иметь в виду политическую коммуникацию в целом, невозможно не согласиться с тем, что любой ее актор определяет свое поведение в соответствии с тремя выделенными Е. И. Шейгал осями (*ориентация – интеграция – агональность*), которые задают соответствующую функциональную направленность используемым языковым знакам.

При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что значительная часть лозунгов, содержащих маркеры ориентации / интеграции / агональности, реализует также функцию **побуждения**.

Так, в лозунгах типа *Земляки!!! Покупайте родное, рязанское!* показатель побуждения (императив адресата *покупайте*) взаимодействует с показателем интеграции (лексема *земляки*).

Могут комбинироваться показатели побудительности, интеграции и агональности, см. в первую очередь примеры, включающие формы императива совместного действия типа *Требуем наказать американских убийц русских детей*. Императив совместного действия *требуем*, как известно, не просто выражает побуждение, но включает в сферу его действия и говорящего, и адресата (побуждение + интеграция); явно названный объект вражды (*американские*

убийцы русских детей) вынуждает трактовать данный пример как реализующий еще и функцию агональности.

Комбинация показателей интеграции, побудительности и агональности, кстати, является довольно распространенной, что представляется вполне естественным, когда речь идет, например, о призывах объединиться, чтобы бороться с отрицательно оцениваемой ситуацией: *Вместе против ВИЧ! Протестуем против роста цен и тарифов, против обнищания народа! Очистим Россию от мракобесия; Освободим отчизну от внешнего ига!*

Завершая попытку применения концепции Е.И. Шейгал к нашему материалу, необходимо отметить следующее: существенно, что примеры лозунгов, реализующих какую-то одну функцию, не составляют подавляющего большинства. При этом в ряде случаев довольно сложно установить, какая функция является ведущей, а какая – сопутствующей.

Таким образом, опора на работу Е.И. Шейгал позволяет внести некоторые уточнения в представление о функциональном своеобразии лозунгов, но не дает возможности составить исчерпывающий список функций и предложить какой-либо алгоритм, позволяющий принимать решения в каждом конкретном случае, основываясь на объективных показателях.

Результаты

Анализ научной литературы по проблеме дает основания полагать, что описание функциональной специфики лозунга (как явления) и определение функциональной направленности того или иного лозунга (как конкретного текста, обладающего конкретными языковыми показателями) будет более достоверным, если допустить, что этот вид высказываний характеризуется принципиальной полифункциональностью.

Как следует из вышеизложенного, подавляющее большинство авторов выделяет побудительную (она же призывная / императивная / директивная) функцию лозунгов; другие функции зачастую получают разные терминологические обозначения и разные содержательные трактовки.

Побудительная функция, судя по приводимым в работах примерам, усматривается в первую очередь у тех лозунгов, которые содержат различные показатели императивности. Однако и в тех случаях, когда эти показатели отсутствуют, лозунг – по определению – не может не быть ориентированным на воздействие, на выражение «руководящей идеи» ([16, с. 160], [15, с. 38]), на «изменение поведения или ценностных установок адресата» ([7, с. 6]).

На этом основании предлагается, во-первых, рассматривать побудительную функцию как своего рода **гиперфункцию**, с той или иной степенью эксплицитности реализуемую подавляющей частью лозунгов.

Во-вторых, мы считаем возможным не выстраивать строгую функциональную классификацию лозунгов, помещая то или иное высказывание в некоторый замкнутый класс, а учитывать то, что находится в фокусе в каждом конкретном случае, ориентируясь по мере возможности на содержащиеся в составе лозунга языковые маркеры и имея в виду, что полифункциональность является скорее правилом, чем исключением.

Основываясь на таком подходе, можно выделить некоторые группы лозунгов, которые различаются тем, что находится в их содержательном ядре, и тем, какие языковые средства в их составе используются.

1. В фокусе – позиция субъекта речи

Довольно большое место среди высказываний, в которых отсутствуют маркеры побуждения, занимают лозунги типа *Я работаю на Россию! Мы верим только В. Путину; Ветераны поддерживают Путина; Я бойкотирую эти выборы; Мы сделали правильный выбор! Мы проголосовали за великую Россию!*

В таких высказываниях сформулирована позиция субъекта речи, его предпочтения; при этом сам субъект (который представляет собой некое обобщенное лицо – даже в тех случаях, когда используются личные местоимения), как правило, назван в явном виде (см. *я, мы, наш, ветераны* и т.п.).

Типичным способом грамматического оформления подобных лозунгов является предложение, построенное по модели $N_j - V_f$ со

сказуемым, выраженным формой глагола, которая реализует значение настоящего непостоянного или прошедшего перфектного времени; достаточно часто используется также модель $N_i - N_i$ в рамках которой осуществляется самоидентификация субъекта речи (*Мы – это Россия; Наш выбор – социалистическая перспектива!*).

Выбор указанных временных форм для модели $N_i - V_f$ обуславливается их семантикой. Предикаты в форме настоящего времени здесь «не описывают конкретных событий или процессов, в которых участвует субъект, они дают ему некоторую общую характеристику, подобно именным предикатам, приписывающим субъекту то или иное качество» [4, с. 81]. Перфектные формы характеризуют «результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи) – так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [11, с. 389]. Эти временные формы соответствуют функциональной ориентации подобных лозунгов, представляя субъекта речи как носителя определенных социально значимых характеристик или производителя действий, имеющих социально значимые последствия.

Иначе говоря, такой лозунг сформулирован как своеобразная декларация, поскольку в нем содержится нечто вроде «официально[го] провозглашени[я] каких-л. принципов, положений от лица государства, партии, международной организации и т. п.» [6]. Как кажется, именно это имеет в виду Л.В. Енина, отмечая, что некоторые лозунги «имеют цель **обнародовать позицию, мнение** (*выделено нами – Ю. Л., М. Т.*) участников данной акции относительно кого-либо или чего-либо, именно “обнародовать”, привлечь внимание как можно большего числа лиц, в том числе не только союзников, но и нейтральных адресатов, наблюдателей» [7, с. 45]. Именно поэтому подобные лозунги рассматриваются далее как способ реализации *декларативной* функции.

Особой разновидностью этой функции является, на наш взгляд, функция *дестинативная*. Ее реализуют такие лозунги, в фокусе внимания которых находится широко понимаемая цель деятельно-

сти того политического субъекта, от лица которого этот лозунг провозглашается, например: *Труд. Семья. Справедливость. Реформы для народа. Мир без наркотиков.*

Несмотря на то, что в этих лозунгах субъект в явном виде не назван, экстралингвистическая ситуация не оставляет сомнений на этот счет. Отметим, что цель может быть названа через утверждение как позитивного (*Единство! Сила! Успех!*), так и негативного характера (*Мир без наркотиков!*).

В любом случае в пресуппозиции содержится информация, которую условно можно представить так:

- Мы / наша партия / россияне [пресуппозиция] за *труд, семью, справедливость!*
- Мы / наша партия / россияне [пресуппозиция] за *мир без наркотиков!*

Иными словами, здесь, как и во всех рассмотренных в этом разделе случаях, содержится нечто вроде декларации субъекта речи, сформулирована его позиция, его предпочтения.

К числу подобных лозунгов с некоторыми оговорками можно отнести также, с одной стороны, высказывания типа *Мы справимся! Да, мы можем!*, с другой – типа *Дальнейший прогресс под знаменем Маркса, Энгельса и Ленина! Дело Ленина живет и побеждает!*

И те, и другие отличаются от рассмотренных выше меньшей содержательностью. В первом случае отсутствует компонент, называющий объект, относительно которого высказывается субъект речи (ср. *Я бойкотирую эти выборы; Москва выбирает Путина*). Во втором случае мы имеем дело со своего рода универсальными высказываниями, в которых субъект речи максимально размыт: это государство в целом, правящая партия (понятно, что имеется в виду соответствующий хронологический период), другая политическая сила. Как кажется, именно такие лозунги в наибольшей степени соответствуют предложенному Х. Вальтером термину *патетизмы* (см. выше, [5, с. 41]).

Ю.И. Левин похожие случаи рассматривал в ряду лозунгов, выражающих «уверен[ое] предсказани[е]», выполняющих *прогностиче-*

скую функцию [9, с. 543], ср.: *Коммунисты все равно победят; Твой голос изменит страну! Чеченская республика будет лучшей!*

Таким образом, лозунговые высказывания, помещающие в фокус позицию субъекта речи, можно квалифицировать как **декларативные**, имея в виду, что среди них есть несколько разновидностей:

- лозунги, в которых субъект речи назван прямо (собственно декларативные: *Мы сделали правильный выбор*), и такие, в которых он смещен на периферию, а в центре находится цель деятельности политического субъекта, он же – субъект речи (дестинативные: *Труд! Семья! Справедливость!*);

- лозунги, в которых центральный для говорящего тезис сформулирован нейтрально (собственно декларативные и дестинативные), и такие, в которых он выражается с особой экспрессией (патетизмы: *Мы справимся! Да, мы можем!*).

2. В фокусе – агональность

Как уже неоднократно отмечалось, самой «естественной средой» для функционирования лозунгов являются события протестного характера; именно поэтому в исследуемом материале большое число составляют такие высказывания, в которых в явном виде назван субъект противостояния и / или объект неприятия (*Нет – ЖКХ террору! Долой нерадивых чиновников! Трепещите, власти России!*). В ряде случаев представлены оба члена антинимичной пары, ср.: *Байкалу – да, БЦБК – нет! Школы вместо храмов!*

«Нацеленность на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса» [16, с. 164] находит свое выражение в широком использовании средств вербальной агрессии. Некоторые из них названы выше, другие детально рассматриваются в цитируемых исследованиях Е.И. Шейгал и Л.В. Ениной, поэтому подробно останавливаться на них в этой части работы нет необходимости. Отметим особо только несколько важных соображений Л.В. Ениной, которые, на наш взгляд, вносят существенное дополнение в круг представлений о рассматриваемой проблеме.

К лозунгам агонального характера Л.В. Енина относит такие, на первый взгляд, констатирующие высказывания, как *Наши дети*

голодают! Наши дети хотят кушать! Дети просят хлеба! Автор совершенно справедливо подчеркивает, что здесь выражена речевая агрессия, поскольку прямо названа «фрустрирующ[ая] ситуации[я], неблагоприятные социальные условия, вызывающие негативную психологическую настроенность вышедших на митинг» [7, с. 112]. К подобным лозунгам, как кажется, примыкают и те, которые называют фрустрирующую ситуацию в более экспрессивном виде, например: *Мы пустили козлов в огород, они у нас тут всё съедят! Все демоны ушли во власть России!!!*

«Негативная психологическая настроенность» требует адекватного языкового выражения, а потому в агональных лозунгах активно используются бранные инвективы. Под термином «инвектива» понимается «сниженное, бранное и нецензурное словоупотребление, а также злопожелания... – открытые призывы к разрушению чего-либо, тюремному заключению или физическому уничтожению конкретных лиц либо неконкретизированных представителей власти» [Там же, с. 125]. Речевая агрессия, как отмечают ученые, может быть реализована с помощью фамильярных форм собственных имен, деформации прецедентных текстов, игры слов, стигматизации, то есть приклеивания ярлыков, и т.д. и т.п. [12, с. 54].

Приведем некоторые выразительные примеры из нашего корпуса: *Будь проклята путинская шайка; Вован, освободи галеру! Жириновский – предатель; Спаси детей от убийц и подлецов! Госдур – на нары; Горохова на вилы!*

Ругательства и злопожелания в лозунгах Л.В. Енина связывает с выполнением **профанной функции**, очень точно характеризуя ее как предоставление возможности психологического облегчения, катартического освобождения от чувства тревоги, страха, отчаяния. С учетом сказанного можно считать профанную функцию частным случаем функции агональной.

3. В фокусе – информация дидактического характера

На то, что некоторые лозунги содержат элемент дидактичности (просветительства), указывает в своей статье Х. Вальтер, приводя примеры типа *Demokratie – jetzt oder nie! (Демократию сейчас*

или никогда); *Vom Volk lernen heißt siegen lernen* (Учиться у народа значит учиться побеждать). Он полагает, что лозунги такого типа входят в группу констатаций (они же, по Вальтеру, декларации) наряду с такими, например, высказываниями, как *Ich kenne keine Parteien mehr; ich kenne nur Deutschland* (Я больше не знаю партий, я знаю лишь Германию) [5, с. 41].

Представляется, однако, что декларации устроены иначе, чем лозунги дидактического характера. Среди последних особое место занимают высказывания, построенные по модели $N_1 - N_1$ или *Inf cor Inf*, ср.: *Демократия – это самоопределение; Справедливость – это хлеб народа; Спорт – хорошая привычка; Курить – значит быть рабом табака; Помнить – значит бороться!*

Рассматривая подобные высказывания, Н.Д. Арутюнова определяет их как предложения сигнификативного тождества, т.е. «предложения, констатирующие равнообъемность понятий», и подчеркивает, что они «вводят нас в сферу научных дефиниций и словарных толкований значения слова» [1, с. 306]. Иначе говоря, такие предложения содержат нечто вроде толкования какого-либо явления; иллокутивно они направлены на «усвоение» этого толкования адресатом.

Именно это позволяет говорить о том, что дидактическая (\approx просветительская \approx поучительная) функция здесь находится в фокусе.

Не менее важно и то, что, «как только отношения эквивалентности начинают соединять между собой абстрактные категории – названия действий, процессов, свойств, качеств и пр., они обнаруживают тенденцию к семантическому развитию по логическому пути, т.е. приобретают значения тех отношений, которые мысль устанавливает между событиями. Значение тождества преобразуется в значения сравнения, условия, причинно-следственной зависимости и пр. Ср. *Понять – это (значит) простить* – если человек понимает виновного, он прощает ему его вину; *Жизнь есть сон* = жизнь похожа на сон; *Нерешительность означает поражение* = нерешительность может оказаться причиной поражения; *Богатый – еще не значит счастливый* = богатство не составляет достаточного условия для счастья человека» [Там же].

Для рассматриваемой группы лозунгов особенно характерен каузальный сдвиг – установление обусловленности одного явления другим или установление причинно-следственной связи между отдельными феноменами, актуальными для социальной сферы. Так устроены, например, лозунги *Сильный президент – сильная Россия* (≈ если у России будет сильный президент, она будет сильной страной); *Свободное материнство – свободное человечество!* (≈ если материнство будет свободным, свободным будет человечество в целом); *Новый президент – новая Россия!* (≈ при условии избрания нового президента появятся новые перспективные возможности для развития и процветания страны); аналогично: *Новая экономика – новые подходы!* *Здоровый человек – красивый человек!* *Честные выборы – новая Россия!* и т.п.

Высказывания дидактического характера в наиболее явном виде демонстрируют еще одну функциональную особенность лозунгов, на которую обращали внимание некоторые исследователи, но которая, как кажется, недооценивается в соответствующей научной литературе. Эта особенность связана в первую очередь со способом бытования лозунга как текста. Как известно, он имеет разные формы материального воплощения и может размещаться как на мобильных, так и на стационарных носителях.

В первом случае лозунги являются частью сложного коммуникативного события (демонстрация, пикет и т.п.), а потому «их «срок жизни» ограничен рамками данного события, а их задачей является сиюминутное обеспечение необходимых политических действий» [16, с. 346].

Стационарные лозунги (граффити, щиты, плакаты и т.п.), как правило, не привязаны к какому-либо определенному событию и рассчитаны на длительное воздействие (однако могут быть специально созданы для конкретного события и / или предвдвять его). ««Долгоиграющие» лозунги выполняют агитационно-пропагандистские задачи на относительно постоянной основе, находясь в поле зрения электората достаточно длительное время... Задачей лозунгов этой группы является не «форс-мажорное», а «капельное»

воздействие (выделено нами. – Ю. Л., М. Т.) на менталитет электората с целью формирования определенных политических установок в желаемом направлении» [Там же, с. 347].

Метафора *капельное воздействие*, на наш взгляд, чрезвычайно точно характеризует природу тех лозунгов, которые становятся частью «городского пейзажа», к которым адресат привыкает и как будто перестает их замечать и у которых (даже если в них содержатся прямые императивны формы) «стирается», «размывается» их побудительный (дидактический, агональный и т.д.) потенциал.

Еще одну точную интерпретацию таких лозунгов предлагает Ю.И. Левин, указывая, что они начинают выполнять **орнаментальную функцию**: «не в смысле “украшения речи”, а в том смысле, что лозунг – и как физический объект, и как носитель “высокого” и “должного” содержания – украшает окружающую его среду. С орнаментальной функцией связана и **этикетная**: этикет диктует присутствие тех или иных лозунгов на определенных местах. Последние две функции, впрочем, относятся к лозунгам не столько как к текстам, сколько как к физическим объектам, – и в этом плане лозунги взаимозаменяемы с нетекстовыми орнаментальными объектами, такими, как портреты или эмблемы (гербы, серп и молот и др.)» [9, с. 542]. Такое «превращение» лозунга в «нетекстовый орнаментальный объект» легче всего продемонстрировать лозунгами советской эпохи, которые десятилетиями являлись неотъемлемым атрибутом окружающей среды (менялись лишь даты, номера пятилеток, партийных съездов и т.п.): *Даёшь пятилетку за 3 года! Вперед, к торжеству коммунизма! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! Слава труду!*

Заключение

Осмысление сложившихся в научной литературе подходов к описанию функционального своеобразия лозунгов и анализ имеющегося в распоряжении эмпирического материала позволяет утверждать, что лозунг как особый тип текста характеризуется принципиальной полифункциональностью, обусловленной взаимодействием трех

векторов политической коммуникации, выделенных Е.И. Шейгал (ориентация – интеграция – агональность). При этом побудительная (императивная, директивная) функция являет собой своего рода гиперфункцию, с той или иной степенью эксплицитности реализуемую подавляющей частью лозунгов. Построение строгой функциональной типологии лозунгов, ориентированной на проведение четких демаркационных линий между группами, представляется противоречащим самой природе этих языковых выражений. Функциональная квалификация отдельных лозунгов может быть осуществлена с учетом того, что находится в фокусе в каждом конкретном случае и какие языковые маркеры используются в составе высказывания.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84-99.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
5. Вальтер Х. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса // Медиалингвистика. Международный научный журнал. 2016, № 3 (13). С. 33-46.
6. Евгеньева А.П. (общ. ред.) Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. РАН, ИЛИ. М.: Полиграфресурсы, 1999. <http://feb-web.ru/feb/mas/MASabc/default.asp> (дата обращения: 20.11.2021).
7. Енина Л.В. Современные российские лозунги как сверхтекст: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 164 с.
8. Крысин Л.П. Социалингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
9. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1980. С. 542-558.

10. Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского времени // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1998. № 1/2 (19-20). С. 37-56.
11. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
12. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1998. 160 с.
13. Тортунова И.А. Лозунг как ораторский жанр // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10 (110). С. 159-161.
14. Успенский Б.А. Избранные труды. тт.1-2. М.: Гнозис, 1994. 678 с.
15. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 254 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2000. 326 с.
17. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. München: Minerva, 1978. 155 S.

References

1. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem* [Sentence and its meaning: Logical-semantic problems]. In-t yazykoznaniya. Moscow: Nauka, 1976, 383 p.
2. Baranov A.N., Kreidlin G.E. Illokutivnoe vynuuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary coercion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1992, no. 2, pp. 84-99.
3. Borisova I.N. *Russkij razgovornyj dialog: Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. Moscow: LKI Publ., 2007, 320 p.
4. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997, 576 p.

5. Val'ter H. Lozung kak rechevoj zhanr publicisticheskogo diskursa [Slogan as a speech genre of publicistic discourse]. *Medialingvistika. Mezh-dunarodnyj nauchnyj zhurnal* [Medialinguistics. International scientific journal], 2016, no. 3 (13), pp. 33-46.
6. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (accessed 20 November 2021)
7. Enina L.V. *Sovremennye rossijskie lozungi kak sverhtekst* [Modern Russian slogans as supertext]. PhD dissertation. Ekaterinburg, 1999, 164 p.
8. Krysin L.P. *Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language]. Moscow: Nauka, 1989, 188 p.
9. Levin Yu.I. *Semiotika sovetskikh lozungov* [Semiotics of Soviet slogans]. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1980, pp. 542-558.
10. Mokienko V.M. *Dominanty yazykovoj smuty postsovetskogo vremeni* [Dominants of the linguistic turmoil of the post-Soviet period]. *Rusistika. Nauchnyj zhurnal aktual'nyh problem prepodavaniya rus-skogo yazyka* [Russian studies. Scientific journal of topical problems of teaching the Russian language], 1998, no. 1/2 (19-20), pp. 37-56.
11. Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]. Moscow: RGGU Publ., 2011, 672 p.
12. Suhij S.A., Zelenskaya V.V. *Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa* [Pragmalinguistic modeling of the communication process]. Krasnodar: KubGU Publ., 1998, 160 p.
13. Tortunova I.A. *Lozung kak oratorskij zhanr* [Slogan as an oratorical genre]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2012, no. 10 (110), pp. 159-161.
14. Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 1-2. Moscow: Gnozis, 1994, 678 p.

15. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics: study guide]. Moscow: Flinta: Nauka, 2012, 254 p.
16. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa: Monografiya* [Semiotics of political discourse: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2000, 326 p.
17. Grieswelle D. *Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien*. München: Minerva, 1978, 155 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Марина Борисовна Ташлыкова, директор института Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, декан факультета филологии и журналистики, кандидат филологических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область, 664003, Российская Федерация
taschlykoff@mail.ru

Юлия Римовна Лемешко, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский филиал «Российский государственный университет правосудия»
ул. Ивана Франко, 23а, Иркутск, Иркутская область, 664074, Российская Федерация
lelia-2004@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Marina B. Tashlykova, Director of the Institute of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Dean of the Faculty of Philology and Journalism, Candidate of Philology, Associate Professor
Irkutsk State University

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation

taschlykoff@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9293-633X

SPIN-code: 3570-0673

Yulia R. Lemeshko, Senior Lecturer, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines

East Siberian Branch “Russian State University of Justice”

23a, Ivana Franko Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664074 Russian Federation

lelia-2004@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0428-3741

SPIN-code: 7926-0239

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 21.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 21.12.2021

Accepted 25.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-418-442

УДК 811.13

ВСЕ-ТАКИ КАК МАРКЕР ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ташлыкова М.Б., Лошанина М.Н.

Обоснование. Исследование выполнено в рамках проекта «Устная история Иркутска и технологии *oral history* в междисциплинарной перспективе». Анализ массива глубинных интервью, полученных в ходе реализации проекта, обнаруживает значительное количество фрагментов, отражающих внутренний конфликт представлений говорящего о некотором фрагменте реального мира, который находится в центре его внимания в определенный момент речи. Актуальной задачей является выявление языковых и дискурсивных маркеров, объективирующих наличие этого конфликта. Одним из таких маркеров является единица *все-таки*, которой посвящена данная статья.

Цель работы состоит в том, чтобы на основании осмысления имеющейся лексикографической традиции и анализа эмпирического материала уточнить представления о статусе данной единицы, ее семантических, прагматических и функциональных особенностях.

Материал исследования – данные традиционных толковых словарей и Активного словаря русского языка, а также примеры контекстного употребления *все-таки*, извлеченные из НКРЯ. Используются методы и приемы дефиниционного, структурно-семантического, контекстуального и корпусного анализа.

Результаты исследования показали, что *все-таки* следует квалифицировать как частицу, которая используется (а) как маркер противопоставления имеющегося положения вещей гипотетическому, но более стандартному; (б) как маркер причины, обусловившей реализацию одной из двух альтернатив; (в) как маркер эмоциональной реакции говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Область применения результатов – теоретическая семантика и дискурс-анализ (в том числе в социальных исследованиях). Результаты могут быть использованы в вузовских курсах по семантике, прагматике, теории дискурса.

Ключевые слова: семантика; значение частиц; дискурсивный маркер; когнитивная структура

VSE-TAKI AS A MARKER OF MONOLOGICAL DISCOURSE CONTRADICTION

Tashlykova M.B., Loshanina M.N.

***Background.** The research was carried out within the project «Oral history of Irkutsk and technologies oral history in an interdisciplinary perspective». An analysis of the array of in-depth interviews obtained during the implementation of the project reveals a significant number of fragments reflecting the internal conflict of the speaker's ideas about some fragment of the real world, which is in the center of his attention at a certain moment of speech. A current issue is to identify linguistic and discourse markers that objectify the presence of this conflict. One of these markers is vse-taki to which the article is devoted.*

*The **purpose** of the work is to clarify the idea of the status of this unit, its semantic, pragmatic and functional features, based on the understanding of the existing lexicographic tradition and the analysis of empirical material.*

*The **material** of the research is the data of traditional explanatory dictionaries and the Active dictionary of the Russian language, as well as examples of contextual use of vse-taki, extracted from the RNC. Methods and techniques of definitional, structural-semantic, contextual and corpus analysis are used.*

*The **results** of the research showed that vse-taki should be qualified as a particle which is used (a) as a marker of the opposition of the existing state of affairs to a hypothetical, but more standard one; (b) as a marker of the reason for the implementation of one of the two alterna-*

tives; (c) as a marker of the speaker's emotional reaction to the coincidence of fragments of the mental and real world.

*The field of **practical implications** of the results is theoretical semantics and discourse analysis (including in social research). The results can be used in semantics, pragmatics, discourse theory university courses.*

Keywords: *semantics; particle semantics; discourse marker; cognitive structure*

Предварительные замечания

Объектом данной работы являются нарративы, в которых представлен некоторый внутренний конфликт (или, по крайней мере, рассогласованность) представлений говорящего о ситуации. Проблемы, связанные с интерпретацией таких нарративов, все чаще становятся объектом исследования не только в лингвистической науке (см. [Дроздова 2011, Демьянков 2011, Ирисханова 2014 и др.], но и в смежных с языковедческой наукой областях [Аронсон 1984, Фестингер 1984, 1999, Рикер 1995 и др.]. Так, Д. Кэмерон, характеризуя специфику работы с разговорным дискурсом в социальных исследованиях, особенно отмечает необходимость иметь в виду те «противоречия», которые встречаются в рассматриваемых текстах: «It is not uncommon for informants in the course of an interview or a group discussion to give more than one account of the same thing, and sometimes these accounts may appear to **contradict one another** (выделено нами. – *М.Л., М.Т.*). Even in a single continuous sequence of talk [23, p. 156].

Такие «противоречия» широко представлены в материалах, полученных в ходе реализации проекта «Устная история Иркутска и технологии oral history в междисциплинарной перспективе», выполняемого на кафедре русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета. Проект ориентирован на многоаспектный анализ текстов и аудиозаписей неподготовленных полуструктурированных интервью, в ходе которых информанты отвечают на вопросы интервьюера о собственном прошлом, истории своей семьи, города и страны. Значительное количество имеющихся

нарративов содержит в своей структуре фрагменты, отражающие внутренний конфликт (или, по крайней мере, рассогласованность) представлений говорящего о некотором фрагменте реального мира, который находится в центре его внимания в определенный момент речи. Приведем один выразительный пример: *Это были трудные годы – разгар войны. Нехватка одежды, книг, бумаги. Детям, отцы которых были на фронте, выдавалась помощь, горячие обеды. Мы ничего не получали, так как были детьми врага народа. Ну вот школьные годы, конечно, незабываемы... Счастливая, хотя и тяжёлая, невозвращающаяся пора детства закончилась.*

Как видно, «генерируемый дискурс настолько захватывает говорящего, что он оказывается неспособен отразить противоречие, возникающее между порождаемыми им смыслами и субъективными оценками (выделены содержательно контрастирующие фрагменты)» [20, с. 45].

Д. Кэмерон справедливо замечает: «If one takes the position, traditional in many kinds of research, that interviewing and other qualitative methods are techniques for getting at individual subjects' 'true' experiences, attitudes and beliefs, then this is a puzzle or a problem. Which of the accounts is the 'true' one, if any? What is causing an informant to 'misrepresent' matters in some or all of what s/he says? Is s/he confused or uncertain about the issue under discussion?» [23, p. 156].

В свете сказанного актуальной исследовательской задачей является выявление языковых и дискурсивных маркеров, объективирующих подобные «конфликты представлений», проясняющих ментальное и эмоциональное состояние говорящего в процессе порождения мемуарного дискурса. Один из таких маркеров – лексическая единица *все-таки*, ср.:

Папа у меня был репрессирован, и я находилась в детском доме. Воспитывалась в детском доме, который находился в предместье Марата. Ну тяжёлое детство было довольно-таки в том плане, что к нам относились очень плохо. Мы были детьми врагов народа. Ну, отсюда все и остальное. <...> Так. О своем детстве в итоге, о детстве можно сказать очень только ... детство про-

шло у нас **ВСЕ-ТАКИ** хорошее, счастливое, как мы его тогда называли. **Очень интересное, радостное, потому что каждое лето отдыхали в пионерском лагере.**

*Ну мы тогда совсем не понимали, что такое плен, потому что **все-таки** город-то наш не воевал, и мы не видели такую войну.*

*Несмотря на голод, мы **все-таки** нет-нет выбирались в кино.*

Не вызывает сомнений, что в этих примерах *все-таки* маркирует некоторые противоречия, однако без специального анализа остается неясным, какие именно содержательные элементы высказывания противопоставляются и насколько эксплицитно эти элементы представлены в контексте; какое значение можно приписать *все-таки* в каждом конкретном случае; какова частеречная принадлежность этой единицы.

Вышеизложенным определяется **цель** настоящей работы: на основании осмысления имеющейся лексикографической традиции и анализа эмпирического материала уточнить представления о статусе данной единицы, ее семантических, прагматических и функциональных особенностях.

Материал исследования – данные традиционных толковых словарей и Активного словаря русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна, а также примеры контекстного употребления *все-таки*, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Исследование осуществлено с использованием **методов** и приемов дефиниционного, *структурно-семантического, контекстуального и корпусного анализа.*

***Все-таки* в зеркале традиционной лексикографии: союз и / или частица?**

Традиционные толковые словари русского языка неоднозначно определяют частеречный статус единицы *все-таки*. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (далее – ТСУ) квалифицирует ее как противительный союз, а Малый академический словарь (далее – МАС), Новый словарь русского языка (далее – НСРЯ), Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – СОШ) – как союз и как частицу.

При этом оба омонима описываются в одной словарной статье, что не согласуется со сложившейся лексикографической традицией, согласно которой омонимы размещаются в словарях как самостоятельные вокабулы, см., например, *печь* (глагол) и *печь* (существительное); *тепло* (существительное) и *тепло* (наречие); *же* (союз) и *же* (частица).

Общеизвестно, что союз и частица существенно отличаются по значению. Русская грамматика (1980; далее – РГ) определяет *союз* как служебную часть речи, «при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения» [16, с. 712]. Подобную характеристику дают и авторы учебников, см., например, «Современный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой: «Союз – это такая часть речи, в которую входят слова, используемые для связи словоформ в простом предложении и частей сложного предложения либо только для связи частей сложного предложения» [7, с. 524].

Как известно, в зависимости от синтаксических свойств союзы делятся на две большие группы: сочинительные и подчинительные. По семантике сочинительные союзы бывают соединительные (*и, да=и*), противительные (*но, однако, а, да=но*), разделительные (*или...или*), градационные (*не только...но и*), пояснительные (*а именно*); подчинительные союзы, в свою очередь, могут иметь значение времени (*когда, пока, едва, лишь, только, после того как* и др.), условия (*если, раз, ежели* и др.), причины (*потому что, так как, ибо* и др.), уступки (*хотя, несмотря на то, что* и др.), цели (*чтобы, затем чтобы* и др.), следствия (*так что*), сравнения (*как, словно, точно* и др.).

Авторы словарей, классифицирующие слово *все-таки* как союз, относят его к группе противительных и толкуют его значение через синонимический ряд, см., например, МАС: противительный союз ‘тем не менее, однако, несмотря на’. Показательно, что в этом ряду только *однако* является частеречным эквивалентом *все-таки*, см.,

например, НСРЯ: *однако* «союз, то же что *но*»; *несмотря на* «предлог с винительным падежом»; *тем не менее* «частица».

Практически все лексикографы также указывают на то, что *все-таки* используется в сочетании с сочинительными союзами, см., например, МАС: обычно в сочетании с союзами *а, и, но*.

Заметим, что эти союзы принадлежат разным семантическим группам: *а* и *но* – противительные, *и* – сочинительный. Учитывая такое разделение, в ходе дальнейшего анализа разобьем представленные в словарных статьях контексты на две группы и попытаемся определить семантический вклад *все-таки* отдельно для каждой группы, применив тест на элиминацию (исключив *все-таки*).

1.1. Обратимся к первой группе примеров контекстных употреблений *все-таки* в сочетании с сочинительным союзом *и*.

(1) *Минуты три все было уже готово, и все-таки медлили начинать* (Л. Толстой).

(2) *Он хитрец, и все-таки он мне нравится* (И. Тургенев).

Исключение *все-таки* из контекстов (1) и (2) затемняет смысловую связь между частями сложного предложения, ср. (1') *Минуты три все было уже готово, и медлили начинать*; (2') *Он хитрец, и он мне нравится*. Противительные отношения в обоих случаях утрачиваются; предложение (1') становится не вполне осмысленным и требует для своего понимания сильного прагматического контекста; предложение (2') начинает выражать скорее причинно-следственные отношения, нежели противительные: *Он хитрец, и (поэтому) он мне нравится*.

Анализ контекстов, извлеченных из НК, с применением теста на элиминацию *все-таки* также демонстрирует изменение типа отношений, ср., например, *Он видел, что ей очень трудно, и все-таки она договорит до конца* (Ю. Трифонов) ® *Он видел, что ей очень трудно, и она договорит до конца*; *Ноги мои чуть-чуть дрожат, плечи ноют, и все-таки я ощущаю во всём теле необыкновенную лёгкость* (Ф. Искандер) ® *Ноги мои чуть-чуть дрожат, плечи ноют, и я ощущаю во всём теле необыкновенную лёгкость*.

Отметим, что устранение первой части сочетания *и все-таки* тоже оказывает существенное влияние на структуру и семантику

предложения, делая его неграмматичным или, по крайней мере, странным, ср.: *Он хитрец, **все-таки** он мне нравится; Он видел, что ей очень трудно, **все-таки** она договорит до конца.*

Таким образом, тест на элиминацию обоих элементов доказывает нерасчленимость сочетания *и все-таки*; поэтому обоснованным представляется решение СОШ, авторы которого сочетания *все-таки* с сочинительными союзами признают коллокацией, функционирующей как специфическое союзное средство, и помещают её за ромбом (°).

1.2. Обратимся теперь ко второй группе примеров, в которых *все-таки* сочетается с противительными союзами *а* и *но*. Для иллюстрации союзного значения *все-таки* авторы словарей приводят следующие примеры:

(3) *Малый был неказистый – что и говорить! – **а все-таки** он мне понравился* (И. Тургенев).

(4) *Радио плохо работало, **но все-таки** в политотделе поймали обрывки сводки* (К. Симонов).

Тест на элиминацию в контекстах (3) и (4) показал, что исключение *все-таки* из контекста не приводит к нарушению связи между пропозициями и потере противительного значения, так как союзы *а* и *но* самостоятельно реализуют оба свойства, ср.: (3') *Малый был неказистый – что и говорить! – **а** он мне нравился*; (4') *Радио плохо работало, **но** в политотделе поймали обрывки сводки.*

Обращение к примерам из Национального корпуса русского языка подтверждает сформулированный тезис, ср., например, *Зал возится, побрякивает, пошумливает вполголоса, **но всё-таки** слушает, всякое чудачество невольно вызывает интерес* (В. Распутин) ® *Зал возится, побрякивает, пошумливает вполголоса, **но** слушает, всякое чудачество невольно вызывает интерес; Обычно он суров, **а всё-таки** не любит, чтобы детей били* (Ф. Искандер) ® *Обычно он суров, **а** не любит, чтобы детей били.*

Как видно, с выражением значения противопоставления и с указанием на связь предикативных единиц в составе сложного предложения «справляются» противительные союзы *но / а*; следовательно,

интерпретация элемента *все-таки* как союза не может не вызывать сомнений. Представляется, что здесь *все-таки* функционирует в роли усилительной частицы, подчеркивающей противопоставленность двух видов информации, введенных двумя частями сложного предложения.

Имеющийся вывод подтверждают данные РГ, где отмечается, что *все-таки* при сочинительных союзах выполняет функцию специального конкретизатора, т.е. слова, которое подключается к союзу и уточняет его значение [16, с. 713], при этом не образуется составной союз (к которым относятся, например, *а именно*, *а также* и т.д.).

1.3. В кругу контекстов, с помощью которых словари иллюстрируют «союзное» значение *все-таки*, представлен еще один пример: *Что вы ни говорите, все-таки я не поверю*. РГ трактует такие предложения как сложноподчиненные с обобщенно-уступительной семантикой [17, с. 593].

Привлечение дополнительных примеров из НК с тем же значением, но другими средствами связи (*что ни*, *как ни*, *сколько ни*), и элиминация *все-таки* из контекстов показывает, что, как и в случаях с противительными союзами, структурная схема предложения сама «отвечает» за выражение соответствующего смысла, см.: *Что вы ни говорите, все-таки я не поверю* ® *Что вы ни говорите, я не поверю*; *Как ни силен был ночью припадок подагры, как ни скрипели потом нервы, а Кистунов всё-таки отправился утром на службу и своевременно начал приёмку просителей и клиентов банка* (А. Чехов) ® *Как ни силен был ночью припадок подагры <...>, а Кистунов отправился утром на службу <...>*; *Сколько ни прошло столетий непрерывной культуры, новый человек все-таки стоит на самом рубеже хаоса, все-таки не выходит из кризиса* (К. Победоносцев) ® *Сколько ни прошло столетий непрерывной культуры, новый человек стоит на самом рубеже хаоса <...>*; *А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью* (Ф. Достоевский) ® *А чем ни прикрывайте грязь, она останется грязью; Долго отыскивали без всякого прока несчастного карабинера и сколько ни жалели о нем и как ни рвались вернуть пленного, а все-таки были*

принуждены уйти, покинув их на произвол судьбы (Ф. Торнау) ® <...> сколько ни жалели о нем и как ни рвались вернуть пленного, а были принуждены уйти<...>.

Завершая разговор о лексикографической трактовке единицы *все-таки* как союза и оценивая семантический вклад этой единицы в значение сочетаний типа *и (а / но) все-таки*, можно констатировать следующее.

Сочетание *и все-таки* обнаруживает тенденцию превратиться в составное союзное средство, функция которого, на наш взгляд, состоит в том, чтобы присоединить пропозицию, содержащую информацию, противопоставляемую информации, выраженной в другой пропозиции.

В сочетаниях *но / а все-таки* значение противопоставления выражается «основными» союзными средствами, а *все-таки* «дублирует» эту семантику. В результате одно и то же значение оказывается выраженным дважды, что приводит к усилительному эффекту.

Заметим, что избыточность является свойством естественных языков, позволяющим сохранить информацию и предотвратить энтропию (ср. факты грамматической избыточности во фразах типа *Я люблю мороженое*, где значение 1 лица выражено местоимением и личной формой глагола; в сочетаниях типа *разноцветные карандаши*, в которых оба компонента выражают значение множественного числа; см. подробнее [Ахманова 2007; Лайонз 2004; Мартине 1963; Лотман 1994 и др.]).

Аналогичный эффект возникает благодаря использованию *все-таки* и в сложноподчиненных предложениях с обобщенно-уступительной семантикой.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с тем, что *все-таки* можно квалифицировать как союз (см. выше определение союза), и предлагаем признать это слово частицей.

Попытаемся вписать эту частицу в имеющиеся классификации.

Обратимся к РГ, которая, определяя частицы как класс неизменяемых незначительных слов, выделяет в составе этой части речи следующие группы: (1) формообразовательные частицы, которые

участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); (2) частицы, которые участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; (3) частицы, которые характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления.

Совершенно очевидно, что *все-таки* невозможно отнести ни к одной из названных групп. Рассматриваемая единица наиболее близка к четвертой группе выделенных в РГ частиц, а именно к тем, которые выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей, в том числе – значение подчеркивания / акцентирования (ср.: *Вам-то вот смешно, а нам слезы*) и противопоставленности (ср.: *Вот он и честный, да что в нем!*).

***Все-таки* в свете представлений Московской семантической школы: значение – употребление – функции**

Только как частицу рассматривает *все-таки* Активный словарь русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна (далее – АС), который в силу своей специфики заслуживает отдельного рассмотрения.

АС существенно отличается от традиционных словарей и построен на основаниях, разработанных Московской семантической школой.

Ядром словарной статьи в АС является вокабула, включающая в себя следующие структурные компоненты: вход – имя вокабулы и те типы фонетической, грамматической и стилистической информации, которые относятся ко всем или многим ее лексемам (под лексемой понимается «слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств» [3, с. 57]); синопсис, или краткий путеводитель по всей словарной статье; описание каждой лексем; фразеологию. Лексема толкуется только в составе *сентенциальной формы*, то есть «в виде словосочетания, предложения или даже нескольких пред-

ложений, в которых семантические актанты толкуемой лексемы представлены переменными вида A_1, A_2, \dots, A_n » [3, с. 92].

Авторы АС выделяют у частицы *все-таки* три основных значения.

Все-таки 1 $A1$; *все-таки A2* ‘Имеет место ситуация $A1$; имеет место ситуация $A2$; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа $A1$, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не- $A2$ ’, см.: *Его не звали, но он все-таки пришел; Лил дождь, но мы все-таки пошли гулять; Детский центр все-таки закрыли, несмотря на многочисленные протесты.*

Все-таки 2 $A1$; $A2$; *все-таки A3* ‘Имеет место ситуация $A1$; имеет место ситуация $A2$; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа $A1$, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не- $A2$; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация $A2$, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация $A3$ ’, см., например: *Хотя экзамен сложный, я уверен, что она сдаст на пятерку – все-таки круглая отличница; Он должен понять, о чем речь идет – все-таки доктор наук.*

Все-таки 3 *Все-таки A1* ‘Говорящий сообщает, что имеет место ситуация $A1$, как бы возвращаясь к разговору об $A1$ или возражая кому-то, кто утверждал, что не- $A1$ ’, см., например: *Какие все-таки в Москве высокие цены; Она все-таки абсолютно непредсказуема; Это все-таки незаменимое средство; Все-таки десять часов в самолете – это очень долго.*

Рассмотрим решение составителей словаря более детально с привлечением примеров из НКРЯ.

Как следует из приведенных дефиниций, все лексемы имеют общий семантический компонент, связанный с противопоставлением двух ситуаций (A vs не- A), см. формулировки выше.

Различия между лексемами связаны с набором и характером выраженности пропозиций, определяемых структурой того предложения, в которое входит та или иная лексема.

Эти предложения могут описывать

- одну ситуацию (*все-таки A1* – лексема *все-таки 3*);
- две ситуации ($A1$; *все-таки A2* – лексема *все-таки 1*);
- три ситуации ($A1$; $A2$; *все-таки A3* – лексема *все-таки 2*).

При этом в каждом случае имеется в виду еще одна ситуация, – ситуация *не-А*, имплицитно противопоставляемая одной из тех, которые представлены эксплицитно.

Лексема **все-таки 1** воплощает это противопоставление в наиболее простом виде. Она, как отмечено выше, используется в предложениях, содержащих две пропозиции; при этом реальная ситуация (*A2*) соотносится с гипотетической (*не-А2*), которая была бы более обычной, более естественной при наличии ситуации (*A1*).

Его не звали (A1), но он все-таки пришел (A2): естественно, что если не зовут, то в гости не ходят.

Лил дождь (A1), но мы все-таки пошли гулять (A2): естественно, что во время дождя гулять не ходят.

Заранее знает ответ (A1) и все-таки спрашивает (A2): зная ответ заранее, естественно не задавать вопросов.

Детский центр все-таки закрыли (A2), несмотря на многочисленные протесты (A1): при многочисленных протестах естественно детский центр не закрывать.

Схематически такое противопоставление можно представить в следующем виде:

<i>(A1)</i>	все-таки (A2) vs имплицитное (<i>не-А2</i>)
<i>Лил дождь (A1)</i>	<i>мы все-таки пошли гулять (A2)</i> vs <i>не пошли гулять (не-А2)</i>
≈ ситуация (<i>A1</i>) задает возможность альтернативы (<i>A2</i>) – (<i>не-А2</i>); обычно, естественно, стандартно при наличии (<i>A1</i>) бывает (<i>не-А2</i>); реализуется (<i>A2</i>)	

Подчеркнем, что *все-таки* находится в той части предложения, которая представляет ситуацию (*A2*), и маркирует идею противопоставления (*A2*) – (*не-А2*).

Лексема **все-таки 2** входит в состав предложений, содержащих три (и более) пропозиции: *Хотя экзамен сложный (A1), она сдала на пятерку (A2) – все-таки круглая отличница (A3)*. Интерпретация таких предложений также требует соотнесения ситуации (*A2*)

с гипотетической (*не-А2*): ‘сдала экзамен на пятерку’ – ‘не сдала / могла бы не сдать экзамен на пятерку’. Аналогично: *Он должен понять (А2), о чем речь идет (А1) – все-таки доктор наук (А3)*, где (*не-А2*) ‘он не понял / он мог не понять’. При этом ситуация (*А3*) совершенно точно охарактеризована в АС как благоприятствующая тому, чтобы при наличии альтернативы (*А2*) – (*не-А2*) была реализована ситуация (*А2*): *Хотя экзамен сложный, она (потому) сдала его на пятерку, что является круглой отличницей; Он должен понять, о чем идет речь, (потому что) он доктор наук.*

Характер ситуации (*А3*) можно продемонстрировать также, поставив соответствующую часть предложения под отрицание, ср.: *Если бы она не была круглой отличницей, она бы не сдала на пятерку; Если бы он не был доктором наук, он бы не понял.*

Приведем еще несколько контекстов, включающих *все-таки* 2, из НКРЯ.

(5) *Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем (А2), потому что хотя разбойник он (А1), а все-таки был моим кунаком (А3)* (М. Ю. Лермонтов): ‘попотчевал’ (*А2*) vs ‘не попотчевал / мог бы не попотчевать’ (*не-А2*).

(6) *Тогда уже было видно, что это конченый человек (А1), но я сдержался тогда (А2). Все-таки мужчина. Старый профессор-математик, на пенсии, Василий Васильевич Кашиперов (А3)* (И. Грекова): ‘сдержался’ vs ‘не сдержался / мог не сдержаться’.

Как видно, в (5) и (6) представлены те же отношения, что и в примерах из словаря: ситуация (*А2*) имплицитно противопоставляется гипотетической (*не-А2*); реализации (*А2*) благоприятствует ситуация (*А3*): ‘попотчевал, потому что он был моим кунаком’; ‘сдержался, потому что он старый профессор’. Или иначе: *Если бы он не был моим кунаком, я бы не попотчевал его чаем; Если бы он не был мужчиной, старым профессором-математиком, на пенсии, я бы не сдержался.*

Схематически эти отношения можно представить в следующем виде:

(A1)	(A2) vs имплицитное (не-A2)	все-таки (A3) (благоприятствующая ситуация)
Экзамен сложный	она сдала его на пятерку (A2) vs не сдала / могла не сдать (не-A2)	все-таки отличница
≈ ситуация (A1) задает возможность альтернативы (A2) – (не-A2); обычно, естественно, стандартно, более вероятно при наличии (A1) бывает (не-A2) реализуется (A2), поскольку есть благоприятствующая ситуация (A3)		

Важно, однако, подчеркнуть, что *все-таки 2*, в отличие от *все-таки 1* находится не в той части предложения, которая, описывая ситуацию (A2), противопоставляет ее гипотетической ситуации (не-A2), а в третьей части. Поэтому *все-таки* маркирует не противопоставление как таковое, а причину, обусловившую выбор в пользу (A2) при наличии альтернативы (не-A2).

Как отмечает словарь, первая ситуация (A1) достаточно часто не упоминается, ср.: *Давайте встретимся завтра (A2) – все-таки сегодня уже очень поздно (A3)*.

Несмотря на то что формально такие предложения походят на те, в которых используется *все-таки 1*, они однозначно репрезентируют вторую лексему рассматриваемой единицы. Во-первых, ситуация (A1) легко восстанавливается благодаря контексту. В рассматриваемом случае полный вариант может быть, например, так: *Хотя мы договаривались встретиться сегодня (A1), давайте встретимся завтра (A2) – все-таки сегодня уже очень поздно (A3)*. Во-вторых, *все-таки* находится в третьей части, обосновывающей причину выбора ситуации (A2 *встретимся завтра*) при наличии альтернативы (не-A2 *встретимся не завтра, сегодня*).

Лексема *все-таки 3* используется в составе предложений, содержащих, как правило, единственную пропозицию:

(7) Какие **все-таки** в Москве высокие цены.

(8) Она **все-таки** абсолютно непредсказуема.

Словарь предполагает две возможности для использования лексем *все-таки 3*.

Во-первых, согласно дефиниции, она употребляется тогда, когда «говорящий возражает кому-то, кто утверждал, что не-А1». Это решение представляется небесспорным.

Если высказывания (7) и (8), содержащие утверждение (А1), являются возражением тому, кто утверждал обратное (*не-А1*), должен иметь место реальный или воображаемый диалог типа:

– *В Москве невысокие цены.* – *Какие все-таки в Москве высокие цены.*

– *Она очень предсказуемый человек.* – *Она все-таки абсолютно непредсказуема.*

Вызывает сомнение, что диалог с такой связью реплик может появиться в условиях естественного коммуникативного взаимодействия. Трудно, кроме того, допустить, что в (7) постулируется наличие имплицитной ситуации ‘в Москве невысокие цены’.

Во-вторых, как указывает словарь, *все-таки* 3 употребляется тогда, когда «говорящий возвращается к разговору об А1». Думается, как раз этот режим употребления наиболее характерен для данной лексемы, причем совсем необязательно, чтобы говорящий действительно «возвращался к разговору об А1», взаимодействуя с реальным собеседником.

Рассмотрим некоторые примеры более подробно.

Как кажется, высказывания типа (7) и (8) естественным образом функционируют в тех ситуациях, когда новый опыт взаимодействия с некоторым фрагментом реального мира еще и еще раз подтверждает тот факт, который уже представлен в картине мира субъекта речи. Условно говоря: *X* неоднократно сталкивался с тем, что в *Москве высокие цены*, с тем, что некая *она* ведет себя *абсолютно непредсказуемо*. В определенный момент времени этот *X* получает очередное подтверждение имеющимся знаниям, и тогда он использует *все-таки*, чтобы подчеркнуть, что эти знания (ожидания, представления) подкрепляются его новым опытом, и чтобы выразить свою эмоцию по этому поводу.

Подобным образом, на наш взгляд, можно охарактеризовать семантическую организацию предложений (9), (10), (11):

(9) *Это все-таки незаменимое средство.*

(10) *Все-таки десять часов в самолете – это очень долго.*

Особенно наглядно демонстрирует своеобразное ментальное взаимодействие говорящего с фрагментами его собственной картины мира пример (11): говорящий имеет стереотипное представление о *стопроцентном американце*, и знакомство с очередным американцем дает ему основание построить высказывание, в котором *все-таки* служит для выражения эмфазы:

(11) *Все-таки что за прелесть этот типичный стопроцентный американец!*

Понятно, что стереотип может формироваться как на основе собственного, так и на основе чужого опыта, – эксплуатация стереотипа осуществляется по одним и тем же правилам, ср. (12) *Все-таки хорошо, что я не замужем!* и (13) *Все-таки хорошо, что я замужем!* В обоих случаях в картине мира говорящего есть набор некоторых представлений о том, что значит «быть (не)замужем», и тот новый опыт, который появляется у говорящего, вновь закрепляет этот стереотип и дает ему возможность акцентировать внимание на своей «правоте».

Эмфатический характер такого *все-таки* объясняет причину частого использования этой лексемы в сочетании с частицей *нет*, которая в подобных контекстах выступает в роли усилительной – ‘употребляется с целью привлечь внимание собеседника к высказываемой мысли’ [19, с. 230], см., например, *Нет, все-таки как здорово, что мы повидались!* *Нет, все-таки политика губит искусство* (М. Баконина); *Нет, все-таки это была хорошая книга!* (Ю. Рытхэу); *Нет, все-таки пусть бы не выходила замуж* (И. Рукавишников).

Результаты анализа материалов Активного словаря и контекстов, извлеченных из НКРЯ, можно представить следующим образом.

Все-таки 1

Лил дождь (A1), мы все-таки пошли гулять (A2)

- ситуация *A1* задает в качестве стандартного (естественного, нормального, более вероятного) положения вещей ситуацию *не-A2* [пресуппозиция];

- утверждается, что имеет место ситуация $A2$;
- *все-таки* маркирует противопоставление ($A2$) – ($не-A2$).

Все-таки 2

Экзамен был трудный (A1), но она сдала на пятерку (A2), все-таки круглая отличница (A3)

- ситуация $A1$ задает в качестве стандартного (естественного, нормального, более вероятного) положения вещей ситуацию $не-A2$ [пресуппозиция];
- утверждается, что имеет место ситуация $A2$;
- утверждается, что наличие ситуации $A2$ обусловлено наличием благоприятствующей ситуации ($A3$);
- *все-таки* маркирует причину, обусловившую выбор ($A2$) при наличии альтернативы ($не-A2$).

Все-таки 3

Какие все-таки в Москве высокие цены (A1)!

- говорящий имеет представление о характере ситуаций типа ($A1$) [пресуппозиция];
- в реальном мире имеет место ситуация $A1$;
- реальная ситуация подтверждает представления говорящего;
- *все-таки* маркирует эмоциональную реакцию говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Замечание

В ряде случаев высказывания, содержащие единственную пропозицию, требуют особого рассмотрения. Это высказывания типа (14) *Мне все-таки удалось успеть до перерыва*, которые АС приводит в качестве иллюстрации *все-таки 1*, отмечая, что ситуация ($A1$) может не упоминаться. Формально такие предложения подобны тем, в составе которых используется *все-таки 3*, ср., например, (15) *Все-таки политика губит искусство!* Представляется тем не менее, что с учетом сформулированных выше критериев их можно разграничить.

Как кажется, высказывания типа (14) недвусмысленно отсылают к некоторой ситуации ($A1$), к некоторому набору связанных с ней

обстоятельств, которые могли помешать реализации эксплицитно обозначенной ситуации (A_2) и которые делают более вероятной обратную ситуацию ($не-A_2$).

Фраза (14) *Мне все-таки удалось успеть до перерыва* предполагает, что были какие-то обстоятельства, которые препятствовали тому, чтобы названное положение вещей имело место, например: *В городе невероятные пробки [пресуппозиция], но мне все-таки удалось успеть до перерыва* (гипотетическая ситуация – *не удалось успеть / мог бы не успеть*).

Фраза (15) *Все-таки политика губит искусство!* вряд ли может быть осмыслена в том же ключе: здесь нет однозначно восстанавливаемой отсылки к некоторым препятствующим обстоятельствам; описываемая ситуация не вступает в контрадикторные отношения с гипотетической *политика не губит искусство*; кроме того, наличие такой пресуппозиции здесь крайне сомнительно.

Именно поэтому следует согласиться, что в (14) употреблена лексема *все-таки* 2, функционирующая как маркер противопоставления реальной и гипотетической ситуаций (A_2) – ($не-A_2$), а в (15) – *все-таки* 3, маркирующая эмоциональную реакцию говорящего на то, что в реальном мире он обнаружил очередное подтверждение некоторому факту, зафиксированному в его картине мира.

Заключение

Осмысление тех способов репрезентации лексической единицы *все-таки*, которые представлены в традиционных и современных толковых словарях, а также анализ примеров контекстного употребления этой единицы, извлеченных из Национального корпуса русского языка, позволяет заключить, что *все-таки* следует квалифицировать как частицу, которая используется (а) как маркер противопоставления имеющегося положения вещей гипотетическому, но более стандартному, типичному, «естественному»; (б) как маркер причины, обусловившей реализацию одной из двух альтернатив; (в) как маркер эмоциональной реакции говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. редактор акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
4. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.
5. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 111-126.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007, 571 с.
7. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
8. Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных языковых структур. М.-Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. IX. С. 33-40.
9. Дроздова Т.В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 24 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 866 с.
11. Ирисханова К.М. Когнитивный диссонанс в англоязычном поэтическом дискурсе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 17 (703). С. 7-14.
12. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. С вопросами и упражнениями. М.: Едиториал УРСС, 2004, 320 с.
13. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 366-566.

14. Национальный корпус русского языка: 2003-2020. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 15.10.2021)
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 907 с.
16. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.:Наука, 1980. 783 с.
17. Русская грамматика: Синтаксис. Т. 2 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
18. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, 1995. 441 с.
19. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 А-И / под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. 964 с.
20. Ташлыкова М.Б. Языковые и дискурсивные маркеры конструирования образа прошлого // Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого: монография / под общ. ред. О.Л. Михалёвой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 25-49.
21. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Аделант, 2013. 800 с.
22. Фестингер Л. Введение в теорию когнитивного диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 97-110.
23. Cameron D. Working with spoken discourse. Sage Publ., 2001, 206 p.
24. Tompkins P., Lawley J. Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? The Developing Group. 2009. URL: <https://cleanlanguage.co.uk/articles/articles/262/1/Cognitive-Dissonance-and-Creative-Tension/Page1.html> (дата обращения: 05.09.2021)
25. Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge. MA. MIT Press. 1979, 217 p.
26. Heider F. Attitudes and Cognitive Organizations. Journal of Psychology. 1946. Vol. 21, pp. 107-112.
27. Heider F. Social perception and phenomenal causality // Psychological Review, no. 51(6). 1944, pp. 358-374.

References

1. Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: Popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person according to language data: An attempt at a systematic description]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of linguistics], 1995, no. 1, pp. 37-67.
2. Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy: T. 1. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works: Vol. 1. Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», «Vostochnaya literatura» RAN Publ., 1995, 472 p.
3. Apresyan Yu.D. *Prospekt Aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospect of the Active Dictionary of the Russian Language]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010, 784 p.
4. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2014, vol. 2, 736 p.
5. Aronson E. *Teoriya dissonansa: progress i problemy* [The theory of dissonance: progress and problems]. *Sovremennaya zaru-bezhnaya social'naya psihologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 111-126.
6. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga Publ., 2007, 571 p.
7. Beloshapkova V.A. *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shk. Publ., 1989, 800 p.
8. Demyankov V.Z. *Kognitivnyj dissonans: kogniciya yazykovaya i vneyazykovaya* [Cognitive dissonance: linguistic and extralanguage cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vzaimodejstvie kognitivnyh yazykovykh struktur* [Cognitive studies of language. Interaction of cognitive language structures]. Moscow-Tambov: TSU Publ., 2011, no. IX, pp. 33-40.
9. Drozdova T.V. *Kognitivnyj dissonans kak lingvisticheskaya problema* [Cognitive dissonance as a linguistic problem]. Abstract of PhD dissertation. Belgorod, 2011, 24 p.
10. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 2000, 866 p.

11. Iriskhanova K.M. Kognitivnyj dissonans v angloyazychnom poeticheskom diskurse [Cognitive dissonance in the English-language poetic discourse]. *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], 2014, no. 17(703), pp. 7-14.
12. Lions J. *Yazyk i lingvistika. Vvodnyj kurs. S voprosami i uprazhneniyami* [Language and Linguistics. Introductory course. With questions and exercises]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 320 p.
13. Martine A. *Osnovy obshchej lingvistiki* [Fundamentals of general linguistics]. *Novoe v lingvistike* [The new in linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1963, no. 3, pp. 366-566.
14. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003-2020* [National corpus of the Russian language: 2003-2020]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 15.10.2021)
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az Publ., 1996, 907 p.
16. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Wordformation. Morphology]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1980, 783 p.
17. *Russkaya grammatika: Sintaksis* [Russian grammar: Syntax]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980, 709 p.
18. Ricoeur P. *Conflict of interpretations: essays on hermeneutics* [Conflict of interpretations: essays on hermeneutics]. Moscow: Academia-Center Publ., 1995, 441 p.
19. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. T. I A-I* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 1 A-I]. Moscow: Gos. izd. in. i nac. Slovarnej Publ., 1957, 964 p.
20. Tashlykova M.B. *Yazykovye i diskursivnye markery konstruirovaniya obraza proshlogo* [Linguistic and discursive markers for constructing the image of the past]. *Sovetskoe kak diskursivnyj fenomen: sposoby konceptualizatsii proshlogo: monografiya* [The Soviet as a discursive phenomenon: ways of conceptualization of the past: monograph]. Irkutsk: ISU Publ., 2013, pp. 25-49.

21. *Tolkovyyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka pod red. D.N. Ushakova* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Adelant Publ., 2013, 800 p.
22. Festinger L. Vvedenie v teoriyu kognitivnogo dissonansa [Introduction to the theory of cognitive dissonance]. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 97-110.
23. Cameron D. Working with spoken discourse. Sage Publ., 2001, 206 p.
24. Tompkins P., Lawley J. Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? The Developing Group. 2009. URL: <https://cleanlanguage.co.uk/articles/articles/262/1/Cognitive-Dissonance-and-Creative-Tension/Page1.html> (accessed 05.09.2021)
25. Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge. MA. MIT Press, 1979, 217 p.
26. Heider F. Attitudes and Cognitive Organizations. *Journal of Psychology*, 1946, vol. 21, pp. 107-112.
27. Heider F. Social perception and phenomenal causality. *Psychological Review*, no. 51(6), 1944, pp. 358-374.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Марина Борисовна Ташлыкoва, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, декан факультета филологии и журналистики, кандидат филологических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»

ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область, 664003 Российская Федерация

taschlykoff@mail.ru

Лошанина Мария Николаевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область,
664003 Российская Федерация
masha_usole@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Marina B. Tashlykova, Director of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Dean of the Faculty of Philology and Journalism, Candidate of Philology, Associate Professor

Irkutsk State University

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation

taschlykoff@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9293-633X

SPIN-code: 3570-0673

Maria N. Loshanina, Postgraduate Student, Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation

masha_usole@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6288-6359

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 26.12.2021

Принята 28.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 26.12.2021

Accepted 28.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-443-456

УДК 811.13

АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Омарова П.М.

В статье рассматривается функционирование артефактной метафоры в публикациях в области экономики. Определяются сферы источники метафор, рассматривается роль метафоры как эффективного средства отражения и оценки экономических процессов, описываются наиболее употребительные типы метафор со сферой-источником «артефакты».

Цель статьи состоит в выявлении и анализе концептуальных метафор в публикациях в сфере экономики, в частности артефактных метафор как средства манипулятивного воздействия.

Метод или методология проведения работы. В исследовании применялись методы концептуального и контекстуального анализа, описательный метод, прием частичной выборки. Научная новизна статьи заключается в том, манипулятивный потенциал артефактной метафоры в экономическом дискурсе недостаточно изучен.

Результаты. В результате исследования выявлены наиболее употребительные артефактные метафоры в англоязычных СМИ, а также их функционирование в публикациях экономической направленности.

Область применения результатов. Данный материал можно использовать на спецкурсах и практических занятиях по когнитивной лингвистике, лингвистике текста, общественно-политическому и экономическому переводу, а также при написании выпускных квалификационных работ.

Ключевые слова: метафора; артефактная метафора; средство выражения; экономический дискурс; СМИ

ARTIFACT METAPHOR IN ENGLISH MASS MEDIA IN THE SPHERE OF ECONOMICS

Omarova P.M.

The article examines the functioning of the artifact metaphor in English mass media in the field of economics. The source domains of metaphors are determined, the role of metaphor as an effective means of expressing and evaluating economic processes is considered, and the most common types of metaphors with the source domains “artifacts” are described.

Purpose. *The article reveals and analyses conceptual metaphors in economic articles, in particular, artifact metaphors are considered as means of manipulation.*

Methodology. *The research was held using the conceptual, contextual, and descriptive methods as well as partial sampling technique. Scientific novelty is due to lack of research of artifact metaphors’ manipulative effect in economic discourse.*

Results. *The results of the research show the most commonly used artifact metaphors in the English mass media and their functions in economic articles.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in special courses in cognitive linguistics, text analysis, translation study of social-political and economic texts as well as for writing theses.*

Keywords: *metaphor; artifact metaphor; means of expression; economic discourse; media*

Введение

Цель. Выявить в публикациях англоязычных СМИ экономической тематики разновидность концептуальной метафоры – артефактную метафору, проанализировать наиболее употребительные метафорические модели и их функционирование, а также воздействие на читателя.

Актуальность. Современная лингвистика развивается в русле когнитивизма и антропоцентрического подхода к языку, что позво-

ляет рассматривать языковые явления как элементы категоризации мира, мышления и восприятия. Концептуальная метафора, к которой относится анализируемая в статье артефактная метафора, является эффективным средством манипулятивного воздействия. Это одна из основных ментальных операций, способ познания и структурирования окружающего нас мира, изучение которого остается актуальным в лингвистических исследованиях.

Материалы и методы

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы в области когнитивной лингвистики и теории метафоры: Н.Д. Арутюновой, А.П. Чудинова, В.В. Глебкина [4; 13; 7]. Вопросам функционирования концептуальной метафоры в экономическом дискурсе посвящены исследования Е.С. Абрамовой, К.Г. Апресян, Н.Ю. Бородулиной, Ю.В. Подкиной, И.А. Аржановой, Е.В. Колотниной [1; 2; 5; 11; 3; 10].

Практическим материалом для исследования послужили метафорические модели, извлеченные посредством частичной выборки из электронных периодических изданий по экономике “The Economist” и “The Financial Times”. Исследование проводилось с применением методов концептуального и контекстуального анализа, описательного метода, приема частичной выборки.

Результаты и обсуждение

Концептуальная метафора, по мнению Н.Д. Арутюновой, представляет «субъективное отношение индивида к миру, его видение, его трактовку определенного фрагмента действительности» [4, с. 17]. Важное место концептуальная метафора занимает в исследованиях, посвященных изучению медиадискурса. Так, по мнению А.С. Соловьевой, «метафоричность является одной из неотъемлемых и характерных особенностей языка современных СМИ» [12, с. 177]. Е.С. Абрамова также указывает, что современный массмедийный дискурс «предоставляет благоприятные условия для функционирования метафоры» [1, с. 13].

СМИ оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения, являясь единственным источником информации о происходящих событиях для широких слоев населения. Материалы СМИ отражают не только точку зрения их авторов, но и заказчиков, и являются, таким образом, средством навязывания определенной, нужной точки зрения под маской бесстрастного описания произошедшего факта. Подобный способ преподнесения информации способен оказать колоссальное влияние на сознание и поведение тех, кому он адресован. Метафоры существенно усиливают это влияние, т.к. являются наиболее действенным способом создания у аудитории необходимых образов, формирующих ее отношение к описываемым событиям.

Использование той или иной метафоры связано с текущим экономическим и социальным положением в обществе. Так, в период обострения общественно-политических отношений, указывает Е.Б. Каган, особенно востребованными становятся милитарная, криминальная и зооморфная метафоры [9, с. 175].

В данной статье рассматриваются особенности функционирования артефактной метафоры в публикациях деловых СМИ в области экономики. Экономические процессы и события представляют собой одну из ключевых тем в средствах массовой информации, в частности, в них регулярно публикуются сведения о последних событиях, тенденциях, аналитические материалы и комментарии в сфере экономики, финансов и бизнеса, которые получают чаще всего метафорическое выражение [2, с. 50].

Сферами источниками артефактной метафоры являются предметы, созданные трудом человека: дом, одежда, драгоценности, книга, пища. А.П. Чудинов утверждает, что артефактная метафора имеет трехуровневую структуру: *механизмы, строения и объекты* личностно-бытовой сферы, не являющиеся техническим устройством или построенным объектом, например, продукты питания, одежда, утварь и др. [14, с. 93].

В.В. Глебкин подчеркивает, что это метафора механизма – это базовая метафора, которая возникла еще в Античности и раннем

Средневековые и обусловлена социально-экономическими и социокультурными процессами [7, с. 65]. Метафоры со сферой-источником «**механизмы**» придают экономическим субъектам и явлениям качества технических средств – налаженность, скорость, маневренность. Экономика, являясь сложной системой, сама идентифицируется с механизмом со сложными и разнообразными действиями и процессами, например:

*If I hold shares in Vodafone for example, I can use the stock market as a **mechanism** for realising the value of my shares very rapidly* (The Economist / Can bitcoin be bettered? 24/06/2021) [15].

Скорость экономических процессов, темп развития экономики демонстрируется с отсылкой к транспортному средству, например:

*Markets must **speed up efforts** to ditch Libor, warns watchdog* (The Financial Times, 18/12/2019) [16].

*...a reversal of some of the unusual **manoeuvres** that used to be common in China* (The Economist / China's monetary stimulus is unusually restrained, 20/08/2020) [15].

*The pandemic has sent public debt **rocketing** across the world* (The Economist, 5/05/2020) [15].

Многие экономические процессы, факторы, способствующие экономическому росту, репрезентируются с применением **инструментов** и орудий труда, например:

*Sanctions are now a central **tool** of governments' foreign policy* (The Economist, 24/04/2021) [15].

They said the trade of 2021 would involve buying financial instruments that track the price of copper <...> (The Financial Times / Investors move into cash at fastest rate since March last year, 30/04/2021) [16].

*Wall Street has acknowledged that Walmart must **plough** cash into e-commerce/* (The Financial Times / Walmart vs Amazon: the battle to dominate grocery, 11/05/2021) [16].

Одной из употребительных метафор является метафора со сферой-источником «**строения**», которая напрямую связана с строительством, созиданием. Как указывает Л.Б. Здановская, созидательное действие отмечено положительной коннотацией и ил-

люстрирует творческую природу человека как главного исполнителя действия, нацеленного на достижение конкретной цели [8, с. 74]:

Так, строение может быть представлено как здание, находящееся в процессе постройки; как крепость, демонстрирующая нечто устойчивое и непоколебимое; как руины – нечто, ведущее к упадку. Приведем примеры:

*The big tech firms are also a **bastion** of financial stability <...> (The Economist / Big tech's covid-19 opportunity, 4/04/2020) [15].*

*Asset managers **are building** buffers in case of another crisis by beefing up capital reserves (The Financial Times / Asset managers **build up** capital cushions, 11/04/2010) [16].*

*A global corporate-tax pact would **ruin** a lucrative business model (The Economist / Twilight of the tax haven, 21/06/2021) [15].*

В группе строений также встречаются метафоры, иллюстрирующие некие ограничения (*corridor, threshold, ceiling, floor etc.*). В особенности это касается публикаций в сфере финансов, например:

*The agency that supervises the China-Pakistan **Economic Corridor**, helping funnel some \$60bn of Chinese investment into infrastructure (The Economist / Pakistan's generals are ever more involved in running the country, 8/04/2021) [15].*

*In 2011 the **threshold** was 2,536 yuan, or 6.95 yuan a day. That is still a meagre amount (The Economist / China's poverty line is not as stingy as commentators think, 18/06/2020) [15].*

*On April 23rd the government said that setting a **price ceiling** for the large majority of gas and electricity customers on the highest tariffs would be part of the Conservative manifesto (The Economist / The perils of capping energy prices, 27/04/2017) [15].*

Образы порога, потолка как некоего ограничителя используются для выражения сложности или невозможности дальнейшего развития событий, например, продвижения работника по службе, либо компании на рынке:

*Wall Street's **glass ceiling** cracked at last on March 1st, as Jane Fraser took charge of Citigroup, becoming the first woman to head a big American bank (The Economist / Is the lot of female executives improving? 4/03/2021) [15].*

*Around 90% of countries have some sort of legal **wage floor**, although enforcement practices vary widely* (The Economist / Raising the floor. What harm do minimum wages do? 15/08/2020) [15].

Среди метафор группы «**строения**» нередко используются такие образы как *дверь* и *окно*. Они могут иллюстрировать как ограничение, так и возможности в зависимости от того, предстают ли они закрытыми или открытыми.

*Banks are a **window** into the economy* (The Economist, 18/07/2020) [15].

*The **window is closing** for companies to take advantage of relaxed rules on capital raising to shore up their finances...* (The Financial Times / City Bulletin: Capital raising window set to close for companies, 20/11/2020) [16].

*It **opens the door** to everyone else around the world, as this is the first major developed country to go hard on CGT* (The Financial Times / US tax plan 'opens door to rest of the world' to raise capital levies 30/03/2021) [16].

*Provident Financial: **closing the door** on home credit will cap losses* (The Financial Times, 10/05/2021) [16].

Сфера **бытовых артефактов** представлена объектами, относящимися к еде и другим предметам обихода. Метафоры, отсылающие к процессу приема пищи, могут быть рассмотрены также в рамках антропоморфной метафоры, поскольку насыщение и голод свойственны живому существу. Кроме того, использование гастрономической метафоры выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя, вызывая у него ассоциации с едой, как значимой сферой жизни [2, с. 50]. Собственно же гастрономические метафоры мы подразделили на метафоры с образами пищевых продуктов и метафоры с образами вкуса.

Пищевые продукты могут подразумевать средство к существованию, источник заработка:

*That is because the ride-hailing business, which will remain Uber's **bread and butter** for the foreseeable future, is local, not global* (The Economist / Can Uber ever make money? 27.04.2019) [15].

В данном примере хлеб с маслом – это дело или источник, приносящий основной, наиболее значимый либо единственный доход.

В некоторых случаях пищевые продукты могут служить источником предмета или объекта лучшего качества или денег (прибыли), например:

*No one is better placed to **skim the cream** off the top of that trend than wealthy people* (The Financial Times, 16/04/2021) [16].

Метафора «снятие сливок» стала экономическим термином. Под ней скрывается стратегия производителя, при которой он входит на рынок с новым товаром, установив на него завышенную цену. Таким образом, производитель «снимает сливки», т.е. получает большую прибыль или самых платежеспособных покупателей.

В следующем примере совокупность экономических явлений представлена как «опасный» коктейль, который получается из невыгодных для потребителя экономических условий:

*...A heady mix of Western economies slowly re-opening, supply chain bottlenecks, and aggressive US fiscal and monetary policy could **brew together** and create what many see as a dangerous **cocktail** for consumer...* (The Financial Times / Inflation: temporary scarcity, 4/05/2021) [16].

В качестве источника метафоры могут выступать также составляющие процесса приготовления пищи (*ingredients, recipe*), например:

*The **ingredients** of ECB success will be boldness and clarity* (The Financial Times, 23/12/2021) [16].

*A CBDC could be a **recipe** for bank runs — either acutely in a crisis, or permanently over time. The BIS has several answers* (The Financial Times / The arrival of digital currencies is getting closer, 24/06/2021) [16].

К гастрономической метафоре можно отнести и вкусовую метафору, основанную на проекции различных вкусов или пищевых продуктов, имеющих характерные вкусовые свойства на различные экономические явления. Как правило, «горький», «кислый», «соленый» используются для описания негативной ситуации, а «сладкий» – для позитивной, например:

*Business has **gone sour** in America's dairy capital* (The Economist, 25/01/2020) [15].

Bridgepoint is at a sweet spot in its own evolution (The Financial Times / Bridgepoint IPO: UK buyout group shows shrewd grasp of cycles, 29/06/2021) [16].

Предметы обихода как источники метафоры могут быть представлены канцелярскими товарами (*envelope, pencil, pen, paper*):

<...> *a back-of-the-envelope sum suggests under \$50m spent on fees, foreign exchange and stamp duty* (The Financial Times / Block trades: a short walk to price discovery, 9/04/2021) [16].

Malaysia shifted many of its paper-pushers in 1999 from Kuala Lumpur to a new city called Putrajaya (The Economist / Capital flight: Why governments move civil servants out of national capitals, 06/14/2019) [15].

Карандаш, ручка и бумага символизируют рутинную офисную работу на низких должностях. Данные метафоры несут негативный подтекст, подразумевая низкую значимость таких работников.

Образ книги также выступает как источник метафоризации. Серьезные изменения, скачок в развитии, смена экономической политики сравниваются с новой главой книги, а желание отойти от старой модели поведения или завершить какой-то процесс сравнимо с желанием перевернуть страницу, например:

Turn to the financial pages, however, and the once-a-decade headline would be a given: "Interest rates go negative" (The Financial Times / Could real money stack up as an inflation hedge? 14/01/2021) [16].

An approach from buyout group CC Capital adds another chapter to its convoluted corporate history. (The Financial Times / Bid speculation is ever-present but Regus owner IWG stays unattached, 29/06/2021) [16].

Среди метафор, отсылающих к предметам гардероба, нами были найдены следующие:

Since the pandemic began, it seems the desire to live in this well-heeled spot has intensified (The Financial Times / Delighted of Tunbridge Wells: housing market thrives in the spa town, 13/04/2021) [16].

He added that "<...> you're far from having filled people's shoes in terms of demand" (The Financial Times / China's first negative-yielding sovereign bond spurs investor rush, 19/11/2020) [16].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что артефактная метафора в публикациях экономической направленности представлена разнообразными сферами-источниками в рамках понятийных сфер «механизмы» (*mechanism, speed up, manoeuvres, rocketing*), «инструменты» (*plough, tool*), «строения» (*a bastion, building, ruin, corridor, threshold, ceiling, floor, labyrinth, window, door*), «быт» (*bread and butter, cream, cocktail, ingredients, recipe, sour, sweet, envelope, pencil, pen, paper, pages, chapter, well-heeled, fill one's shoes*). Метафора, относящаяся к каждой из этих сфер, может нести как позитивную, так и негативную окраску, выполняя, тем самым, как воздействующую, так и аттрактивную функции. Наиболее многочисленной группой оказалась группа «строения». Данные метафоры создают у читателя четкое представление об экономических процессах и финансовой ситуации в мире, позволяют оценить происходящие события и ситуации как положительные и отрицательные, многообещающие или не имеющие перспективы. Метафоры группы «механизмы» придают экономическим субъектам и явлениям качества технических средств: эффективность, налаженность, скорость, маневренность. Метафоры, относящиеся к сфере «быт», создаются на основе артефактов сфер «еда», «канцтовары», «предметы гардероба» и так же являются эффективным средством обозначения экономических явлений.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование проводилось без спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Метафорический образ механизма в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета, 2013. № 369. С. 7-11.

2. Апресян К.Г. Аппракативная функция метафоры в современном англоязычном и русскоязычном финансовом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 49-57.
3. Аржанова И.А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 161-164.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры, М.: Прогресс, 1990. С. 5-35.
5. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н., Гливенкова О.А. Метафорическая картина мира экономики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 14-25.
6. Вахмянина Е.А. Метафоры из сферы-источника «механизм» как способ концептуализации инцидента в Солсбери в СМИ России и Великобритании // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 1. С. 46-58.
7. Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 51-68.
8. Здановская Л.Б. Особенности репрезентации концептов созидания в русской, немецкой и английской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. 2020, Том 12, № 4. С. 66-75.
9. Каган Е.Б. Метафоры из сферы-источника «мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 2(32) С. 172-175.
10. Колотнина Е.В., Ваганова Т.А. К вопросу о развертывании концептуальной метафоры в тексте (на примере текстов экономической тематики) // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 5(7). С. 59-62.
11. Подкина Ю.В. Метафора в журналистском тексте экономической тематики // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 161-165.
12. Соловьева А.С. Вербальная реализация социоморфной метафоры со сферой-мишенью «Евросоюз» в британских СМИ // Филологи-

- ческие науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 177-179.
13. Стоянова Е.В. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013. 276 с.
 14. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.
 15. The Economist. URL: <https://www.economist.com/> (дата обращения: 15.08.2021)
 16. The Financial Times. URL: <https://www.ft.com/> (дата обращения: 15.08.2021)

References

1. Abramova A.A. Metaforicheskiy obraz mekhanizma v russkoj yazykovoj kartine mira [Metaphorical image of mechanism in the Russian linguistic worldview]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2013, no 369, pp. 7-11.
2. Apresyan K.G. Attraktivnaya funkciya metafory v sovremennom angloyazychnom i russkoyazychnom finansovom diskurse [Attractive function of metaphor in modern English and Russian financial discourse]. *Vestnik VGU* [VSU Bulletin], 2020, no. 4, pp. 49-57.
3. Arzhanova I.A. Funktsionirovaniye antropomorfnoy metafori v angliyskom ekonomicheskom disкурse [Functions of the anthropomorphic metaphor in the English economic discourse]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 6(139), pp. 161-164.
4. Arutunova N.D. Metafora i discours [Metaphor and discourse]. *Teorija metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress, 1990, pp. 5-35.
5. Borodulina N. Yu., Makeyeva M.N., Glivenkova O.A. Metaforicheskaya kartina mira ekonomiki [Metaphorical world view of economics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2019, no 3, pp. 14-25.
6. Vakhmyanina E.A. Metafory iz sfery-istochnika “mekhanizm” kak sposob konceptualizacii incidenta v Solsberi v SMI Rossii i Velikobri-

- tanii [Metaphors from the source domain “mechanism” as tools for conceptualizing the incident in Salisbury in the Russian and Great Britain media]. *Uchenye zapiski NTGSPi* [NTSSPI scientific notes], 2021, no 1, pp. 46-58.
7. Glebkin V.V. Metafora mekhanizma i teoriya konceptual'noy metafory Lakoffa – Dzhonsona [Metaphor of mechanism and Lakoff and Johnson's conceptual metaphor theory]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 2012, no 3, pp. 51-68.
 8. Zdanovskaya L.B. Osobennosti reprezentatsii konceptov sozidaniya v russkoy, nemeckoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Peculiarities of the representation of the concepts of the creation in the Russian, German and English linguistic cultures]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social issues], 2020, vol. 12, no 4, pp. 66-75.
 9. Kagan E.B. Metafory iz sfery istochnika ‘mir nezhivoy prirody’ v zagolovkakh rossiyskikh amerkanskih i britanskikh SMI [Metaphors with the source domain «inanimate nature» in the headings of Russian, American and English mass media]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2010, no 2(32), pp. 172-175.
 10. Kolotnina E.V., Vaganova T.A. Osobennosti razvertyvaniya kontseptual'noy metafory v tekste (na primere tekstov ekonomicheskoy tematiki) [Features of representing the conceptual metaphor in the text (on the example of economic texts)]. *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk* [Modern issues of social-humanitarian studies], 2016, no 5(7), pp. 59-62.
 11. Podkina Yu.V. Metafora v zhurnalistskom tekste ekonomicheskoy tematiki [Metaphor in journalistic text on economic topics]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kostroma State University Bulletin], 2018, vol. 24, no 4, pp. 161-165.
 12. Solov'eva A.S. Verbal'naya realizatsiya sociomorfnoy metafory so sfery-mishen'yu «Evrosoyuz» v Britanskikh SMI [Verbal implementation of social-morphic metaphor with sphere-target “European Union” in British media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2013, no 4(22), part 2, pp. 177-179.

13. Stoyanova E.V. *Metafora skvoz' prizmu lingvokul'turnoy situacii* [Metaphor in the Light of Linguocultural Context]. Shumen: Universitetsko izdatelstvo "Episkop Konstantin Preslavski", 2013, 276 p.
14. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiya* [Metaphorical mosaic in modern political communication: monograph]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2003, 248 p.
15. The Economist. URL: <https://www.economist.com/> (accessed 15.08.2021)
16. The Financial Times. URL: <https://www.ft.com/> (accessed 15.08.2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Омарова Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
ул. Панфилова, 71. г. Махачкала, Республика Дагестан,
367001, Российская Федерация
opt30@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Patimat M. Omarova, Associate Professor of the English Philology
Chair, Ph.D. in Philological Science
Dagestan State University
71, Panfilov Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367001,
Russian Federation
opt30@mail.ru

Поступила 31.08.2021

После рецензирования 21.09.2021

Принята 02.10.2021

Received 31.08.2021

Revised 21.09.2021

Accepted 02.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-457-471

УДК 811

АНАЛИЗ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТАМОЖЕННОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Когтева Е.В.

Обоснование. В условиях пандемии Covid-19 на первое место выдвигается прагматическая функция специальных таможенных изданий, заключающаяся в передаче информации о деятельности таможи в условиях кризиса, новых концептов в рамках кризисного плана, моделей восприятия действительности. Для достижения данной цели используются все возможные выразительные средства, в том числе лексические.

Цель. В статье рассматриваются лексические средства, употребляющиеся с целью повышения экспрессивности информации, передающейся в специальных текстах и её воздействия на адресатов в условиях пандемии.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили 2 специальных выпуска франкоязычных отраслевых таможенных изданий: журнала "Douane. Magazine" (№ 16), печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции и OMD Actualités (№ 92) (Новости Всемирной таможенной организации). При анализе материала был использован функционально-семантический метод исследования.

Результаты. Результаты исследования показали, что одним из основных лексических средств выразительности отраслевых текстов в период пандемии можно считать метафору, в том числе вербативную. Высокой частотностью употребления характеризуются эпитеты-прилагательные, усиливающие эффект значимости и беспрецедентности происходящих событий. Отмечена важная роль глагола в повышении экспрессивности текста и воздействия

на адресата, в том числе даже нейтральных глаголов, таких как *répondre*, за счёт частотности их употребления в различных фразеологических конструкциях. В ходе исследования выявлено, что авторами текстов отдаётся предпочтение аналитическим конструкциям как более образным и в какой-то степени метафоризованным.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении корпуса выразительной лексики при обучении студентов французскому языку по специальности «Таможенное дело».

Ключевые слова: пандемия; средства выразительности; эпитет; метафора; глагольные аналитические конструкции

ANALYSIS OF EXPRESSIVE LEXICAL MEANS IN FRENCH CUSTOMS DISCOURSE DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Kogteva E.V.

Background. *In the context of the Covid-19 pandemic, the pragmatic function of special customs publications is put forward in the first place, which consists in transmitting information about the activities of the customs in a crisis, new concepts within the framework of the crisis plan, models of perception of reality. To achieve this goal, all kinds of expressive means are used, including lexical ones.*

Purpose. *The article deals with the lexical means used to increase the expressiveness of information transmitted in special texts and its impact on recipients in the pandemic.*

Materials and methods. *The material for the research was two special issues of French customs publications: the magazine “Douane. Magazine” (No. 16), the press organ of the General Directorate of Customs and Indirect Duties of France and OMD Actualités (No. 92) (News of the World Customs Organization). The functional and semantic research method was used in the analysis of the material.*

Results. *The results of the study showed metaphor, including verbalized metaphor, to be one of the main lexical means of expressiveness of industry texts during the pandemic. The epithets-adjectives enhanced the effect of the significance and transcendence of passing events is characterized with a high frequency of use. The important role of the verb in increasing the expressiveness of the text and the impact on the addressee, including even neutral verbs such as répondre, is noted due to the frequency of their use in various phraseological constructions. The study revealed that the authors of the texts prefer analytical constructions as more imaginative and to some extent metaphorized.*

Practical implications. *The results of the study can be used in compiling a corpus of expressive vocabulary when teaching students French in the specialty “Customs”.*

Keywords: *pandemic; means of expression; epithet; metaphor; verbal analytical constructions*

Введение

Цель. Выявить во франкоязычных специальных таможенных изданиях лексические средства, повышающие их экспрессивность в условиях пандемии Covid-19 и способствующие росту их прагматического потенциала.

Актуальность. Актуальность настоящей работы обусловлена, с одной стороны, интересом к изучению выразительности в языке прессы в целом, с другой – недостаточным изучением функционально-семантического аспекта экспрессивных средств специальных изданий на французском языке.

Материалы и методы

Фактическим материалом для исследования послужили 2 специальных выпуска франкоязычных отраслевых таможенных изданий: журнала “Douane. Magazine” (№ 16), печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции и OMD Actualités (№ 92) (Новости Всемирной таможенной организации), посвященные борьбе с Covid-19, вышедшие под девизом «журна-

листки решений». При анализе материала был использован функционально-семантический метод исследования.

Результаты и обсуждение

Средства массовой коммуникации отличаются высокой реактивностью, иначе говоря, быстро реагируют на события, происходящие в обществе, затрагивающие широкие слои населения, формируя при этом общественное мнение. Под актуальностью, характерной для публицистических текстов, нужно понимать не только событийную актуальность, но и языковую, передающуюся через использование актуальных фразеологизмов и метафорических выражений, наиболее частотных лексических единиц, типичных для данного момента способов коммуникации. При этом отмечается параллелизм используемых языковых средств: как стандартных, так и экспрессивных, как общепринятой лексики, так и терминологии, понятной всем, но в то же время отличающейся новизной и свежестью.

Современные средства массовой информации выступают одним из важнейших источников сведений об окружающем мире и происходящих в нем событиях. По мнению Т.Г. Добросклонской, материалы текстов СМИ являются «одной из самых распространённых форм бытования языка» [2, с. 3], а сам язык трактуется как «особый тип функционально-стилевых единств» [Там же, с. 21].

Язык отраслевых изданий, так же как и язык всей публицистики, характеризуется социально-культурной, ситуативной обусловленностью и «реактивностью», которую В.Г. Костомаров называет «сиюминутной актуальностью, преходящей или постоянной» [5, с. 179]. События, происходящие в обществе, находят моментальное отражение в контенте, особенно если событие носит глобальный и массовый характер.

Именно так можно охарактеризовать кризисную ситуацию, вызванную пандемией Covid-19, оказавшей влияние не только на широкие слои населения и все сферы его деятельности, но и на его язык.

Коронавирусы существовали и раньше, но в настоящее время запущен процесс языкового и когнитивного оформления данного

концепта, который может считаться общепринятым лингвистическим явлением [7].

В условиях кризиса на первое место выдвигается прагматическая функция средств массовой информации, заключающаяся не только в передаче информации, ориентированной на получение адекватного ответа, но и навязывание определённых стереотипов поведения, новых концептов в рамках кризисного плана, моделей восприятия действительности. Исходя из этого стоит отметить значимость аксиологической интенции представителя СМИ наряду с содержательно-фактуальной составляющей [3].

Все вышеперечисленные характеристики можно отнести и к отраслевым таможенным изданиям, являющимся частью средств массовой информации и представляющим публицистический подстиль.

В сложный кризисный период на первый план выходит имплицитная роль текстов отраслевых изданий в создании положительного образа таможни, осуществляющей непрерывно свою деятельность в трудных условиях, делающей всё возможное в рамках своей миссии по защите безопасности и здоровья граждан, предотвращении развития паники, организации консультативной помощи экономическим агентам и широким слоям населения.

В ходе лингвостилистического анализа были исследованы основные лексические средства выразительности, изображающие ход пандемии и борьбу с вирусом, и было установлено, что чаще всего в создании образа Covid-19, последствий пандемии и борьбы с ней используется метафора.

La pandémie de Covid-19 a montré que nous étions bien un village planétaire et a mis en lumière notre vulnérabilité collective face à de telles catastrophes [14]. Пандемия Covid-19 показала, что мы действительно стали глобальной деревней, и подчеркнула нашу коллективную уязвимость перед такими бедствиями.

Термин «глобальная деревня», введённый М. Маклюэном для обозначения «сжавшегося» за счёт электронных средств связи и интернета земного шара, в контексте пандемии используется в качестве метафоры, передающей нашу близость и общую уязвимость.

В процессе исследования было отмечено использование метафоры, семантически относящейся к теме войны, борьбы. Примером такого употребления в изученных текстах могут служить: *deployer tout un arsenal* развернуть целый арсенал [15], *en première ligne* (на передовой) [Там же], *la mobilisation de la douane* (мобилизация таможи) [Там же], *lutter contre la maladie* (бороться с болезнью) [14], *lutter contre l'épidémie* (бороться с эпидемией) [15], *sur tous les fronts* (на всех фронтах) [Там же], *combattre la pandémie* (сражаться с пандемией) [Там же], *le couvre-feu* (комендантский час) [14].

В результате исследования была выявлена авторская метафора, достаточно редко встречающаяся в отраслевых изданиях, ... *le maintien de l'activité des usines par capillarité...* [15] *поддержание деятельности заводов за счет взаимодействия и координации действий*. Предпосылкой для появления нового, переносного значения слова *capillarité*, используемого в медицинской области, послужил принцип схожести процесса, т.к. жизнеспособность организации также как и организма зависит от капиллярности, т.е. циркуляции крови (средств) через мелкие сосуды, капилляры.

Исследуемый контент характеризуется употреблением вербальных метафор, несущих ярко-выраженную эмоциональную окраску и используемых авторами для описания решительных действий таможи по противодействию пандемии: *juguler la transmission de la maladie* – обуздать передачу(распространение) болезни [14], *atténuer les conséquences de la crise* – смягчить последствий кризиса [15], *les services douaniers se sont attelés plus que jamais à garantir la fluidité du trafic* – таможенные службы работают на износ (впрягаются), стараясь обеспечить бесперебойный трафик [Там же].

С изменением ситуации с коронавирусом происходит наполнение и насыщение лексико-семантического поля самого термина, причём в исследуемых текстах наиболее часто употребляется его аббревиатура Covid-19. В связи с тем, что освещается кризисная ситуация в области здравоохранения (*la crise sanitaire*), тексты характеризуются частотным употреблением лексики из области специальной медицинской терминологии, перешедшей в разряд

практически общеупотребимой. Примером таких ЛЕ могут служить: *personnes infectées* – инфицированные лица [14], *équipements sanitaires* – санитарно-гигиенические средства [15], *la propagation du virus* – распространение вируса [14], *des équipements de protection (masques, gants et désinfectants)* – средства защиты (маски, перчатки, дезинфицирующие средства) [Там же].

В процессе работы с текстами была выявлена некоторая особенность в оперировании синонимами, выражающаяся в выборе такой лексической единицы, которая несёт большую эмоциональную окраску, чем её нейтральный аналог, и более точно передаёт коммуникативную интенцию говорящего. М. В. Никитин справедливо полагает, что выбор синонимов является коммуникативно-прагматическим речевым действием [6, с. 451], обеспечивающим нюансировку понятий с учетом особенности ситуации.

Влияние пандемии прослеживается и в выборе лексической единицы из синонимического ряда, при котором предпочтение отдаётся слову, употребляющемуся в медицинском контексте. Так, например, для обозначения последствий кризиса используется *la répercussion de cette crise* [15], которое имеет значение «осложнение, последствие тяжелой болезни».

Для передачи всей серьёзности сложившейся ситуации и необходимости мобилизации и сотрудничества используется весь спектр лексико-грамматических и стилистических средств, имеющих в арсенале авторов текстов франкоязычной таможенной прессы.

Выявлено, что во франкоязычных таможенных текстах исключительность и беспрецедентность ситуации передаётся при помощи таких лексико-семантических средств выражения, как:

– эпитеты: *face à des défis imprévus*. – перед лицом непредвиденных вызовов [14], *un événement sans précédent* – беспрецедентное событие [15], *Cette période hors du commun* – этот период, выходящий за рамки обычного [Там же], *des dispositifs inédits d'aide* – абсолютно новые инструменты помощи [Там же], *les conséquences de l'épidémie sont sans précédent* – последствия пандемии – беспрецедентны [Там же].

– наречие времени *jamais*: «*Jamais dans l'histoire-никогда в истории* [14], *Plus que jamais – более, чем когда-либо* [Там же], *il n'y a jamais eu de meilleur moment – Никогда не было лучшего момента* [Там же]. *La numérisation n'a jamais été aussi importante qu'aujourd'hui – Цифровизация никогда не была такой важной, как сегодня* [Там же].

Для усиления эффекта значимости, исключительности данного момента, событий и мер, принимаемых таможней, автор часто использует вместо нейтральных прилагательных эпитеты с яркой эмоциональной окраской, способные оказать большее воздействие на читателя: *jouer un rôle crucial*(играть решающую роль) [14], *les recommandations clé*(ключевые рекомендации) [Там же], *un moment crucial*(решающий момент) [15], *six mesures phares* (шесть ключевых мер) [Там же], *des résultats significatifs*(значимые результаты) [Там же], *les quantités non négligeables* (значительные количества) [Там же], *un budget exceptionnel* (исключительный бюджет) [Там же], *un nombre alarmant*(тревожное число) [14], *événement perturbateur*(разрушительное событие) [Там же], *une maladie dévastatrice* (разрушительная болезнь) [15].

Использование стилистически окрашенных прилагательных помогает автору оказать эмоциональное воздействие на читателя, убедить его, с помощью языковых средств, выбрать соответствующую, задуманную автором, оценку описываемых явлений, событий, фактов [9, с. 429].

В текстах часто употребляется лексика с ярко выраженным значением «чрезвычайности»: *l'état d'urgence sanitaire – чрезвычайная ситуация в здравоохранении* [15], *L'urgence est à la dotation des masques. – Срочность в обеспечении масками* [Там же], *L'ensemble des services douaniers, conscients de l'urgence...таможенные службы, осознающие чрезвычайность* [Там же], *Plusieurs mesures d'urgence – Ряд чрезвычайных мер* [Там же], *une liste des tâches urgentes – список неотложных задач* [14], *les activités urgentes – срочные действия* [Там же].

Отмечено частотное употребление фразеологических конструкций с нейтральным глаголом *répondre* с целью повышения экспрес-

сивности [1, с. 52] и акцентирования внимания на готовности таможенных служб брать на себя ответственность в трудной кризисной ситуации: *répondre aux besoins croissant en masques* (удовлетворить растущие потребности в масках) [15], *répondre present face* [Там же], *répondre à cette crise sanitaire mondiale* (ответить на этот глобальный кризис в области здравоохранения) [14], *mieux répondre aux catastrophes, aux pandémies ou à tout autre événement perturbateur* (лучше реагировать на бедствия, пандемии или любое другое разрушительное событие) [Там же].

С целью демонстрации осознанного и критического отношения к необратимым изменениям в деятельности таможни, как и в целом в обществе, а также осмысления уроков пандемии в текстах специальных изданий используется словосочетание *tirer des leçons, des enseignements* (извлекать уроки): *...des principales leçons qu'elles tirent de cette crise sanitaire* (...основные уроки, вынесенные ими из этого кризиса) [15], *...des enseignements peuvent être tirés de l'expérience que nous vivons en ce moment* (... уроки могут быть извлечены из опыта, который мы переживаем в данный момент; хорошим уроком может стать опыт, переживаемый нами в настоящий момент) [Там же], *Mettant à profit les enseignements tirés...* (Используя накопленный опыт...) [Там же].

В последнее время, в текстах официально-делового, научного и публицистического стиля именно глагольно-именные конструкции получили широкое распространение, а в выборе предиката предпочтение отдаётся не отдельному глаголу, а синонимичной глагольной конструкции [4, с. 220]. Примером такого употребления может служить глагол *créer*, заменяемый в специальных таможенных текстах на конструкции *mettre sur pied, mettre en place*. *La collaboration nous a permis de mettre sur pied un système de coopération ininterrompue* [15]. *On a rencontré quelques difficultés pour mettre en place le système de formation en ligne à domicile* [Там же].

Очень часто аналитические конструкции имеют в качестве семантического коррелята простой глагол, имеющий один корень с именем, но авторами отдаётся предпочтение именно аналитической

конструкции, т.к. она предстаёт как более образная и в какой-то степени метафоризированная. ...*vous pouvez faire un signalement sur la plateforme PHAROS*. (вы можете сообщить об этом на платформе PHAROS) [14], ...*notre collectivité a fait appel à plusieurs fournisseurs internationaux (...наш регион обратился к нескольким международным поставщикам)* [Там же], *Nous avons donc fait le choix* (Таким образом, мы сделали выбор) [Там же].

В текстах присутствует несколько аналитических единиц на основе *mettre*, объединённых одной из доминирующих сем «выделение, значимость» [4, с. 223]: *mettre l'accent*, *mettre en evidence*, *mettre en avant*, *mettre le doigt*, например, *Il est impératif de mettre l'accent sur la coordination*. (Крайне важно сосредоточить внимание на координации) [15]. ... *tout en mettant l'accent sur une prudence extrême afin d'empêcher la propagation du virus* (...при этом особое внимание уделяется крайней осторожности для предотвращения распространения вируса) [Там же].

Le présent article met le doigt sur l'incidence de la Covid-19 sur la demande (Статья указывает на влияние Covid-19 на спрос) [Там же]. *Il met en avant le fait que son entreprise a pu continuer ses activités pendant cette crise sanitaire*. (Он подчеркивает тот факт, что его компания смогла продолжить свою деятельность во время этого кризиса) [Там же]. *Cette période hors du commun aura ainsi mis en évidence le rôle des recettes interrégionales des douanes dans l'accompagnement aux entreprises*. (Таким образом, этот необычный период подчеркнет роль межрегиональных таможенных доходов в оказании поддержки предприятиям) [14].

Исследованный материал показал, что употребление в текстах глагольных аналитических конструкций делает информацию, передаваемую в специальных таможенных текстах, более динамичной, выразительной, повышает эффективность коммуникации и воздействия на адресата.

Выводы

Средства массовой коммуникации всегда оперативно реагируют на события, происходящие в жизни общества особенно, если эти события носят чрезвычайный глобальный характер, как в слу-

чае с пандемией Covid-19. В сложившихся условиях воздействующая функция текстов СМИ начинает преобладать над информирующей, что требует повышения экспрессивности самих текстов за счёт расширения выразительных ресурсов языка, в том числе лексических.

Одними из основных лексических средств выразительности отраслевых текстов в период пандемии можно считать метафору, относящуюся к семантическому полю войны и борьбы. В полной мере использован языковой потенциал выразительности вербальной метафоры при решении коммуникативной задачи по информированию о деятельности таможни в период пандемии, её мобилизации и консолидации.

Для передачи беспрецедентности ситуации с пандемией в исследуемых текстах используются эпитеты *imprévu*, *inédits*, *hors du commun*, *sans précédent*, а также наречие *jamais*.

Часто авторами используются эпитеты-прилагательные *crucial*, *significatifs*, *non négligeables*, *exceptionnel*, *alarmant*, *perturbateur*, имеющие яркую эмоциональную окраску и способные усилить эффект значимости события, принятых мер и тем самым воздействовать на читателя.

Отмечена важная роль глагола в повышении экспрессивности текста и воздействия на адресата. Свойственная исследуемым текстам экспрессия передаётся даже нейтральным глаголом *répondre* за счёт частотности его употребления в различных фразеологических конструкциях. Таким образом акцентируется внимание на готовности таможни нести ответственность в кризисной ситуации.

В исследованных текстах выявлено частотное употребление глагольных конструкций, в частности, с глаголом *mettre* в значении выделения, придания значимости, таких как *mettre l'accent*, *mettre en évidence*, *mettre doigt*, *mettre en avant*.

В ходе исследования было выявлено, что при наличии в качестве семантического коррелята простого глагола авторами отдаётся предпочтение именно аналитической конструкции, т.к. она предстаёт более образной и метафоризированной.

Список литературы

1. Буянова Ю.В. Экспрессивность компаративных фразеологических единиц газетного текста (на примере французского языка) // Казанская наука. 2017. № 8. С. 50-53.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
3. Евдак А.Н. Роль метафоры в языке с точки зрения социолингвистики (на примере концепта кризис) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 188-191.
4. Когтева Е.В. Аналитические конструкции с глаголом *mettre* в профессиональной таможенной литературе на французском языке // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 5. С. 218-230. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-218-230
5. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 2007. 760 с.
7. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Лингвистическое портретирование пандемии Covid-19 в прессе России и Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 202-209.
8. Сосунова Г.А. Метафора в профессиональной таможенной литературе на французском языке: металингвистическая функция, классификация // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. №5 (55). С. 150-154.
9. Сосунова Г.А. Стилистически окрашенные прилагательные (на материале профессиональной таможенной литературы на французском языке). Таможенные чтения–2014. Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела (к 20-летию Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. профессора А.Н. Мячина. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2014. С. 427-430.

10. Bausch K.-R. La métaphore dans la langue de la presse d'aujourd'hui. *Meta*, 1968. 13(4), pp. 171-179. DOI: <https://doi.org/10.7202/002009ar>
11. Belhaj S. La pandémie Covid-19 et l'émergence d'un nouveau technoculte. *Langues, cultures et sociétés*. 2020. Vol. 6. № 1, pp. 28-38.
12. Liégeois L. Acquisition des liaisons nominales et verbales: De la lexicalisation à l'abstraction des constructions // *Langue française*. 2017. № 194(2), pp. 125-144. URL: <https://www.revues.armand-colin.com/lettres-langues/langue-francaise/langue-francaise-ndeg-194-22017/acquisition-liaisons-nominales-verbales-lexicalisation-labstraction-constructions> (дата обращения: 20.10.2021).
13. Samah N. Métaphores de la crise de la Covid 19 dans la presse économique française // *Journal of Scientific Research in Arts*. 2020. Vol. 21, pp. 1-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.21608/jssa.2020.121341>
14. URL: <https://www.douane.gouv.fr> (дата обращения: 01.10.2021).
15. URL: <https://mag.wcoomd.org/uploads/2020/06/OMD-Actu92-FR-web.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

References

1. Buyanova Y.V. Ekspressivnost' komparativnykh frazeologicheskikh edinit gazetnogo teksta (na primere frantsuzskogo yazyka) [The expressiveness of comparative phraseological units in newspaper texts (on the material of the modern French language)]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2017, no. 8, pp. 50-53.
2. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt isledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)* [Issues of studying media texts (experience in the study of modern English media language)]. Moscow: Editorial URSS, 2005, 288 p.
3. Evdak A.N. Rol' metafory v yazyke s točki zreniya sotsiolingvistiki (na primere kontsepta krizis) [The role of a metaphor from sociological point of view (on the material of the concept "Crisis")]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual problems of Germanistics, Romance philology and Russian studies], 2011, no. 1, pp. 188-191.
4. Kogteva E.V. Analiticheskie konstrukcii s glagolom mettre v professional'noj tamozhennoj literature na francuzskom yazyke [Analytical

- constructions with the verb *mettre* in professional customs literature in French]. *Sovremennyye issledovania socialnykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2020, vol. 12, no. 5, pp. 218-230. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-218-230
5. Kostomarov V.G. *Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action: Essays on Modern Russian Stylistics]. Moscow: Gardariki, 2005, 287 p.
 6. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga, 2007, 760 p.
 7. Serebriakova S., Milostivaya A. Lingvisticheskoe portretirovanie pandemii Covid-19 v presse Rossii i Germanii [Linguistic portraiting of the Covid-19 pandemia in the press of Russia and Germany]. *Gumanitarnyye i juridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research], 2020, no. 2, pp. 202-209.
 8. Sosunova G.A. Metafora v professional'noy tamozhennoy literature na frantsuzskom yazyke: metalingvisticheskaya funktsiya, klassifikatsiya [Metaphor in French professional customs literature: metalinguistic function, classification]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Orel State University], 2013, no. 5 (55), pp. 150-154.
 9. Sosunova G.A. Stilisticheski okrashennyye prilagatel'nyye (na materiale professional'noy tamozhennoy literatury na frantsuzskom yazyke) [Stylistically colored adjectives (on the material of professional customs literature in French)]. *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy imeni V.B. Bobkova filial RTA, 2014, pp. 427-430.
 10. Bausch K.-R. La métaphore dans la langue de la presse d'aujourd'hui. *Meta*, 1968, 13(4), pp. 171-179. DOI: <https://doi.org/10.7202/002009ar>
 11. Belhaj S. La pandémie Covid-19 et l'émergence d'un nouveau technolécrite. *Langues, cultures et sociétés*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 28-38.
 12. Liégeois L. Acquisition des liaisons nominales et verbales: De la lexicalisation à l'abstraction des constructions. *Langue française*, 2017,

- no. 194(2), pp. 125-144. URL: <https://www.revues.armand-colin.com/lettres-langues/langue-francaise/langue-francaise-ndeg-194-22017/acquisition-liaisons-nominales-verbales-lexicalisation-labstraction-constructions> (accessed 20 October 2021).
13. Samah N. Métaphores de la crise de la Covid 19 dans la presse économique française. *Journal of Scientific Research in Arts*, 2020, vol. 21, pp. 1-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.21608/jssa.2020.121341>
14. URL: <https://www.douane.gouv.fr> (accessed 01 October 2021).
15. URL: <https://mag.wcoomd.org/uploads/2020/06/OMD-Actu92-FR-web.pdf> (accessed 01 October 2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Когтева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»

ул. Гагарина, 42, г. Королёв, Московская область, 141070, Российская Федерация
helene_kogteva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kogteva, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Foreign Languages

Leonov Moscow Region University of Technology

42, Gagarin Str., Korolev, Moscow Region, 141070, Russian Federation

helene_kogteva@mail.ru

SPIN-code: 1384-0777

ORCID: 0000-0002-6570-7790

Поступила 19.11.2021

После рецензирования 10.12.2021

Принята 13.12.2021

Received 19.11.2021

Revised 10.12.2021

Accepted 13.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-472-488

УДК 81'26

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ

Васильева С.С., Воробьева С.Ю., Овечкина Е.А.

В статье описывается своеобразие картины мира писателя и особенности репрезентации системы ценностей в художественном тексте.

Цель исследования – реконструировать систему ценностных ориентиров, представленных в художественном произведении.

Предмет исследования – система ценностей и аксиологические ориентиры писателя, опосредованно или непосредственно репрезентированные в тексте.

Объект исследования – аксиологическая система Нины Горлановой, представленная в сборнике рассказов «Светлая проза».

Материал исследования – рассказы сборника «Светлая проза» Нины Горлановой.

Методы исследования определяются задачами исследования и включают общенаучные методы анализа и синтеза, сочетание методов лингвистических (описательный, статистический, лексико-семантический методы) и литературоведческих (проблемно-тематический метод); для анализа художественного текста используется аксиологический подход.

Новизна исследования обусловлена его междисциплинарным характером. В настоящей работе предпринята попытка интеграции знаний лингвистики, литературоведения и аксиологии.

Результаты исследования. Проведённое исследование привело к выводам, демонстрирующим аксиологические ориентиры писательницы и их иерархическую структуры, что позволило включить ценностные доминанты в интерпретацию художественного мира писательницы.

Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть использованы при изучении таких дисциплин, как стилистика текста, поэтика художественного произведения, а также при анализе художественной речи.

Ключевые слова: языковая картина мира; система ценностей; ценностная картина мира; лингвопоэтика; аксиология

LANGUAGE REPRESENTATION OF VALUES IN LITERARY TEXT AS A REFLECTION OF THE WRITER'S WORLD PICTURE

Vasilieva S.S., Vorobieva S. Yu., Ovechkina E.A.

The article describes the originality of the writer's picture of the world and the peculiarities of the representation of the value system in a literary text.

The purpose of the study is to reconstruct the system of value orientations presented in a work of art.

The subject of the study is the system of values and axiological guidelines of the writer, indirectly or directly represented in the text.

The object of the study is the axiological system of Nina Gorlanova, presented in the collection of stories Svetlaya proza.

Research material – stories from Svetlaya proza by Nina Gorlanova.

Research methods are determined by the research objectives and include general scientific methods of analysis and synthesis, a combination of linguistic (descriptive, statistical, semantic methods) and literary (problem-thematic method) methods; an axiological approach is used to analyze a literary text.

The novelty of the study is due to its interdisciplinary nature. In this work, an attempt is made to integrate the knowledge of linguistics, literary criticism and axiology.

Research results. This paper makes an attempt to demonstrate the axiological guidelines of the writer and their hierarchical structure, which made it possible to include value dominants in the interpretation of the writer's artistic world. Practical implications.

The results of this work can be used in the study of disciplines such as text stylistics, poetics of a work of art, as well as in the analysis of fiction speech.

Keywords: *linguistic picture of the world; value system; value picture of the world; linguopoetics; axiology*

Введение

Актуальность. Раскрывая в текстах духовный мир героев, автор репрезентует собственную систему ценностей. По мнению В.И. Карасика, комплексное изучение ценностей в языке становится возможным при рассмотрении ценностной картины мира, представляющей собой компонент языковой картины мира [4]. Ценностная картина мира, по мнению исследователя, включает в себя общечеловеческую и специфическую части; в языке она представлена в виде оценочных суждений. При этом между оценочными суждениями иногда возникают отношения включения или ассоциативно-го пересечения, что позволяет обнаружить ценностные парадигмы представленной культуры. В ценностной картине мира существуют ценностные доминанты, являющиеся наиболее важными для определенной культуры [Там же].

Целью «аксиологического подхода» в лингвистике является выявление ценностного компонента текста как высказывания, и, как следствие, воссоздание иерархии ценностей исследуемого автора, что позволяет целостно охарактеризовать его мировоззрение, особенности его художественного мышления, картины мира.

Методы и материал исследования

Система ценностей автора рассмотрена комплексно: описаны формальные особенности (относительность/абсолютность), содержательные особенности (область прекрасного/область этики и др.), способы функционирования (материальные/духовные), сфера функционирования (экономика/религия и др.). Предмет изучения – совокупность ценностных ориентиров Нины Горлановой. Материал исследования – рассказы сборника «Светлая проза» (2005) Н.В. Горлановой.

Результаты и обсуждение

Сущность оценочных суждений заключается в том, что они «характеризуют отношение между объективной реальностью и ее идеализированной моделью, факт наличия или отсутствия соответствия между ними» [2, с. 55], становясь таким образом, своего рода связующим звеном, «мостиком» между миром в его объективной данности и воспринимающим этот мир творческим субъектом, оформляющим свое отношение к нему с помощью лексических языковых средств, значительно порой расширяя или уточняя их значение.

Отдельной проблемой лингвоаксиологии является проблема классификации существующих в поле современной культуры ценностей. К ней обращались Н.О. Лосский, М.М. Бахтин, Е.В. Кузнецова, А.П. Власкин, В.Б. Петров, И.А. Есаулов, Т.А. Касаткина, И.К. Подковыров, А.С. Собенников, А.В. Тоичкина и др., рассматривая различные способы репрезентации ценностной системы автора в художественном тексте. Сложность заключается в том, что разные исследователи выдвигают различные основания для классификаций, выстраивая в основном антиномии: отрицательные/положительные (Н.О. Лосский), духовные/материальные (Н.А. Бердяев), абсолютные/относительные, ценностный контекст автора/героя (М.М. Бахтин) и др.

В коллективной монографии «Этносемиометрия ценностных смыслов» (2011) предлагается наиболее полная система ценностей, репрезентация которых осуществляется прежде всего лексическими средствами. Утверждается, что можно выделить несколько типов ценностей и что ни одна из них не может претендовать на абсолютную полноту и исчерпанность [10]. В основу классификации положены следующие основания: форма репрезентации ценности, содержание репрезентируемой ценности, способ её существования.

Классификации ценностей, принадлежащие А.П. Власкину, Е.Ф. Серебренниковой и В.В. Сутужко, не претендуют на полноту и законченность в том случае, если использовать их отдельно. На наш взгляд, при анализе аксиологических воззрений писателя следует создать *комплексную систему ценностей*, которая будет включать в себя элементы всех вышеуказанных (См. схему 1).

Схема 1. «Комплексная система ценностей»

Среди духовных ценностей в тексте сборника «Светлая проза» представлены два типа: *религиозные и моральные*.

1. К религиозным ценностям относятся следующие: *бог, вера, милосердие, справедливость*.

Утверждается:

– бесконечное могущество Бога:

Да и Господь лучше знает, что мне нужно... (1). Господи, спаси нашу бедную Родину от нового витка тоталитаризма!!! (2). Господи, помоги нам материально!!! (3) Прости меня, грешную, Господи! (4) Господи, благослови! Ничего не успеваю! (5) Господи, спаси нас! (6)

– человеческое бессилие:

Разве только молиться должна за всех троих: жену, мужа и ребёнка! (7)

– благотворное влияние христианства на индивида:

Надо, чтоб ум от сердца был! Умосердие! Правда, я уж знаю, что сведение ума в сердце свершается по Благодати (8).

– милосердие бога:

По грехам нашим, я знаю, Господи, но Ты милостив, помоги нам (9).

– значимость веры в Бога:

И тут со мной случилось самое страшное, что может случиться с человеком! <...> Я совершенно, напрочь ЗАБЫЛА, ЧТО ЕСТЬ БОГ!!!(10) И всё-таки даже в той, прошлой жизни без веры я однажды, когда для меня решался как бы главный в жизни вопрос, прибегла к молитве (11). За обедом пожилой сосед-татарин к слову рассказал историю о том, как однажды он тонул и взмолился: «Русский Бог Колька, помоги!» И Николай-угодник помог: сразу силы появились, выплыл (12).

– противостояние высшей справедливости земной справедливости:

А никакой высшей справедливости здесь нет, она наверху – у Бога (22).

– грех (антиценность) подобен самоубийству:

Грех – это косвенное самоубийство, ибо в конце концов – это нарушение гомеостаза... (23).

Бесконечное божественное могущество и благотворное влияние веры (11; 12) противопоставлены страху безверия, крайней точкой которого у Горлановой назван грех самоубийства (23). В художественном мире, созданном Н. Горлановой в сборнике «Светлая проза», Бог выступает источником двух основных моральных ценностей – справедливости и милосердия. Контрапункт «справедливость божественная/справедливость земная» оказывается неактуален, поскольку верующий человек не может познать истинный замысел божий, поэтому должен смириться со всем тем, что выпадает на его долю, вследствие чего земная «несправедливость» оценивается верующим сознанием как непостижимая умом божеская справедливость (22; 15; 9; 17).

2. *Моральные ценности* представлены триадой взаимосвязанных друг с другом ценностей: *любовь – верность – свобода.*

Отмечаются:

– свойства любви:

Любовь-то недолговечна, всем известно (1). Неутомима материнская любовь (2). Любовь всё меняет (3). ... и среди нас людей великую любовь не каждый день встретишь (4).

– необходимость свободы:

*Свобода так нужна! (5) Вот такие старушки, ещё употребля-
ют древнее двойственное число, а понимают, что... как! – нужна
свобода! (6)*

– важность верности и любви:

*Я очень люблю порядочных мужей, не изменяющих жёнам! (7)
Верного мужа всё равно не найти (8). Любовь – это как мебель, она
создаёт душевный комфорт... (10). Как дерево имеет под землёй
корни, так и любовь имеет такие корни в подсознании, поэтому
они питают её даже тогда, когда в жизни нет встреч. Дерево с
корнями! (11) Но так легко выбрать между тем, кого любишь ты,
и тем, кто любит тебя! – Я выберу того, от которого дети (12).*

– взаимосвязь свободы и любви:

*Вот за эти слова я тебя ещё больше люблю и уважаю, но это
не значит, что я буду делать по-твоему (13).*

Противопоставляются:

– материнская любовь и материальные и нематериальные блага:

*Те простые чувства счастья и страха, которые она испытывала у
постели дочери, она не променяла бы ни за какие блага на свете (14).*

– мать и человек:

– Я хотела губы накрасить, я ведь тоже человек!

– Не человек!

– А кто?

– Мама (15).

– материнская любовь и другие чувства:

*То, что делаешь для детей, делаешь всегда без раздражения,
понятно? (16)*

– любовь и родственные отношения:

*Вика давно взяла её сторону, сторону любви – против родного
брата (17).*

– материальные блага и свобода (несвобода):

*Так вот почему я потеряла аппетит – в неволе... (18). Тогда
не было свободы, но всё было дешевле, а сейчас непомерно дорогая
жизнь, так ещё и свободы не будет, тогда что?! (19)*

– религия и свобода:

Сначала я набирала свободы, всё больше и больше! Потом стала христианкой, сознательно стала ограничивать свою свободу (в жизни и в прозе) (20).

Любовь – абсолютная ценность в мире Н. Горлановой – при этом не отличается концептуальной монолитностью, отчетливо распадаясь на две своих ипостаси: любовь материнскую и любовь между мужчиной и женщиной, что создает внутреннюю иерархию внутри самой ценности: женщина, любящая своего ребёнка, приобретает иной статус – статус матери (15; 14; 12). Безусловная высокая ценность материнской любви подтверждается тем, что у нее отсутствует ложный аналог. В текстах писательницы истинное проявление любви между мужчиной и женщиной встречается достаточно редко (1; 2; 3; 4). Гораздо чаще приходится сталкиваться с ложными, а потому недолговечными «вариациями» любви (1), приводящими к *неверности* (8). Таким образом, абсолютная ценность (*любовь*) трансформируется в антиценность (*неверность*). Верность же, будучи абсолютной ценностью, участвует у Н. Горлановой в ценностной валоризации другой абсолютной ценности – любви, являясь общим основанием для любви материнской и любви между мужчиной и женщиной, она способна трансформироваться в свою противоположность только в отношении последней. Третий компонент названной триады – *свобода*, ограничение которой делает человека несчастным (18). При этом верность при истинной любви не воспринимается писательницей как ограничение свободы (7; 8).

3. Материальная сфера функционирования ценностей ограничена лишь одним аксиологическим ориентиром – *деньгами*.

Выявляются:

– значимость денег:

На двадцать седьмом месте будет глава о деньгах в романе: не везёт в этом... как-то... И вдруг меня осенило: ну, если деньги у меня в голове не на втором, не на двадцатом месте, а на двадцать седьмом, отчего же будет мне с ними везти? Ибо сие двадцать седьмое место – оно же последнее. (1) Для меня деньги – далеко-да-

леко не главное (2). О деньгах. Я: мне бы хватало на еду, а больше ничего не нужно (3). Дались им эти деньги! По мне, в жизни лучше НЕДОБРАТЬ, чем ПЕРЕБРАТЬ (4).

– отношение к богатству и бедности:

Вот как, значит, озолотить, купить? Нет, сказка – это не для меня. Не продаюсь (5). Я всю жизнь борюсь с бедностью, а что? Ты с братом борешься. Бедность – брат писателя... (6). Ну, бедна наша жизнь, но что слаще-то есть нашей работы зато... (7).

В отличие от абсолютных духовных ценностей сфера материальных ограничена у Н. Горлановой лишь одним очевидным аксиологическим ориентиром – *деньгами*, значение которых подчеркнуто минимально (2;3; 4). Именно отсутствие денег, бедность способны дать человеку чувство собственного достоинства (5). Более того, именно бедность зачастую сопрягается с темой творческого вдохновенного труда (6; 7). Материальные ценности (*деньги*) не должны вступать в конфликт с ценностями духовного (5) или материально-духовного (7) плана. Это аксиома в ценностном мире «Светлой прозы».

4. Духовно-материальная сфера представлена тремя компонентами: *литература, слово и творчество.*

Утверждаются:

– значимость «слова»:

Мы много лишнего говорим с тобой, а с годами надо бы строже к себе относиться (1). О, нельзя необдуманно ни писать, ни говорить, ибо слова имеют Силу. Словом можно убить, словом можно воскресить (2). Слово исцеляет (3). Слово – это свет (4). Ахматова в молодости по средам молчала, чтоб выработать эту строгость к слову... надо бы и нам подумать об этом... (5). Мат – это язык бесов. Его можно только в крайнем случае оставлять в тексте! ...я уже мат не могу превозносить... (6).

– великая сила искусства:

Искусство – единственный вечный двигатель (энергия не убывает от потребления-чтения-смотрения-слушания), искусство помогает переживать боль в снятом виде (мы не страдаем, а страдаем герою). А без переживания боли душу не улучшить! (7)

– значимость литературы:

Люди – это почва, на которой книга, как целительное растение, каждый раз должна снова взойти... (8). Первая фраза должна быть такая, чтоб читатель думал: «Читать стоит», а последняя такая, чтоб читатель решил: «Жить стоит» (9). Чтение настоящей прозы должно давать силы (10). Книги. Для меня много значили они! В юности прочитанная «Охранная грамота» Пастернака определила моё отношение к браку (11).

– значимость живописи:

Для меня самая большая неожиданность, что мои картины всем очень понравились... Я-то к себе относилась: это не искусство, мол, а просто нечто декоративное, так – для радости, для отдыха пишу... (12). Живопись моя (пальцем по шестнадцать картин в день, потому что не могу остановиться, если пошли рыбки, то рыбку за рыбкой, кошки, то кошку за кошкой и т.п.) (13). Картин (своих) не жалко. Они нужны кому-то, и то хорошо... (14). ...потом шесть картин ещё пальцем намазала, потому что Серёжа как раз накануне краски принёс в подарок, а я уже давно была без – наскучалась! (15)

Сопоставляются:

– искусство и наука: *Искусство и наука – два глаза культуры, оба нужны, ибо у науки нет любви, а искусству недостаёт точности... (16).*

– литература и другие виды искусства: *В литературе есть всё: музыка, живопись, кино и театр, она выше – всё вбирает (17).*

Среди всех искусств Н.В. Горланова выделяет *литературу* (19), которая формирует мировосприятие человека (11), даёт ему жизненные силы (9; 10). *Слова* у Горлановой сакральны: они приближаются к абсолютной духовной ценности, к Богу (3; 4; 5), но не приравнивается к нему, поскольку есть речь, лишённая высокой ценности, – это болтовня и брань (1; 6). Живопись упоминается в связи с творческими исканиями (12-15). Сами картины не несут для писательницы никакой ценности (14). Гораздо важнее процесс их создания (т.е. *творчество*) (12; 13; 15).

На первой ступени в аксиологической иерархии писательницы находятся ценности, относящиеся к духовной сфере функционирования (Бог, вера, милосердие, справедливость). За ними следуют ценности морального плана (любовь, свобода, верность). Духовно-материальные ценности (слово, литература, творчество) составляют вторую ступень аксиологической иерархии писательницы. Нина Горланова считает их «вторичными», т.к. они лишь «проводники», позволяющие переживать аспекты духовной жизни. Последняя ступень ценностной иерархии – материальные ценности (деньги). Материальные ценности необходимы для существования индивида, но они не заменяют духовные и духовно-материальные.

Заключение

Анализ рассказов сборника «Светлая проза» Нины Горлановой в лингвоаксиологическом аспекте показал, что основные ценности, определяющие позицию писательницы в отношении к создаваемой ею картины мира, принадлежат ко всем трём сферам: духовной, материальной и духовно-материальной. Представленная система ценностей иерархична. Наибольшую значимость для писательницы имеют именно ценности духовного плана. За ними следуют ценности плана материально-духовного и материального.

Противопоставление «ценности» «антиценности» реализуется в основном однополярно, т.е. антиценности остаются зачастую «фигурой умолчания». Этим базовым вектором определена и общая тональность сборника, заявленная уже в его названии: «Светлая проза». Приверженность писательницы к идеалам, утверждаемым классической русской литературой, позволяет отнести творчество Н.В. Горлановой к «традиционной» реалистической прозе.

Список литературы

1. Абашева М.П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2001. 320 с.

2. Андрюхина М.С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры // Мир науки, культуры, образования. 2010. №3 (22). С. 54-57.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 649 с.
4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.
5. Горланова Н.В. Светлая проза: рассказы. М.: ОГИ, 2005. 315 с.
6. Даниленко Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус: Дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2006. 215 с.
7. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
8. Кихней Г.Л., Меркель Е.В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №1 (33). С. 129-138. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/33/10>
9. Кузнецова Е.В. Художественная аксиология в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Магнитогорск, 2009. 23 с.
10. Лингвистика и аксиология – этносемиотика ценностных смыслов / Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Викулова Л.Г., Ладыгин Ю.А., Малинович Ю.М., Плотникова С.Н., Тарева Е.Г., Хахалова С.А., Казыдуб Н.Н., Литвиненко Т.Е., Семенова Т.И., Готлиб О.М., Малинович М.В., Шарунов А.И., Кулагина О.А. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
11. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
12. Молодыхенко Е.Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 55-66. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/38/5>
13. Петров В.Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова. М.: Прометей, 2002. 349 с.
14. Сутужко В.В. Проблема оценки в философии и науке XX века // Известия Саратовского университета Т. 10. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 4. С. 47-53.

15. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1960. 156 с.
16. Филатов А.В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С.130-140. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/69/11>
17. Popuzinski A. The Axiology of Sustainable Development: An Attempt at Tipologization // Problemy Ecorozwoju – Problems of Sustainable Development. 2013. vol. 8, no 1, pp. 5-25. URL: <https://ekorozwoj.polslub.pl/index.php/number-812013/the-axiology-of-sustainable-development-an-attempt-at-typologization/> (дата обращения: 23.11.2020).
18. Peeters B. Le transculturel: Sémantique, Pragmatique, Axiologie, La linguistique. 2003/1 . Vol. 39, pp. 119-135. DOI: <https://doi.org/10.3917/ling.391.0119>.
19. Hanganu L. Hermeneutică și axiologie // Perspectiva baudelairiană, Philologica Jassyensia, an XII, nr. 1 (23), 2016, pp. 187-195, URL: http://www.philologica-jassyensia.ro/list_art_en.php?id_r=24 (дата обращения: 20.11.2020).
20. Dobrzynska T. Intertextual relations and axiology: Verse structures as vehicles of axiological values in poetry // Slovo a slovesnost. 2012. Vol. 73, pp. 299-311. URL: https://www.researchgate.net/publication/297431285_Intertextual_relations_and_axiology_Verse_structures_as_vehicles_of_axiological_values_in_poetry (дата обращения: 20.11.2020).

References

1. Abasheva M.P. *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza v kontse XX veka: stanovleniye avtorskoy identichnosti)* [Literature in search of a face (Russian prose at the end of the twentieth century: the formation of the author's identity)]. Perm': Perm Univ. Publ., 2001, 320 p.
2. Andryukhina M.S. «Aksiologicheskaya otsenka» kak odin iz bazovykh kontseptov lingvokul'turologii i teorii kul'tury [«Axiological assessment» as one of the basic concepts of linguoculturology and cultural theory]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2010, vol. 3 (22), pp. 54-57.

3. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo duha* [The philosophy of the free spirit]. Moscow: Respublika, 1994, 649 p.
4. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, pp.166-205.
5. Gorlanova N.V. *Svetlaya proza: rasskazy* [Light prose: short stories]. Moscow: OGI, 2005, 315 p.
6. Danilenko Yu.Yu. *Proza Niny Gorlanovoy: poetika, genesis, status* [Nina Gorlanova's prose: poetics, genesis, status]. PhD dissertation. Perm', 2006, 215 p.
7. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. St. Petersburg: TOO TK «Petropolis», 1997, 205 p.
8. Kikhney G.L., Merkel' Ye.V. Aksiologiya povsednevnykh veshchey v poetike akmeizma [The axiology of everyday things in the poetics of acmeism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University], 2015, vol. (33), pp. 129-138. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/33/10>
9. Kuznetsova Ye.V. *Khudozhestvennaya aksiologiya v romane F.M. Dostoyevskogo «Idiot»* [Artistic axiology in F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot*]. Abstract of PhD dissertation. Magnitogorsk, 2009, 23 p.
10. *Lingvistika i aksiologiya – etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology – ethnosemiometry of value meanings]. Moscow: Tezaurus, 2011, 352 p.
11. Losskiy N.O. *Bog i mirovoye zlo* [God and the world's evil]. Moscow: Respublika, 1994, 432 p.
12. Molodychenko Ye.N. Aksiologiya diskursa konsyumerizma: o roli yazykovoy otsenki v zhanre layfstayl [Axiology of consumerism discourse: on the role of language assessment in the lifestyle genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University], 2015, vol. 6 (38), pp. 55-66. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/38/5>
13. Petrov V.B. *Khudozhestvennaya aksiologiya Mikhaila Bulgakova* [Mikhail Bulgakov's artistic axiology]. Moscow: Prometey, 2002, 349 p.

14. Sutuzhko V.V. Problema otsenki v filosofii i nauke XX veka [The problem of evaluation in philosophy and science of the XX century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. [News of Saratov University], 2010, vol. 4. pp. 47-53.
15. Tugarinov V.P. *O tsennostyakh zhizni i kul'tury* [On the values of life and culture]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1960, 156 p.
16. Filatov A.V. Aksiologiya v teorii literatury: osnovnyye napravleniya tsennostnogo analiza [Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis] *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2019, vol. 4, pp.130-140. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/69/11>
17. Popuzinski A. The Axiology of Sustainable Development: An Attempt at Tipologization. *Problemy Ekorozwoju – Problems of Sustainable Development*, 2013, vol. 8, no 1, pp. 5-25. URL: <https://ekorozwoj.pollub.pl/index.php/number-812013/the-axiology-of-sustainable-development-an-attempt-at-typologization/> (accessed 23 November 2020)
18. Peeters B. Le transculturel: Sémantique, Pragmatique, Axiologie, La linguistique, 2003/1, vol. 39, pp. 119-135. DOI: <https://doi.org/10.3917/ling.391.0119>
19. Hanganu L. Hermeneutică și axiologie. *Perspectiva baudelairiană, Philologica Jassyensia*, an XII, 2016, nr. 1 (23), pp. 187-195. URL: http://www.philologica-jassyensia.ro/list_art_en.php?id_r=24 (accessed 20 November 2020)
20. Dobrzynska T. Intertextual relations and axiology: Verse structures as vehicles of axiological values in poetry. *Slovo a slovesnost*, 2012, vol. 73, pp. 299-311. URL: https://www.researchgate.net/publication/297431285_Intertextual_relations_and_axiology_Verse_structures_as_vehicles_of_axiological_values_in_poetry (accessed 20 November 2020)

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Васильева Светлана Сергеевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, кандидат филологических наук

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская
область, 400062, Российская Федерация
sseliger@mail.ru*

Воробьева Светлана Юрьевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, кандидат филологических наук
*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская
область, 400062, Российская Федерация
svewor@yandex.ru*

Овечкина Елена Алексеевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, кандидат филологических наук
*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская
область, 400062, Российская Федерация
elene0403@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana S. Vasileva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism
*Volgograd State University
100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region 400062,
Russian Federation
sseliger@mail.ru
SPIN-code: 6989-7130
ORCID: h0000-0001-6047-8055*

Svetlana Yu. Vorobieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism
*Volgograd State University
100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region 400062,
Russian Federation*

svewor@yandex.ru

SPIN-code: 5802-6411

ORCID: h0000-0002-3968-0055

Elena A. Ovechkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region 400062,

Russian Federation

elene0403@mail.ru

SPIN-code: 5791-3805

ORCID: 0000-0002-9316-4383

Поступила 02.10.2021

После рецензирования 20.10.2021

Принята 22.10.2021

Received 02.10.2021

Revised 20.10.2021

Accepted 22.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-489-506

УДК 81'27

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА КОРОНА В XX–XXI ВВ.

Демидова Е.Е.

Цель статьи – описать понятийные признаки заимствованного концепта корона периода XX–XXI вв.

Задачи статьи: 1. Определить список понятийных признаков концепта корона в данный временной период; 2. Соотнести мотивирующие признаки и понятийные признаки периода XVII–XIX вв. этого концепта с выделенными понятийными нового периода.

Актуальность проведенного исследования заключается в осмыслении роли заимствованных концептов, вошедших в русскую лингвокультуру на разных этапах развития языка.

Материалом исследования стали одиннадцать толковых словарей русского языка периода XX–XXI вв.

К основным методам исследования относятся дескриптивный, концептуальный, интерпретативный, компонентный анализ словарных дефиниций.

Научная новизна работы заключается в первом опыте описания данного концепта, т.к. в лингвистической литературе отсутствуют работы по теме этого концепта.

Результаты исследования: анализ словарных статей периода XX–XXI вв. позволил выделить 55 понятийных признаков концепта корона: ‘богородица’, ‘венец’, ‘венок’, ‘верхняя часть/поверхность’, ‘владелец/особа’, ‘власть’, ‘внешняя часть атмосферы небесного тела (Солнца/ Земли)’, ‘внешняя часть скопления малой звездной плотности’, ‘высшее духовенство’, ‘головной’, ‘(новейшее) государство/ страна’, ‘государственный’, ‘государь/ государыня: царствующий особы’, ‘достоинство (графское, баронское, княжеское, дворянское)’, ‘драгоценный’, ‘женская головная повязка’, ‘звание (чемпиона

мира)', 'знак', 'за заслуги', 'зубчатый обруч/ тиара/ шапка', 'изображение', 'императорский', '(государственная) казна', 'обод (сведенный дугами на темени)', 'обозначение', 'из золота', 'из металла', 'из серебра', 'королевской', 'королевство', 'край', 'крона', 'монарх', 'монархический/ монарший', 'на гербах/ орденах', 'награда', 'надевается сверху', '(видимый светлый) ореол (вокруг солнца во время затмения)', 'с драгоценными камнями', 'с резьбой', 'победа (в к.-л. виде спорта)', 'правитель', 'правительство', 'предмет', 'принадлежность', 'регалия', 'символ', 'созвездие (Северная корона и Южная корона)', 'соцветие в виде венца', 'убор', 'узор', 'украшение', 'царский', 'царство', 'церемония/ венчание на царство'. Все мотивирующие признаки перешли в разряд понятийных, т.е. сохранили свою актуальность в период XX–XXI вв. Понятийные признаки символического концепта корона периода XX–XXI вв. объединяются в 13 блоков: 1. Головной убор (6 признаков); 2. Достоинство/ звание (12 признаков); 3. Вещество изготовления (3 признака); 4. Форма (4 признака); 5. Государство (7 признаков); 6. Орнамент (1 признак); 7. Ценность (1 признак); 8. Правитель (7 признаков); 9. Награда (2 признака); 10. Украшение (4 признака); 11. Преемница Великой Богини-матери (1 признак); 12. Растение (2 признака); 13. Астрономическое явление (4 признака).

Ключевые слова: символический концепт; когнитивные признаки; структура концепта; языковая картина мира; лингвокультурология; концептология

EVOLUTION OF STRUCTURAL CONCEPTUAL SIGNS OF THE CROWN IN THE XX–XXI CENTURIES

Demidova E.E.

The purpose of the article is to describe the conceptual signs of the crown borrowed concept of the XX–XXI centuries period.

Objectives of the article: 1. Determine the list of conceptual signs of the crown concept in a time period; 2. To correlate the motivating signs and conceptual signs of the period XVII–XIX of this concept with the highlighted conceptual ones of the new period.

The relevance of the work lies in understanding the role of borrowed concepts that have entered Russian linguoculture at different stages of language development.

The research material. Eleven explanatory dictionaries of the Russian language of the period of the XX–XXI centuries became the material of the research.

The main research methods include descriptive, conceptual, interpretive, component analysis of dictionary definitions.

Analysis of dictionary entries of the XX–XXI period centuries made it possible to identify 55 conceptual signs of the crown concept: 'theotokos', 'crown', 'wreath', 'upper part / surface', 'sovereign person', 'power', 'outer part of the atmosphere of a celestial body (Sun / Earth)', 'outer part of a cluster of low stellar density', 'higher clergy', 'head', '(newest) state / country', 'state', 'sovereign / empress: reigning persons', 'dignity (county, baronial, princely, noble)', 'precious', 'women's headband', 'title (world champion)', 'sign', 'for merit', 'toothed hoop / tiara / hat', 'image', 'imperial', '(state) treasury', 'rim (arched at the crown)', 'designation', 'of gold', 'of metal', 'of silver', 'royal', 'kingdom', 'edge', 'crown', 'monarch', 'monarchical / royal', 'on coats of arms / orders', 'award', 'worn on top', '(visible light) halo (around the sun during an eclipse)', 'with precious stones', 'with carving', 'victory (in sport)', 'ruler', 'government', 'object', 'affiliation', 'regalia', 'symbol', 'constellation (Northern crown and Southern crown)', 'inflorescence in the form of a crown', 'dress', 'pattern', 'decoration', 'royal', 'kingdom', 'ceremony / wedding to the kingdom'. All motivating signs have passed into the category of conceptual ones, i.e. retained their relevance during the XX–XXI centuries. The conceptual signs of the crown symbolic concept of the XX–XXI centuries period are combined into 13 blocks: 1. Headdress (6 signs); 2. Dignity / title (12 signs); 3. Substance of manufacture (3 signs); 4. Form (4 signs); 5. State (7 signs); 6. Ornament (1 sign); 7. Value (1 sign); 8. Ruler (7 signs); 9. Award (2 signs); 10. Decoration (4 signs); 11. Successor of the Great Mother Goddess (1 sign); 12. Plant (2 signs); 13. Astronomical phenomenon (4 signs).

Keywords: symbolic concept; cognitive signs; structure of the concept; language picture of the world; linguoculturology; conceptology

Введение

В современной литературе существует множество работ, посвященных концептуальным исследованиям. Определенная часть таких работ относится к сфере политической лингвистики, одним из приоритетов которой является изучение области властных структур. Данная статья посвящена описанию заимствованного символического концепта *корона*, воплощающего в себе идею символа власти. «Символ есть отношение знака к предмету, т.е. момент символизации предмета посредством замены другим – это уровень знания, представленного законченным смыслом» [2, с. 39]. Заимствование концепта в другую культуру обусловлено разными причинами, нас интересует сам факт заимствования слова, его репрезентирующего, как части культурного кода, когда «происходит экспансия культурных кодов в этноязык» [18, с. 29]. Научная новизна работы состоит в том, что в лингвистике отсутствуют работы, связанные с исследованием этого концепта.

В начале XXI в. профессор М.В. Пименова ввела в когнитивную лингвистику термин *заимствованный концепт* [19, с. 26-37], что положило начало широкой дискуссии [22, с. 139-143; 23, с. 229-238]. Этим же ученым был введен термин *символический концепт*. Существуют «концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т.е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [21, с. 68]. Первопризнак концепта уже соотносится к определенным символом, восходящим к определенному мифу культуры. «Под *символическим* понимается концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [Там же].

Цель статьи – описать понятийные признаки заимствованного символического концепта *корона*. Выбор темы исследования определен фактом заимствования концепта в этот период. Слово *корона* с известным нам значением пришло в русский язык из латинского в XVII в. [17, с. 199]. Это же мнение высказывает П.Я. Черных [15, с. 431]. Актуальность работы заключается в осмыслении роли за-

имствованных концептов, вошедших в русскую лингвокультуру на разных этапах развития языка.

Методы и материал исследования

Основными методами, использованными в работе, выступают метод концептуального анализа, дескриптивный и интерпретативный методы. Источником материала исследования стал Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Данные одиннадцати толковых словарей русского языка XX-XXI вв. послужили основанием для определения понятийных признаков изучаемого концепта.

К первому этапу исследования концепта *корона* относится определение всего списка его мотивирующих признаков. «*Мотивирующим* называется такой признак, который послужил основанием для именованя некоего фрагмента мира» [20, с. 18-19]. В.В. Колесов пишет: первоисмысл слова появляется в форме первообраза, который называется концептумом (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’) [3, с. 438]. Это и есть первопризнак концепта. Развиваясь в концептуальной системе, первопризнак обрастает новыми образами, формируя понятия, абстрагируясь до символа. В.В. Колесов так и определял концепт: образ – понятие – символ [1, с. 30-40].

Вторым этапом изучения концепта является выявление списка понятийных признаков. «Под *понятийными* понимаются *признаки* концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем) слова – репрезентанта концепта» [20, с. 314].

Концепт *корона* в русском языке вербализован заимствованным словом, следовательно, он сам так же является заимствованным. По-латински *corōna* означает «венок». Этот концепт является застывшим, т.к. в России произошла смена общественной формации и данный концепт «ушел в тень», став историческим.

Результаты обсуждения

Определение понятийных признаков концепта *корона* современного временного периода определяется по толковым словарям русского языка XX–XIX вв. Для анализа взято 12 словарей.

Продолжение табл. 1.

‘верхняя часть/ поверхность’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘владельческая особа’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘власть’ (мотив.) 1	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
‘внешняя часть атмосферы небесного тела (Солнца/ Земли)’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
‘внешняя часть скопления малой звездной плотности’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
‘высшее духовенство’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘головной’ (мотив.) 1	+	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-
‘(новейшее) государство/ страна’ 1	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	+
‘государственный’	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘государь/ государыня: царствующие особы’ – ‘державные государи’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
‘достоинство (графское, баронское, княжеское, дво- рянское)’ (‘достоинство’ мотив.)	-	-	+	-	+	+	-	-	+	+	+	-
‘драгоценный’ 1	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘женская головная повязка’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘звание (чемпиона мира)’	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
‘знак’ – ‘знак владельческо- го сана/ величия’ (мотив. ‘знак’) 1	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	+
‘за заслуги’ 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘зубчатый обруч/ тиара/ шапка’ – ‘зубчатая’ 1	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-
‘изображение’ 1	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+	-
‘императорский’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
‘(государственная) казна’ 1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘обод (сведенный дугами на темени)’ – ‘изгиб/ искривле- ние/ дуга/ круг’ (мотив.) 1	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-
‘обозначение’	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘из золота’ (мотив.) 1	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-
‘из металла’ (мотив.) 1	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-
‘из серебра’ (мотив.) 1	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-

Окончание табл. 1.

‘королевской’ (мотив.)1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘королевство’ (мотив.)1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘край’ (мотив.)--	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘крона’1	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-
‘монарх’ (мотив.)1	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+
‘монархический/ монарший’	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	+	-
‘на гербах/ орденах’	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+	-
‘награда’1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘надевается сверху’ (мотив.)1	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+
‘(видимый светлый) ореол (вокруг солнца во время затмения)’	+	-	+	-	+	+	-	+	-	-	+	-
‘с драгоценными камнями’ – ‘отделанная/ осыпанная жемчугом/ драгоценными камнями’1	+	-	+	-	+	+	-	-	+	+	+	-
‘с резьбой’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘победа (в к.-л. виде спорта)’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘правитель’1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘правительство’1	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+
‘предмет’	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
‘принадлежность’1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘регалия’1	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
‘символ’ (мотив.)1	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
‘созвездие (Северная корона и Южная корона)’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
‘соцветие в виде венца’1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘убор’ (мотив.)1	+	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+	-
‘узор’ (мотив.)1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
‘украшение’1	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
‘царский’1	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	+
‘царство’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
‘церемония/ венчание на царство’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+

Примечание: пометой (мотив.) в таблице указаны мотивирующие признаки концепта *корона*. Пометой 1 указаны понятийные признаки, отмеченные в структуре концепта *корона* в результате анализа словарей русского языка промежуточного периода XVII–XIX вв. Пометой 2 ниже в тексте статьи указаны понятийные признаки, отмеченные в структуре концепта *корона* в результате анализа словарей русского языка периода XX–XXI вв.

Всего понятийных признаков по данным толковых словарей современного русского языка было выделено 55. Наблюдается расширение структурной части понятийных признаков заимствованного концепта *корона*.

В толковых словарях XX–XXI вв. не указаны понятийные признаки, обнаруженные в толковых словарях XVII–XIX вв.: ‘верхняя часть/ поверхность’, ‘владетельная особа’, ‘высшее духовенство’, ‘женская головная повязка’, ‘за заслуги’, ‘королевство’, ‘награда’, ‘правитель’, ‘принадлежность’, ‘соцветие в виде венца’, (мотив.), а также два мотивирующих признака, встреченные в этимологических словарях русского языка: ‘край’ и ‘королевство’. Языковой материал подтверждает актуальность этих понятийных признаков, функционирующих в русской лингвокультуре и наше время:

‘владетельная особа’ (*Ты думал, что ты благородный дворянин, даже **владетельный князь**, украшенный **коронной**, все же остальные люди – мужичье сиволапое...* Л.И. Шестов. *Философия и теория познания*. 1910);

‘верхняя часть/ поверхность’ (*Во **внешней части короны** с левой стороны видел закрученные линии*. И. Костецкий. *Солнечное затмение в августе* // «Наука и жизнь», 2008; *Эти гербовые элементы – следующие: более важные **части**: 1) шлем или **корона**, **венчающие герб**; 2) нашеломник; менее важные части герба: 3) покрывало шелома; 4) гербовый девиз; 5) щитоносцы; 6) гербовый плац; 7) гербовый шатер*. Флаг и герб Казакии // «Вольное казачество» № 70, 1930 г.);

‘высшее духовенство’ (*Когда **при короновании епископ** хотел **возложить на голову короля корону**, Карл вырвал ее из рук епископа, сам возложил ее на себя и прибавил: «Бог дал мне ее, сам дьявол не отнимет ее у меня!»* П.И. Ковалевский. *Петр Великий и его гений*. 1900–1910; *Римский первосвященник <...> обещал утвердить независимого русского **патриарха**, **венчать великого князя королевскую короную** и, в случае завоевания Константинополя, уступить ему этот город*. Д.С. Мережковский. *Воскресшие Боги*. Леонардо да Винчи. 1901);

‘женская головная повязка’ (*Украшенный зубцами **венец-корона** придавал своей обладательнице величественность, а **повязка** оберегала от солнечных лучей.* А. Павлова. Солнце в зените: панамка или чепец? // «Семейный доктор», 2002.06.15; *Платок скручен в шарф и завязан на голове **коронной** – это называется «по-мордовски».* Ольга Тимофеева. Деревня капиталистического труда // «Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009);

‘за заслуги’ (*Кстати, отец – мой первый, а можно сказать, и единственный тренер, так что в завоевании **короны** есть и его немалая **заслуга**.* Е. Атаров. Моя жизнь не перевернулась // «64 – Шахматное обозрение», 2004.06.15; *Россиянка Александра Костенюк **заслуженно** завоевала шахматную **корону!*** Е. Гик. Шахматная королева Александра Костенюк и вся её семья // «Наука и жизнь», 2008);

‘королевство’ (*Именно из-за этих островов разразилась последняя война между странами Старого и Нового Света: в 1982 году Аргентина безуспешно попыталась отвоевать эти заморские владения **британской короны**.* А. Константинов. Спорные части мира // «Русский репортер», 2014);

‘край’ (*Красавица был в бумажной **короне** с загнутыми **краями**.* М. Петросян. Дом, в котором... 2009);

‘награда’ (*На пляже никого, некому глазеть, но зато кажется, что весь мир, в центре которого ты находишься, любит тебя – вот когда ты мисс Вселенная, а не потому, что **вручили корону**...* А.И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009);

‘правитель’ (*Такой россыпи драгоценных камней не найдешь ни в одном **венце**, ни в одной **короне** театрального **правителя**.* Т. Доронина. К.С. (Константин Сергеевич). 2001);

‘принадлежность’ (*В Британском музее хранится золотая **корона**, которая, как полагают, **принадлежала** Шин Со Пу.* Н. Листопадов. Когда наступает рассвет // «Наука и религия», 2007);

‘соцветие в виде венца’ (-).

Ни в одном из двенадцати проанализированных словарей XX–XXI вв. не удалось определить полный набор понятийных призна-

ков концепта *корона*. Большинство мотивирующих признаков этого концепта перешли в разряд понятийных.

На первом этапе изучения концепта *корона* на материале девяти этимологических словарей в его структуре было обнаружено 17 мотивирующих признаков. Словари XVII–XIX вв. показывают, что понятийные признаки концепта *корона* увеличились, по сравнению с мотивирующими, более чем вдвое.

Анализ словарных статей периода XVII–XIX вв. позволил определить 37 понятийных признаков концепта *корона*. Все мотивирующие признаки, кроме ‘королевской’, ‘край’, ‘надевается сверху’, перешли в разряд понятийных, т.е. сохранили свою актуальность в период XVII–XIX вв. Языковой материал, относящийся к данному периоду, показывает, что понятийные признаки ‘королевской’ и ‘надевается сверху’ были актуальны в то время (*Сквозь букву А, украшенную королевской короной, был прорезан золотой ключ, знак обер-камергерского звания, которое Бирон удержал за собой, сделавшись даже владетельным герцогом.* Е.П. Карнович. Любовь и корона. 1879; *Тогда же папа отправил послов к Данилу с королевскою короною, но Данило не очень горячо хватался за эту папскую милость.* Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. I: X–XIV столетия. 1862–1875; *Чтобы возвысить имя ее, надобно было родиться Павлу, и судьба, как бы угождая Екатерине во всех прихотях ее славолюбия, надела корону на Павла, дабы бессмертная мать его и за пределами гроба сияла в полной славе своего величества.* И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. 1791–1798; *Я должна была лишь по достижении совершеннолетия вступить на престол и надеть русскую корону, которой не надел Петр, не имея на то права.* П.И. Мельников-Печерский. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. 1867). Другими словами, понятийные признаки ‘королевской’ и ‘надевается сверху’ дополняют список понятийных признаков промежуточного периода. Понятийный признак ‘край’, восходящий к моти-

вирующему, отмечен среди языкового материала этого временного периода. Таким образом, общее количество понятийных признаков концепта *корона* периода XVII–XIX вв. расширился до 39, в современный период XX–XXI вв. он составил 55 признаков.

Заключение

Мотивирующие признаки символического концепта *корона* обобщены в виде шести блоков: 1. Головной убор ('венец', 'венок', 'головной', 'убор', 'надевается сверху'); 2. Показатель ('власть', 'знак', 'монарх', 'символ', 'королевской'); 3. Вещество изготовления ('из золота', 'из металла', 'из серебра'); 4. Форма ('изгиб/ искривление/ дуга/ круг', 'край'); 5. Государство ('королевство'); 6. Орнамент ('узор').

Понятийные признаки символического концепта *корона* периода XVII–XIX вв. можно представить в виде 12 блоков: 1. Головной убор ('венец' (мотив.), 'венок' (мотив.), 'головной' (мотив.), 'убор' (мотив.), 'надевается сверху' (мотив.), 'женская головная повязка'); 2. Достоинство ('власть' (мотив.), 'знак владетельного сана/ величия /достоинства' (мотив. 'знак'), 'символ' (мотив.), 'королевской' (мотив.), 'изображение', 'регалия'); 3. Вещество изготовления ('из золота' (мотив.), 'из металла' (мотив.), 'из серебра' (мотив.)); 4. Форма 'обод (сведенный дугами на темени)' – 'изгиб/ искривление/ дуга/ круг' (мотив.), 'зубчатая', 'верхняя часть/ поверхность'); 5. Государство ('королевство' (мотив.), 'государство/ страна', 'государственная казна', 'правительство', 'принадлежность'); 6. Орнамент ('узор' (мотив.)); 7. Ценность ('драгоценный'); 8. Правитель ('владетельная особа', 'высшее духовенство', 'державные государи', 'монарх' (мотив.), 'правитель', 'царской'); 9. Награда ('за заслуги', 'награда'); 10. Украшение ('отделанная/ осыпанная жемчугом/ драгоценными камнями', 'украшение'); 11. Преемница Великой Богини-матери ('богородица'); 12. Растение ('крона', 'соцветие в виде венца'). Мотивирующий признак 'край' не обнаружен в проанализированных словарях и языковом материале данного периода. Налицо расширение спектра понятийных признаков по сравнению с мотивирующими (17 мотивирующих признаков против 37).

Понятийные признаки символического концепта *корона* периода XX–XXI вв. можно представить в виде 13 блоков: 1. Головной убор (‘венец’ (мотив.)1, ‘венок’ (мотив.)1, ‘головной’ (мотив.)1, ‘убор’ (мотив.)1, ‘надевается сверху’ (мотив.)1, ‘женская головная повязка’1); 2. Достоинство/ звание (‘власть’ (мотив.)1, ‘достоинство (графское, баронское, княжеское, дворянское)’ (‘достоинство’ мотив.; ‘знак владетельного сана/ величия /достоинства’1), ‘звание (чемпиона мира)’2, ‘императорский’2, ‘монархический/ монарший’2, ‘на гербах/ орденах’2, ‘обозначение’2, ‘символ’ (мотив.)1, ‘королевской’ (мотив.)1, ‘изображение’1, ‘регалия’1, ‘победа (в к.-л. виде спорта)’2); 3. Вещество изготовления (‘из золота’ (мотив.)1, ‘из металла’ (мотив.)1, ‘из серебра’ (мотив.)1); 4. Форма (‘обод (сведенный дугами на темени)’1 (‘изгиб/ искривление/ дуга/ круг’ (мотив.)), ‘зубчатый обруч/ тиара/ шапка’ (‘зубчатая’1), ‘верхняя часть/ поверхность’1, ‘край’ (мотив.)2); 5. Государство (‘государственный’2, ‘королевство’ (мотив.)1, ‘(новейшее) государство/ страна’1, ‘государственная казна’1, ‘правительство’1, ‘принадлежность’1, ‘царство’2); 6. Орнамент (‘узор’ (мотив.)1); 7. Ценность (‘драгоценный’1); 8. Правитель (‘владетельная особа’1, ‘высшее духовенство’1, ‘государь/ государыня: царствующие особы’ – ‘державные государи’1 (мотив. ‘державные государи’), ‘монарх’ (мотив.)1, ‘правитель’1, ‘царский’1, ‘церемония/ венчание на царство’2); 9. Награда (‘за заслуги’1, ‘награда’1); 10. Украшение (‘с драгоценными камнями’ (‘отделанная/ осыпанная жемчугом/ драгоценными камнями’1), ‘украшение’1, ‘с резьбой’2, ‘предмет’2); 11. Преемница Великой Богини-матери (‘богородица’1); 12. Растение (‘крона’1, ‘соцветие в виде венца’1); 13. Астрономическое явление (‘внешняя часть атмосферы небесного тела (Солнца/ Земли)’2, ‘внешняя часть скопления малой звездной плотности’2, ‘(видимый светлый) ореол (вокруг солнца во время затмения)’2, ‘созвездие (Северная корона и Южная корона’2). Мотивирующий признак ‘край’, не обнаруженный в проанализированных словарях и языковом материале периода XVII–XIX вв., не упомянутый в словарях XX–XXI

вв., в языковом материале отмечен. Налицо расширение спектра понятийных признаков по сравнению с мотивирующими (17 мотивирующих признаков против 37 понятийных признаков промежуточного периода XVII–XIX вв. и 55 понятийных признаков современного периода).

Список литературы

1. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 30-40.
2. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. 248 с.
3. Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 438-452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
4. Корона // Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17-ти т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 5 (И – К). – Стлб. 1454-1455.
5. Корона // Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/164354> (дата обращения: 05.05.2020).
6. Корона // Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. 2005. URL: <https://lexicography.online/explanatory/к/корона> (дата обращения: 05.05.2020).
7. Корона // Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов, 1998. URL: <https://lexicography.online/explanatory/к/корона> (дата обращения: 05.05.2020).
8. Корона // Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 459.
9. Корона // Словарь современного русского языка (МАС): в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985. Т. II (К – О). С. 106.
10. Корона // Новый словарь иностранных слов, 2009. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/КОРОНА (дата обращения: 05.05.2020).

11. Корона // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка, 1998. URL: <https://lexicography.online/explanatory/к/корона> (дата обращения: 05.05.2020).
12. Корона // Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/КОРОНА (дата обращения: 05.05.2020).
13. Корона // Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/КОРОНА (дата обращения: 05.05.2020).
14. Корона // Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, 1935-1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/к/корона> (дата обращения: 05.05.2020).
15. Корона // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 431-432.
16. Корона // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/КОРОНА (дата обращения: 05.05.2020).
17. Крона // Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк., 1989. С. 199.
18. Маслова В.А. Мир и человек сквозь призму спортивного кода // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. С. 28-35. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
19. Пименова М.В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 26-37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
20. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
21. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. С. 65-83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).

22. Пименова М.В. Исконные и заимствованные концепты как предмет изучения когнитивной лингвистики // Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 139-143. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
23. Пименова М.В. Заимствованные концепты // Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 229-238. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).

References

1. Kolesov V.V. Koncept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol [Concept of culture: image – concept – symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 2, Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie* [St. Petersburg University Bulletin. Series 2, History, linguistics, literary criticism], 1992, vol. 3, pp. 30-40.
2. Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Konceptologiya* [Conceptology]. Кемерово: КемСУ, 2012, 248 p.
3. Kolesov V.V. «Pervosmysl» koncepta [“Primal meaning” of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Petersburg University bulletin. Language and literature], 2018, vol. 15(3), pp. 438-452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS)* [Dictionary of the modern Russian literary language (BAS)]. Moscow-Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, vol. 5, pp. 1454-1455.
5. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Big encyclopedic dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/164354> (accessed 05.05.2020).
6. Efremova T.F. *Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language], 2005. URL: <https://lexicography.online/explanatory/k/corona> (accessed 5 May 2020).
7. Krysin L.P. *Tolkovyj slovar' inostrannyh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Russkij yazyk, 1998. URL: <https://lexicography.online/explanatory/k/crown> (accessed 5 May 2020).
8. Kuznetsov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. St. Petersburg: Norint, 2000, pp. 459.
9. *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka (MAS)* [Dictionary of the modern Russian language (MAS)]. Moscow: Russkij yazyk, 1985, vol. II, pp. 106.

10. *Novyj slovar' inostrannyh slov* [New dictionary of foreign words], 2009. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/KORONA (accessed 5 May 2020).
11. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], 1998. URL: <https://lexicography.online/explanatory/k/crown> (accessed 5 May 2020).
12. Pavlenkov F. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language], 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/KORONA (accessed 5 May 2020).
13. Popov M. *Polnyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkom yazyke* [Complete dictionary of foreign words that have come into use in Russian], 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/KORONA (accessed 5 May 2020).
14. Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], 1935-1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/k/crown> (accessed 5 May 2020).
15. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1999, vol. 1, pp. 431-432.
16. Chudinov A.N. *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words], 1907. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21123/KORONA (accessed 5 May 2020).
17. Tsyganenko G.P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: bolee 5000 slov* [Etymological dictionary of the Russian language: more than 5000 words]. Kiev: Rad. shk., 1989, pp. 199.
18. Maslova V.A. *Mir i chelovek skvoz' prizmu sportivnogo koda* [The world and man through the prism of the sports code]. *Novoe v kognitivnoj lingvistike XXI veka* [New in cognitive linguistics of the XXI century]. Kiev: Burago Publ., 2013, pp. 28-35.
19. Pimenova M.V. *Obman voobrazaemyh mirov (mir illyuzij: opyt zaimstvovannogo koncepta)* [Deception of imaginary worlds (world of illusions: the experience of a borrowed concept)]. *Konceptosfera i yazykovaya kartina mira* [Concept sphere and linguistic picture of the world]. Kemerovo: KemGU, 2006, pp. 26-37.

20. Pimenova M.V. *Koncept serdce: obraz, ponyatie, simbol* [Concept heart: image, concept, symbol]. Kemerovo: KemGU, 2007, 500 p.
21. Pimenova M.V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy (na primere koncepta tvorchestvo) [Symbolic concepts as part of a conceptual system (the creativity concept as an example)]. *Kognitivnaja lingvistika: novye paradigmy i novye reshenija* [Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions]. Moscow: IYa RAN, 2011, pp. 65-83.
22. Pimenova M.V. Iskonnye i zaimstvovannye koncepty kak predmet izucheniya kognitivnoj lingvistiki [Primordial and borrowed concepts as a subject of cognitive linguistics study]. *Konceptologiya* [Conceptology]. Kemerovo: KemGU, 2012, pp. 139-143.
23. Pimenova M.V. Zaimstvovannye koncepty [Borrowed concepts]. *Konceptologiya* [Conceptology]. Kemerovo: KemSU, 2012, pp. 229-238.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Демидова Евгения Евгеньевна, преподаватель, кандидат филологических наук
*Частное образовательное учреждение высшего образования
Институт иностранных языков
12 линия ВО, 13, г. Санкт-Петербург, 199178, Российская
Федерация
Demidova_Eu@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya E. Demidova, lecturer, candidate of philology
*Institute of Foreign Languages
13, 12th line of Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russian
Federation
Demidova_Eu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0151-5316*

Поступила 27.09.2021
После рецензирования 12.10.2021
Принята 16.10.2021

Received 27.09.2021
Revised 12.10.2021
Accepted 16.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-507-519

УДК 81'42

ДЕНОТАЦИЯ ДИСКУРСА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Сушкова А.Р., Билялова А.А.

Обоснование. За последние тридцать лет понятие «дискурс» тесно вошло во многие научные дисциплины, в связи с чем осложняется его детерминирование. Исследователи не могут прийти к общему мнению относительно данной лингвистической категории. Взгляд на дискурс в диахроническом ракурсе позволит исследовать многообразные подходы к его изучению и выявить самое актуальное определение данного лингвистического термина.

Цель. В данной работе предпринимается попытка интерпретации термина дискурс посредством исследования его в диахроническом аспекте.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют общенаучные методы – обобщение, анализ – и описательный метод.

Результаты. В результате проведенного анализа теоретического материала авторы резюмируют, что в лингвистической литературе нет общепринятого истолкования данной лингвистической категории. Мнения лингвистов относительно исследования дискурса совпадают в одних аспектах и различаются в других, что отражается в противоречивости их мнений. Однако обзор научных трудов, предлагаемый в данном исследовании, дает возможность получить суммарное представление лингвистов по этому вопросу. Обобщая полученные знания, авторы дают свою интерпретацию понятия «дискурс». Более того, авторы приходят к выводу, что широкий спектр научного применения термина и набирающий популярность вектор к научной интеграции вносит весомый вклад в развитие теории дискурса как междисциплинарной области исследования.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть применены исследователями научного дискурса, а также при составлении учебных пособий по академическому письму, стилистике научного текста.

Ключевые слова: дискурс; коммуникативная ситуация; когнитивный процесс; диахрония

DENOTATION OF DISCOURSE IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Sushkova A.R., Bilyalova A.A.

Background. Over the past thirty years, the concept of “discourse” has been closely integrated into many scientific disciplines, and therefore its determination is complicated. Researchers cannot come to a common opinion regarding this linguistic category. An overview of discourse in a diachronic perspective allows us to explore diverse approaches to its study and identify the most relevant definition of this linguistic term.

Purpose. In this paper, an attempt is made to interpret the term discourse by examining it in a diachronic aspect.

Materials and methods. The research is based on general scientific methods (generalization, analysis) and a descriptive method.

Results. As a result of the analysis of the theoretical material, the authors summarize that there is no generally accepted interpretation of this linguistic category in the linguistic literature. The researchers agree and disagree in some ways, which is reflected in the inconsistency of their opinions. However, the review of scientific papers offered in this study makes it possible to get a summary view of linguists on this issue. Summarizing the data gained, the authors give their interpretation of the concept of “discourse”. Moreover, the authors come to the conclusion that a wide range of scientific applications of the term and the vector of scientific integration that is gaining popularity makes a significant contribution to the development of discourse theory as an interdisciplinary field of research.

Practical implications. *The results of this study can be applied by researchers of scientific discourse, as well as in the preparation of textbooks on academic writing, the style of scientific text.*

Keywords: *discourse; communicative situation; cognitive process; diachrony*

В конце XX в. отечественном языкознании наравне с другими гуманитарными дисциплинами появляется термин «дискурс», который вызывает огромный ажиотаж среди ученых и до сих пор остается актуальным полем исследования среди лингвистов. В современной научной литературе отсутствует общепринятое определение понятия «дискурс», которое бы вобрало в себя все многообразие его значений с учетом актуальности его употребления в той или иной научной сфере.

Этимология термина «дискурс» восходит к латинскому языку (приставка *dis-* + глагол *cursus* «бегать», производное значение – «рассуждение, беседа»). В позднелатинском значении термина «дискурс» восходит к «разговор», «обсуждать предмет, говорить долго». В средневековом латинском прослеживается значение «рассуждение», т.к. субстантивируется причастие прошедшего времени *discurrete* «бегать, бегать туда-сюда, спешить». В конце XIV в. термин «дискурс» встречается во французском языке со значением «процесс понимания, рассуждение, мысль» (от французского *discours*, от латинского *discursus* «беготня»). Значение «беглое освещение предмета в речи, передача мысли в словах» относится к 1550-м гг.; значение «обсуждение или обращение к предмету в формальной речи или письме» – к 1580-м гг. [17].

Таким образом, игра двух значений – «бегать», «рассуждение, беседа» – раскрывается в классическом употреблении термина, используемом в теории языка: быстрая передача мыслей между сознаниями участников коммуникативного взаимодействия.

В философском словаре под редакцией А.А. Ивина дается следующее определение: «Дискурс (фр. *discours*, от лат. *discursus* – рассуждение, довод) – одно из сложных и трудно поддающихся

определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и особенно франкоязычных культурах. Значение слова – речь, выступление, рассуждение. В русском языке, как и во многих европейских, этому слову нет эквивалента. Оно переводится как дискурс, дискурсия, речь, слово, текст, рассуждение» [13].

Непосредственно лингвистическое употребление термина «дискурс» весьма вариативно, однако везде прослеживается связь с попытками его объяснения при помощи сравнения и сопоставления традиционных понятий речи, текста и диалога.

Такой переход от понятия речи к понятию дискурса некоторым образом связан с именем швейцарского ученого-лингвиста Ф. де Соссюра, который говорил о существовании третьего элемента в противовес общепринятому противопоставлению языка и речи [11].

Следует отметить, что лингвистическая денотация термина «дискурс» менялась в контексте времени.

Так, к примеру, в словаре немецкого языка Якоба Гримма и Вильгельма Гримма «*Deutsches Wörterbuch*» (1838 г.) под новой редакцией (1965-2018 гг.), указаны следующие семантические параметры термина «дискурс»: 1) объяснение, обсуждение; 2) диалог, беседа; 3) слухи, сплетни, молва [15].

Обращаем внимание, что понятие дискурса прочно вошло в лингвистику во второй половине XX в., после выхода статьи американского лингвиста З. Харриса «Дискурс-анализ». По З. Харрису, дискурс выступает в виде устного или письменного обмена предложениями одним или несколькими индивидами в определённой ситуации [16, с. 3]. При этом стоит отметить, что язык возникает в связном дискурсе, а не в случайных словах или предложениях, т.е. дискурс здесь понимается как связанная последовательность речевых актов. Эти идеи, а также понимание дискурса в качестве связной речи, диалога, главенствующей роли интеракций послужили основой развития англо-американской школы (З. Харрис, У. Манн, С. Томпсон, Г. Закс, Дж. Граймс, и др.) исследования дискурса.

Несколько отличаются работы французской школы дискурс-анализа, которая максимально развивается в 70-80х гг. XX в. Методической основой французской школы (М. Фуко, А. Греймаса, Ж. Курте, М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанса, Э. Бенвениста и др.) служат структуралистические идеи, а работы ученых в основном посвящены идеологическому, социокультурному анализу дискурса. Согласно данному подходу, дискурс мыслится как социально и культурно обусловленный результат устной или письменной коммуникации.

Развитию немецко-австрийской школы (Ю. Хабермас, У. Маас, Ю. Линк) послужили идеи М. Фуко. Представители школы рассматривают дискурс с точки зрения политико-идеологической, социокультурной практик.

Говоря об отечественном языкознании, стоит отметить, что довольно объемный пласт работ посвящен исследованию дискурса в коммуникативном ключе. В данном семантическом ключе справедливо детерминирование понятия, представленное В.Г. Борботько: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [2, с. 8].

В более поздних исследованиях учитывается как коммуникативный, так и социальный аспект дискурса. Актуализация социального аспекта в основном связана с повышающейся ролью антропоцентризма в науке. Ученые-лингвисты указывают на замысловатость понятия «дискурс» и приписывают ему дополнительные экстралингвистические характеристики. В данном ракурсе стоит упомянуть, безусловно, самый распространенный в лингвистической науке является афоризм, сформулированный Н.Д. Арутюновой, согласно которому «дискурс – это речь, погруженная в жизнь», иными словами, это речь, рассматриваемая в ключе коммуникативной ситуации, вследствие чего как категория он обладает широким со-

циальным контентом в отличие от обычной речевой деятельности» [1, с. 136-137].

В то же время следует отметить, что в англо-американской лингвистике коммуникативный подход к изучению дискурса в основном был максимально воплощен в теории речевых актов, определяющих прагматику данной лингвистической категории. Данный подход базируется на работах английского логика Дж. Остина и американского логика Дж. Серля. Основу теории составляет трехуровневая структура коммуникативного акта: локуция (акт говорения), иллокуция (намерение говорящего) и перлокуция (эффект говорения). Данное структурирование речевого акта позволяет проследить процесс его функционирования и результат воздействия (намерение) говорящего на собеседника.

В 80-е гг. прослеживается новый поворот в изучении дискурса – в когнитивном ключе. Среди представителей зарубежной лингвистики здесь следует отметить нидерландского ученого-лингвиста Т.А. Ван Дейка как одного из пионеров теории текста и анализа дискурса, который рассматривает дискурс как сложное коммуникативное явление, рассматривающее текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, которые необходимы для понимания текста. При этом, по мнению ученого-лингвиста, данная сложная система иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных когнитивных моделей обработки дискурса. Так, согласно Т.А. Ван Дейку, «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [3, с. 47].

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что работы Т.А. Ван Дейка относительно дискурса содержат коммуникативный аспект, а также включают набирающий обороты вектор исследования в когнитивном направлении.

Несомненную важность в данном семантическом ключе представляют исследования российского лингвиста, профессора Е.С. Кубряковой. Дискурс, по мнению исследователя, явление когнитивное: это когнитивный процесс, связанный с созданием речевого произведения, нового знания [8].

В начале XXI в. вследствие расхождения мнений о содержании дискурса официально закрепляется расширение термина. Так, в Толковом переводоведческом словаре под авторством Л.Л. Нелюбина уже представлен более широкий спектр значений термина «дискурс»: «1. Произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения [...]. 2. Это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение [...]. 3. Это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы [...]. 4. Любое высказывание, большее чем фраза, рассматриваемое с точки зрения правил связности последовательности фраз. 5. Связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. 6. Текст, взятый в событийном аспекте. 7. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. 8. Связный текст, сверхфразовое единство» [9, с. 47-48].

Среди современных исследований проблема дискурса нашла отражение в работах ученого-лингвиста В.С. Григорьевой, которая выделяет несколько значений данного понятия: 1) собственно лингвистическое – речь в контексте конкретной коммуникативной ситуации; 2) дискурс как речевая деятельность, используемая в определенной сфере, разновидность стиля; 3) дискурс в арсенале генеративной грамматики [4].

Необходимо отметить, что несмотря на огромное количество определений и подходов к определению термина «дискурс», почти каждая денотация даже в более поздних работах указывает на коммуникативную направленность дискурса. К примеру, В. В. Красных

определяет дискурс следующим образом: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [7, с. 113].

Несколько иначе трактует дискурс А.Ю. Попов: дискурс представляется, по мнению автора, формой выражения коммуникации. Исследователь подчеркивает, что дискурс обладает способностью рождаться и умирать в зависимости от актуальности предмета обсуждения [10].

Исходя из этого следует, что дискурс ограничен во времени. Дискурс не может существовать вне времени или бесконечно, повторяясь идентично другому дискурсу. Рамки функционирования дискурса ограничены условиями его существования, т.е. актуальной ситуаций общения и конкретными коммуникантами. Развивая данную идею, стоит упомянуть определение, представленное Е.В. Темновой, согласно которому дискурс определяется в качестве систематической конструкции, которая обрабатывает языковой материал, содержащий конкретный эмпирический опыт. В то же время дискурс не имеет исторической или риторической общности: его конструкция представлена ограниченным числом высказываний, возникших и функционировавших в конкретный временной отрезок [12].

Говоря о современных исследованиях, посвященных изучению дискурса в когнитивном аспекте, необходимо отметить работы директора Института языкознания РАН, доктора филологических наук А.А. Кибрик. На наш взгляд, денотация дискурса, которая встречается в работе у А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, весьма актуальна: «функционирование языка в реальном времени» [5, с. 308]. Казалось бы, определение краткое, но в то же время оно емко характеризует дискурс. Более того, здесь затрагивается еще одна значимая характеристика дискурса, на которую ссылаются многие лингвисты – ситуативность.

Наличие разных школ и подходов к исследованию и определению дискурса побудили ряд исследователей прийти к интегральному подходу изучения данного явления (Т.Н. Хомутова, Е.В. Кравцова). Так, по Т.Н. Хомутовой, «Дискурс в интегральном освещении представляет собой интегральный рассредоточенный объект, про-

цесс сопряжения коммуникативных деятельностей представителей определенного социума, в ходе которого вербализуются фрагменты знания, языка, национальной культуры и социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности, и происходит управление неречевой деятельностью коммуникантов» [14, с. 16].

Итак, рассмотрение проблемы дискурса в форме исторического обзора, а также сопоставление основных трудов по данной тематике, представленное нами выше, дают основание утверждать, что вопросы, касающиеся определения термина «дискурс», в той или иной степени разработаны, и большинство ученых сходятся на том, что дискурс – это языковое взаимодействие участников коммуникативной ситуации.

Резюмируя наше исследование, обращаем внимание, что изучение дискурса в диахроническом аспекте позволяет говорить о многообразии подходов к его изучению. Мы же, в свою очередь, проанализировав различные подходы к детерминированию понятия “дискурс” в диахроническом ключе, можем определить дискурс как опосредованное когнитивной деятельностью ситуативное функционирование языка, вбирающее в себя социальные, культурные и индивидуальные особенности коммуникантов, а также специфику эпохи.

Между тем следует отметить, что широта содержания и применения термина среди разных областей науки способствовала выделению специальной области исследования, находящейся на грани разных дисциплин – теории дискурса. Наличие же различных подходов к изучению дискурса, а также отсутствие единой трактовки данного термина стали причиной некоторого разнобоя в понимании сути данного языкового явления и актуализируют необходимость дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 52-56.
2. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. 113 с.

3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. Лондон: Сэйдж паб-ликэйшнс, 1998. 384 с.
4. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
5. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М., 1997. С. 307-322.
6. Кравцова Е.В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2012. № 25. С. 130-131.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность*. М., 2000. С. 7-25.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
10. Попов А.Ю. Основные отличия текста от дискурса // *Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст.* СПб.: СПб-ГУЭФ, 2001. С. 41-44.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Пер. с французского А.М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р.И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26*. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 24-32.
13. *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/378/diskurs.htm> (дата обращения: 03.05.2021)
14. Хомутова Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2014. №2. С. 14-19.
15. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb2/discours#wb-1> (дата обращения: 14.06.2021).

16. Harris Z. Discourse analysis // *Language*. 1952. V. 28. № 1, pp. 1-30.
17. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/discourse> (дата обращения: 03.05.2021).

References

1. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya jenciklopedija, 1990, pp. 52-56.
2. Borbot'ko V.G. *Elementy teorii diskursa* [Elements of discourse theory]. Groznyy: Checheno-Ingush State University Publ., 1981, 113 p.
3. Van Deyk T.A. *K opredeleniyu diskursa* [On the definition of discourse]. London: Sage Publ., 1998, 384 p.
4. Grigor'eva V.S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty: monografiya* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Tambov State Technical University Publ., 2007, 288 p.
5. Kibrik A.A., Plungyan V.A. Funktsionalizm i diskursivno-orientirovannye issledovaniya [Functionalism and discursive-oriented research]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoj lingvistiki* [Fundamental trends of modern American linguistics]. Moscow, 1997, pp. 307-322.
6. Kravtsova E.V. Nauchnyy diskurs kak vid institutsional'nogo tipa diskursa [Scientific discourse as a type of institutional type of discourse]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika* [YuUrGU Bulletin. Linguistics series], 2012, no 25, pp. 130-131.
7. Krasnykh V.V. «Svoy» *sredi* «chuzhikh»: *mif ili real'nost'*? [“Alike” among “strangers”: myth or reality]. Moscow: Gnozis Publ, 2003, 375 p.
8. Kubryakova E.S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (obzor) [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics (review)]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Discourse, speech, speech activity]. Moscow, 2000, pp. 7-25.

9. Nelyubin L.L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka, 2003, 320 p.
10. Popov A. Yu. Osnovnye otlichiya teksta ot diskursa [The main differences of the text from the discourse]. *Tekst i diskurs: Problemy ekonomicheskogo diskursa* [Text and discourse: problems of economic discourse]. St. Petersburg: SPbGUAF, 2001, pp. 41-44.
11. Sosyur F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [General linguistics course]. Moscow: URSS Publ., 2004, 256 p.
12. Temnova E. V. Sovremennye podkhody k izucheniyu diskursa [Modern approaches to the study of discourse]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], vol. 26. Moscow: MAKS Press, 2004, pp. 24-32.
13. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki, 2004, 1072 p. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/378/diskurs.htm> (accessed 03 May 2021)
14. Khomutova T.N. Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod [Typology of discourse: an integral approach]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika* [YuUrGU Bulletin. Linguistics series], 2014, no 2, pp. 14-19.
15. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb2/discours#wb-1> (accessed 14 June 2021).
16. Harris Z. Discourse analysis. *Language*, 1952, vol. 28, no 1, pp. 1-30.
17. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/discourse> (accessed 03 May 2021).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сушкова Айгуль Рафаилевна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
aigulechka.92@mail.ru

Билялова Альбина Анваровна, профессор кафедры филологии, доктор филологических наук

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжско-го) федерального университета
пр. Сююмбике 10А г. Набережные Челны, республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
abill71@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aigul R. Sushkova, Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication

*Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Russian Federation*

aigulechka.92@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6248-1135

Albina A. Bilyalova, Professor, Department of Foreign languages

*Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny Institute (branch)
10A, Syuyumbike Ave., Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation*

abill71@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9539-2363

Поступила 18.10.2021

После рецензирования 06.11.2021

Принята 11.11.2021

Received 18.10.2021

Revised 06.11.2021

Accepted 11.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-520-532

УДК 81'27

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***Кафтан И.И.*

Цель статьи – определение комплекса символических признаков концепта счастье в его структуре.

Задачи: 1. Проанализировать языковой материал и выявить символические признаки концепта счастье. 2. Представить классификацию символических признаков концепта счастье.

Актуальность исследования определяется осмыслением символов счастья, относящихся к русской и иным лингвокультурам. Научная новизна работы состоит в том, что эта статья представляет собой первый опыт обращения к теме символических признаков концепта счастье в аспекте исконных и заимствованных символов русской лингвокультуры.

Материал исследования. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) является источником языкового материала.

Методы исследования. В исследовании применены следующие методы: описательный, концептуальный, интерпретативный.

Результаты исследования: В статье рассматривается значимая часть структуры концепта счастье – его символические признаки. В результате анализа символические признаки концепта счастье были объединены в четыре блока: 1. символы счастья русской лингвокультуры, 2. символы счастья у других народов, 3. интернациональные символы и 4. индивидуальные символы счастья. Языковой материал представляет обширную актуализацию символических признаков концепта счастье первого блока.

Ключевые слова: концепт; символические признаки; структура концепта; лингвокультура; когнитивная лингвистика; концептология; концептуальные исследования

SYMBOLIC SIGNS OF THE HAPPINESS CONCEPT: LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Kaftan I.I.

The purpose of the article is to determine the complex of symbolic signs of the happiness concept in its structure.

Objectives of the article: 1. To analyze the language material and identify the symbolic signs of the happiness concept. 2. To present the classification of symbolic signs of the happiness concept.

The relevance of the work is determined by the understanding of the symbols of happiness related to Russian and other linguocultures. The scientific novelty of the work lies in the fact that this article represents the first experience of addressing the topic of symbolic signs of the happiness concept in the aspect of primordial and borrowed symbols of Russian linguoculture.

The research material. The National Corpus of the Russian language (www.ruscorpora.ru) is the source of the language material.

The main research methods include the descriptive, conceptual and interpretive ones.

The article examines a significant part of the structure of the happiness concept, i.e. its symbolic signs. The symbolic signs of the happiness concept were combined into four blocks: 1. symbols of happiness of the Russian linguoculture, 2. symbols of happiness among other peoples, 3. international symbols and 4. individual symbols of happiness. The language material represents an extensive actualization of the symbolic signs of the happiness concept in the first block.

Keywords: concept; symbolic signs; concept structure; linguoculture; cognitive linguistics; conceptology; conceptual studies

Введение

Когнитивная лингвистика обращается к определению специфики концептуальных структур. Структуры многих концептов включают в себя группу символических признаков. Одна часть симво-

лов является исконной для лингвокультуры, другая же появляется в связи с инновациями в обществе: научно-техническим прогрессом, сменой религиозной парадигмы и культурно-исторической эволюцией.

Символические признаки – важная часть структуры концепта. Как отмечает М.В. Пименова: «Концепт – это представление о фрагменте мира, и это представление формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления» [13, с. 16].

В структуре каждого концепта значима этнокультурная составляющая. Об этом говорит В.А. Маслова: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [12, с. 47]. Обращение к фактам лингвокультуры помогает отметить ее специфику.

Материал и методы исследования

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) является источником языкового материала. В исследовании применены следующие методы: описательный, концептуальный, интерпретативный.

Литературный обзор

Эмотивные концепты стали объектом изучения относительно недавно. Есть фундаментальные работы, в которых описываются эмотивные концепты. Это работы В.И. Шаховского [18], Е.Е. Стефанского [16] и Н.И. Красавского [9]. Отдельно следует упомянуть работы профессора С.Г. Воркачева, посвященные исследованию концепта *счастье* [1-5].

Концепт *счастье* был объектом исследования с разных позиций: в русском языке [6; 17], в русском и английском языках [15, с. 264-271], в языке эвенков и русских [11, с. 50-53]. Четыре интерпретации романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в аспекте концепта *сча-*

стью изучала И.Ю. Рябова [14, с. 140-148]. Н.Н. Изотова обратилась к концепту *счастье* в аспекте буддийских ценностей в японском национальном сознании [8, с. 213-219]. А.А. Зализняк сопоставила концепты *счастье* и *наслаждение* в русской лингвокультуре [7, с. 153-175]. А. Вежбицкая представила кросс-культурное исследование *счастья* [19, с. 34-43].

Однако ни в одной из этих работ не описаны символические признаки концепта *счастье*. В этом видится научная новизна проведенного исследования.

Результаты и обсуждение

Символические признаки концепта *счастье* можно представить в виде четырех блоков: символы счастья русской лингвокультуры, символы счастья у других народов, интернациональные символы и индивидуальные символы счастья.

I блок. Символы счастья в русской лингвокультуре

Счастье – это особое позитивное состояние и восприятие жизни, к которому стремятся люди. Счастье – это объект благопожелания. Желают счастья новорожденному, молодоженам, именинникам и юбилярам, близким и дорогим людям.

Существуют предметы, которые символизируют *счастье*. Это своего рода талисманы и обереги (*Мечты и чаяния, веру в добро и счастье люди связывали с определенными символами, заключенными в оберегах*. Обереги в доме // «Народное творчество», 2003.08.18). В русской лингвокультуре таких предметов несколько.

1. Подкова. Существует примета – найти на дороге подкову – к счастью. Подкову вешают на дверь. В этом случае подкова становится оберегом дома и семьи, проживающей в нем (*Она [подкова] будет как символ того, что никто не сможет покуситься на покой и счастье этого дома!* А.И. Слаповский. Большая книга перемен).

Люди верят в приметы, в стечение определенных обстоятельств – все это считается предрассудками и суевериями. Однако все они продолжают существовать в культуре. Например, вера в то, что подкова – это символ счастья – тоже считается суеверием (*Подкова*

для суевѣрныхъ людей – **символь** удачи, даже **счастья** въ жизни. Е.А. Салиас. Петербургское действо).

На торжественныхъ мероприятияхъ стол могут установить в виде подковы (*В просторномъ банкетномъ зале Валерия велела составить столы так, что они образовали гигантскую подкову – символ счастья и удачи.* Л. Корнешов. Газета). Похожие символы есть в иныхъ культурахъ (*Вот и влияние Европы на Азию: голова лошади в подкове – символ счастья несомненно европейский.* К.К. Вагинов. Гарпагониада).

2. Цветы. Цветы символизируютъ счастье и любовь. Обычно цветы дарятъ девушкамъ (*Две девушки стоят друг напротив друга и держат букет, который из символа будущего счастья в одно мгновение превратился в соцветие истерзанных лепестков.* Д.С. Филиппов. Билет в Катманду).

3. Аист на крыше – символ счастья и благополучия в доме. В южныхъ областяхъ России до сих пор наблюдается трепетное отношение к аистам и их гнездам, возвышающимся над домом (*И, словно песню о мире на земле, жители Львова преподнесли «Чайке» макет украинской избушки с аистом на крыше – символом счастья.* В. Филатов. Музей космической славы).

4. Радуга в небе символизируетъ счастье. До сих пор радуга в русской лингвокультуре ассоциируется с счастьем, весельем и хорошим настроением (*Сверкающая радуга стоит над ними в небе, словно символ счастья и победы.* Д.А. Налбандян. Сыны солнечной Армении).

5. В русской лингвокультуре символом счастья считается Родина (*Будемъ вѣрны завѣтамъ нашихъ отцовъ и сохранимъ этотъ символъ въ сердцахъ нашихъ, доколь Господь ниспошлетъ намъ счастье увидѣть нашу многострадальную Родину вновь могучей и славной дѣлами вѣрныхъ сыновъ своихъ – казаковъ.* Ф.Ф. Абрамов. Приказъ Донскому корпусу // Вѣстникъ Общества Галлиполійцевъ № 3, 1933).

6. Отдельная часть символовъ относится к определенной исторической эпохе и идеологии. Так, имя Сталина ассоциировалось с

счастьем (*Имя Сталина стало для трудящихся всего мира символом свободы, независимости и счастья*). 26 лет без Ленина, под водительством Сталина – по ленинскому пути // «Наука и жизнь», 1950).

7. Часть символов принадлежит определенному слою общества и собственным представлением этой социальной группы о счастье. В русской лингвокультуре к этому классу относятся особые признаки мещанского счастья (*Он узнавал коврики, безделушки с комодов, камчатные скатерти, фарфоровые статуэтки, патефонные пластинки – символы простого, сытого счастья*). Б.Л. Горбатов. Непокоренные). Характерные предметы домашнего обихода воплощают в себе этот символизм (*Даже в сцене похорон дяди Пифоев ходил колесом, придерживая в зубах, как символ мещанского счастья, поднос с дорогим сервизом*). А.С. Бухов. Случай в «Театре возможностей»).

II блок. Символы счастья в других культурах

Каждый народ имеет свои символы счастья (*В каждой культуре существуют свои символы счастья и удачи*). М. Сашина. Белый слон с розовым отливом). У одних народов это амулет (*Перед уходом я взял две ободранные палочки, несколько стружек, коричневых волосков, ветку рождественского дерева и туго завернул их в кусок оленьей кожи, чтобы они были моим лекарством, моим счастьем, символом*). М.М. Пришвин. Серая сова), обувь (*Кундиль, по старому поверью, башмачок – символ счастья*). А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь), у других – пасхальное яйцо и бонбоньерка – коробочка или мешочек с подарками (*Ни одно из яиц не повторяет другое, хотя художница работает и на заказ, изготавливая пасхальные яйца или бонбоньерки как символ счастья и благополучия для молодоженов*). Яйца с сюрпризом // «Мир & Дом. City», 2004.04.15). Кто-то счастье видит в архитектурных сооружениях – ротондах (*Отметим лишь две с. детали – изображение золотого истукана в виде западноевропейской городской скульптуры и изображение круглого храма-ротонды (в искусстве Европы, начиная с эпохи Возрождения, ротонда является символом человеческого счастья)*). Ф. Разумовский. Миражи счастья).

Цветы символизируют счастье у многих народов. У французов – это фиалка (*С тех пор фиалка сделалась для Жозефины символом жизни и счастья*. Т. Миткевич. Короли & капуста). Для японцев и китайцев характерен цветочный символ семейного счастья – пион (*Весенний пион – это символ любви, семейного счастья*. В. В. Овчинников. Размышления странника). У японского народа символом счастья считаются цветные рыбки (*И вот уже над всей Японией плавают в воздушном океане, играют на весеннем ветру эти яркие, сказочные рыбы – символ счастья и благополучия*. О. Гончар. Японские зарисовки // «Огонек», 1961). У китайского народа символом счастья выступают апельсины (*Если в семье есть дети, то хороший тон требует, чтобы гость оделил их апельсинами, так как апельсины – в большом почете у китайцев и служат символом счастья и долголетия*. В.В. Корсаков. Пекинские события).

Птицы у разных народов так же могут быть символами счастья. Птица Феникс, известная у египтян, китайцев (*Фэн-хуан*), персов (*Хума* или «райская птица»), римлян, почиталась символом счастья (*У некоторых народов Птица феникс – символ мира и счастья*. Птица Феникс // «Пятое измерение», 2003). М. Метерлинк написал знаменитую книгу «Синяя птица», в которой описал этот орнитологический символ счастья (*«Синяя птица» – драма-сказка бельгийского драматурга Мориса Метерлинка (1862-1949), в которой дети ищут синюю птицу – символ счастья*. А.С. Макаренко. Педагогическая поэма). С тех пор синюю птицу можно назвать международным символом (*Ведь Синяя птица – символ счастья...* Г.М. Артемьева. Фата на дереве).

Россия для многих народов, боровшихся за свою независимость и равноправие, символизировала счастье (*Родина Октября для всего прогрессивного человечества стала символом равноправия, подлинной демократии, свободного труда и счастья*. Д. Филиппов. В едином строю).

У американского народа символом счастья может быть удачная фотография (*Глянцевый, вполне себе обыкновенный снимок «Перед*

первым свиданием» неожиданно стал едва ли не государственным символом американского женского счастья, американской мечты «для дам». Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия).

III блок. Интернациональные символы счастья

Отмечены несколько символов счастья, которые можно назвать интернациональными. К ним относится мирное, чистое небо над головой (*Быть может, зодчие из века в век ведут молчаливый угovor строить над Самаркандом вечное голубое небо – символ мира и счастья...* С. Благов. Улыбка Анахиты). Награда в спортивных соревнованиях, войне так же относится к международным символам счастья (*На войне и на дуэли Получает первый приз – Символ счастья и веселья – Структуральнейший лингвист. А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству*).

IV блок. Индивидуальные символы счастья

Некоторые люди имеют собственные представления о счастье, независимо от их национальности. В этом сказываются их приоритеты и предпочтения. Это может быть музыка (*И музыка одного из лучших сынов великой русской нации, как символ жизни, красоты и счастья, как символ мира, совершает свое триумфальное торжественное шествие по всем странам мира!* С.Н. Питина. Великий композитор великого народа, еда (*Ты знаешь, у нас, евгеев, целая индейка – как бы символ богатства, символ счастья.* Е. Весник. Дарю, что помню), цвет (*Для меня этот цвет как символ новой жизни, нового счастья и любви!* Певица Валерия: «Мое долгожданное счастье» // «Мир & Дом. City», 2004.03.15) и т.д.

Структура концепта *счастье* включает в себя признаки ментефактов. Каждый представитель лингвокультуры может иметь свое представление о счастье и его символах (*А склейте наоборот, сначала – шагающие туфельки, а потом – сияющие кольца, и вы получите символ прекрасный: светлый путь к счастью семьи!*; *Склейте сначала – кольца, потом – ноги, и в результате вы получите ужасный символ: растоптанное семейное счастье!* А. Инин. Творец счастья).

Заключение

Символические признаки концепта *счастье* объединены в четыре блока, каждый из которых включает в себя ряд символических признаков: 1. символы счастья русской лингвокультуры ('оберег', 'подкова', 'цветы', 'аист на крыше', 'радуга в небе', 'Родина', 'предметы мещанского быта'), 2. символы счастья у других народов ('амулет', 'обувь', 'пасхальное яйцо', 'бонбоньерка', 'ротонда', 'цветы', 'цветные рыбки', 'апельсины', 'птицы', 'Россия', '(удачная) фотография'), 3. интернациональные символы ('чистое небо', 'награда (в спортивных соревнованиях/ войне)'), 4. индивидуальные символы счастья ('музыка', 'еда', 'цвет', 'артефакт'). Интернациональные символы частично входят в русскую лингвокультуру. Таким образом, первый блок представлен восемью символическими признаками, второй – одиннадцатью признаками, третий блок – двумя признаками, четвертый блок – четырьмя символическими признаками концепта *счастье*.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47-58.
2. Воркачев С.Г. Концепт *счастья*: значимостная составляющая // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Перемена, 2002. Вып. 2. С. 4-18.
3. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М.: «Азбуковник», 2003. С. 263-275.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
5. Воркачев С.Г. К эволюции языкового менталитета: «Русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 69-75.
6. Гурьянова Е.А. Концепт «счастье» в русской языковой картине мира. 2017. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/kontsiept-schast-ie-v-russkoi-iazykovoi-kartinie-mira.html> (дата обращения: 07.07.2020).

7. Зализняк А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 153-175.
8. Изотова Н.Н. Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании // Вестник МГИМО-Университета. 2012. Т. 2(23). С. 213-219. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-213-219>
9. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
10. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 35-39.
11. Мальчакитова Н.Ю. Концепт счастье в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. №10. С. 50-53.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2011. 296 с.
13. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т.1. С. 15-20.
14. Рябова И.Ю. Концепт «счастье» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 140-148.
15. Сидорович Д.О., Долгова А.Д. Концепт *счастье* в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарного образования. Минск: БГУ, 2018. С. 264-271.
16. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков: Дис. ... д-ра. филол. наук. Самара, 2009. 385 с.
17. Черкашина Е.А. Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-schastie-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 07.07.2020).

18. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
19. Wierzbicka A. 'Happiness' in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective // *Daedalus*. Vol. 133, No. 2, On Happiness (Spring, 2004), pp. 34-43.

References

1. Vorkachev S.G. Koncept schast'ya: ponyatijnyj i obraznyj komponenty [The concept of happiness: conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka* [Izvestiya RAN. Literature and language series], 2001, vol. 60, no. 6, pp. 47-58.
2. Vorkachev S.G. Koncept schast'ya: znachimostnaya sostavlyayushchaya [The concept of happiness: a significant component]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Voronezh Peremena, 2002, vol. 2, pp. 4-18.
3. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Koncept schast'ya v anglijskom yazyke: znachimostnaya sostavlyayushchaya [The concept of happiness in the English language: a significant component]. *Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: Chelovek i ego diskurs* [Mass culture at the turn of the XX-XXI centuries: Person and their discourse]. Moscow: Azbukovnik, 2003, pp. 263-275.
4. Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow, 2004, 192 p.
5. Vorkachev S.G. K evolyucii yazykovogo mentaliteta: «Russkoe schast'e» [Towards the evolution of linguistic mentality: "Russian happiness"]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 2 (18), pp. 69-75.
6. Guryanova E.A. *Koncept "schast'e" v russkoj yazykovoj kartine mira* [The concept of "happiness" in the Russian language picture of the world], 2017. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/kontsiept-schast-ie-v-russkoi-iazikovoi-kartinie-mira.html> (accessed 07 July 2020).
7. Zaliznyak A.A. *Schast'e i naslazhdenie v russkoj yazykovoj kartine mira* [Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world]. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005, pp. 153-175.

8. Izotova N.N. Koncept «schast'e» v religioznom i filosofskom diskurse: reprezentaciya buddijskih cennostej v yaponskom nacional'nom soznanii [The concept of “happiness” in religious and philosophical discourse: the representation of Buddhist values in the Japanese national consciousness]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2012, vol. 2 (23), pp. 213-219. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-213-219>
9. Krasavsky N.A. *Emocional'nye koncepty v nemeckoj i ruskoj lingvokul'turah* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Volgograd: Peremena, 2001, 495 p.
10. Leontiev A.A. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language consciousness and the image of the world]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow: IYa RAN, 1993, pp. 35-39.
11. Malchakitova N.Yu. Koncept schast'e v yazykovoj kartine mira evenkov i russkih [The concept of happiness in the linguistic picture of the world of the Evenki and Russians]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy], 2011, no. 10, pp. 50-53.
12. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta, 2011, 296 p.
13. Pimenova M.V. Metodologiya konceptual'nyh issledovanij [Methodology of conceptual research]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Volgograd, 2005, vol. 1, pp. 15-20.
14. Ryabova I.Yu. Koncept «schast'e» v sopostavitel'nom mezh'yazykovom aspekte (na primere romana L.N. Tolstogo «Anna Karenina» i chetyrekh angloyazychnyh interpretacij) [The happiness concept in a comparative interlingual aspect (on the example of Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina* and four English-language interpretations)]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man], 2017, no. 4, pp. 140-148.
15. Sidorovich D.O., Dolgova A.D. Koncept schast'e v russkom i anglijskom yazykah [The concept of happiness in Russian and English]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya* [Actual problems of humanitarian education]. Minsk: BSU Publ., 2018, pp. 264-271.

16. Stefansky E.E. *Konceptualizaciya negativnyh emocij v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii: na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov* [Conceptualization of negative emotions in the mythological and modern linguistic consciousness: on the material of the Russian, Polish and Czech languages]. PhD dissertation. Samara, 2009, 385 p.
17. Cherkashina E.A. Koncept «Schast'e» v russkom yazyke [Concept *Happiness* in the Russian language]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov], 2016, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-schastie-v-russkom-yazyke> (accessed 07 July 2020).
18. Shakhovskiy V.I. *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Moscow: URSS, 2019, 206 p.
19. Wierzbicka A. 'Happiness' in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective. *Daedalus*, vol. 133, no. 2, On Happiness (Spring, 2004), pp. 34-43.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кафтан Иван Иванович, офицер-преподаватель

*Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева
наб. Макарова, 8, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
Ivan90kaftan@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivan I. Kaftan, officer-teacher

*Military Institute (engineering and technical) of the Military Academy of material and technical support named after General of the Army A.V. Khrulev
8, Makarov emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Ivan90kaftan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7149-3362*

Поступила 02.10.2021

После рецензирования 08.11.2021

Принята 24.11.2021

Received 02.10.2021

Revised 08.11.2021

Accepted 24.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-533-543

УДК 81. 367

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ

Чайко Н.Н.

Цель. Предлагаемая статья посвящена языковому усилению (интенсивности) в языке немецкой поэзии. В данной работе рассматриваются основные лексическо-фразеологические средства выражения усиления значения, представляется структурная и семантическая характеристики интенсификаторов, а также устанавливается их стилистический потенциал.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. Результаты исследования показали, что усиление выразительности и изобразительности значения, а также эффективности высказываний может быть достигнуто лексическими единицами (наречиями, прилагательными) и рядом фразеологических единиц (сравнительными конструкциями, парными сочетаниями слов, предложно-субстантивными языковыми единицами), которые выполняют потенцирующую функцию и являются мощным языковым инструментом при выражении эмоций, чувств, душевного состояния, воли поэтов-романтиков.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания таких лингвистических дисциплин, как лексикология, фразеология, стилистика, а также в переводческой деятельности.

Ключевые слова: поэтические тексты; языковое усиление; интенсивность; лексические интенсификаторы; фразеологические средства интенсивности

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSION CATEGORIES OF INTENSITY IN THE LANGUAGE OF POETRY

Chaiko N.N.

Purpose. *The proposed article is devoted to linguistic intensification (intensity) in the German poetry. In this paper, the main lexical and phraseological means of expressing the amplification of meaning are considered, the structural and semantic characteristics of the intensifiers are presented and their stylistic potential is also established.*

Methods or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the continuous sampling method in the selection of practical material as well as the method of descriptive linguo-stylistic analysis.*

Results. *The results of the study showed that the intensification of expressiveness and expressiveness of meaning, as well as the effectiveness of utterances can be achieved by lexical units (adverbs, adjectives) and a number of phraseological units (comparative constructions, paired combinations of words, prepositional-substantive language units), which serve potential function being a powerful linguistic tool in expressing emotions, feelings, state of mind, will of romantic poets.*

Application area. *The results of the research can be used in the teaching of such linguistic disciplines as lexicology, phraseology, stylistics, as well as in translation activities.*

Keywords: *poetic texts; linguistic intensification; intensity; lexical intensifiers; phraseological means of intensity*

Вопросы языкового усиления (интенсивности) поэтических текстов все больше привлекают к себе внимание ученых-лингвистов. Язык немецкой поэзии является зеркалом души поэтов-романтиков, которая репрезентируется различными языковыми усилителями для повышения эффективности излагаемого, усиления его впечатляемости.

В современной лингвистике учение о категории интенсивности является многоаспектным. Общие вопросы категории интенсив-

ности были широко изучены Ш. Балли, который связывает «интенсивность» с категориями количества и качества, указывая на количественную характеристику качества конкретного предмета или абстрактных идей [1, с. 202]. Схожее определение трактуют ученые, называя интенсивность «потенцированием» (от немецкого *potenzieren*), в основе которого отражена определенная часть объективно существующих количественных градаций [9, с. 3]. Изучением лексического аспекта как одного из продуктивных средств выражения значения интенсивности занимались Н.А. Лукьянова [7], Е.И. Шейгал [13], Е.В. Бельская [2] и др. Исследования последних лет, посвященные языковой интенсивности, рассматривают ее как одну из составляющих экспрессивности и понимают как меру степени экспрессивности [3; 4; 8; 10; 13; 15]. Особенно важным становится количественно-качественное выделение определенной языковой единицы для актуализации экспрессивности. Посредством определенных языковых приемов высокой интенсивности достигается ярко выраженная степень эмоциональной экспрессии, которая несет мощный заряд воздействия. Так, усиление действенности высказываний может репрезентироваться с помощью фонетических, грамматических и лексико-фразеологических интенсификаторов, которые широко представлены и в текстах поэзии 19 в.

Целью данного исследования является анализ лексико-фразеологических средств выражения интенсивности в поэтической речи. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: 1) методом сплошной выборки определить корпус основных лексических и фразеологических средств репрезентации интенсивности; 2) провести структурно-семантический анализ данных интенсификаторов; 3) установить их стилистический потенциал в языке поэзии. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ основных разноструктурных лексическо-фразеологических интенсификаторов. **Актуальность** данного исследования определяется возрастающим интересом современной лингвистики к системному изучению языковых средств интенсификации значения, которые выражая экспрессивность, дают эмоционально-оценочную

характеристику признаку или предмету, привлекают внимание реципиента на какой-то предмет, действие, явление. **Практическая значимость** работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания таких лингвистических дисциплин, как лексикология, фразеология, стилистика, а также в переводческой деятельности.

Проведенный нами анализ языковых средств выражения категории интенсивности в текстах поэзии 19 в. с привлечением данных корпусов [5] показал наличие разноструктурных лексико-фразеологических интенсификаторов, которые передают высокую степень экспрессивности.

Переходя к вопросу о конкретных способах репрезентации интенсивности в поэтических текстах, необходимо отметить, что центром категории интенсивности выступают лексические интенсификаторы, среди которых наречия-усилители значения занимают одно из ведущих позиций. В первую очередь сюда относятся такие наречия, как *fürstlich*, *göttlich*, *entsetzlich*, *ängstlich*, *heimlich*, *fest*, *tief*, *höllisch*, *immer*, *himmlisch*, *unaussprechlich*, *unermeßlich*, которые стоят перед прилагательными и причастиями, передают смысл с увеличенной интенсивностью, делают высказывание более действенным и выразительным. Так, активно используя интенсификаторы-наречия поэты-романтики обращают внимание читателя на положительную (*göttlich still*, *heimlich still*, *heimlich hell*, *tief kristall*, *unaussprechlich klar*, *tief bewegt*) или отрицательную (*entsetzlich lang*, *tief verwundet*, *ängstlich leise*, *unermeßlich tief*) характеристики людей, предметов, явлений. Наречные усилители ярко и броско представляют и внутреннее настроение поэта, как, например, одного из самых значительных лириков-романтиков К. Brentano. В стихотворении «Liebesnacht im Haine» поэт тончайшим образом при помощи интенсификации *lieblich bange*, *heimlich still* показывает свое субъективно-романтическое восприятие мира, выражает свою нежную любовь к любимой, ср.:

Sehe ich dich so *lieblich bange* lauschen. Или
Auch wohl mit züchtigem Verzagen
Meiner Blicke *heimlich stille* Glut.

Часто употребляемым и наиболее распространенным усилением значения являются и интенсификаторы *zu, immer, gar, ganz* в сочетаниях *ganz allein, viel zu klein, zu schmal, gar ernsthaft, immer voll, zu allen Stunden, zu aller Zeit, zu allen Mächten*, которые приносят значение высокой степени и служат синонимами к нейтральному *sehr* (очень). Данные синонимы акцентируют смысловую важность определяемых ими единиц, как например в стихотворении «Da Riesenspielzeug» А. фон Шамиссо, в котором при помощи интенсификации *gar ernsthaft* подчеркивается серьезное отношение отца-великана к крестьянину, к его труду, без которого нет жизни на земле, или у К. Brentano в «*Ich wollt ein Sträußlein binden...*» двукратное повторение *ganz allein* еще более выразительнее передает любовное страдание поэта, его внутренние метания между жадой чувственных наслаждений (сорвать цветок для любимой) и покаянием (оставить его нетронутым), ср.:

Der Alte wird *gar ernsthaft* und wiegt sein Haupt und spricht....
(A. von Chamisso)

Mein Schatz ist ausgeblieben,

Ich bin *so ganz allein*.

Im Lieben wohnt Betrügen,

Und kann nicht anders sein. (C. Brentano)

Наряду с лексическими средствами интенсификации большое значение играют и фразеологические средства, среди которых парные сочетания слов, предложно-субстантивные фразеологизмы и компаративные единицы указывают на интенсивность в проявлении признака или процесса. Парные сочетания слов как первая разновидность фразеологических интенсификаторов являются средством языкового усиления всех поэтов-романтиков и мощным инструментом воздействия на читателя, выполняющим потенцирующую функцию. Субстантивные сочетания характеризуются семантической близостью и оказывают определенное усиление выразительности и образности, выдвигая на первый план такие насущные темы как мир и борьба (*Streit und Frieden, Schlacht und Sieg*), любовь и страдания (*Lieb und Leid, Freund und Leide*), свет и тьма (*Licht*

und Schatten), жизнь и смерть (*Leben und Sterben, Tod und Leben*), голод и нужда (*Hunger und Not*), труд и существование (*Lohn und Arbeit, Gut und Geld*). К интенсификаторам данной группы следует отнести и парное повторение существительного, усиление выразительности которого достигается за счет предлогов *in, auf, für, von*. Как яркое выразительное средство оно усиливает единство духа в борьбе за лучшую жизнь (пройти рука об руку – *Wir sind durch Not und Freude gegangen Hand in Hand...*), выступает средством изображения душевного состояния поэта (его вечную любовь), которая крепнет день ото дня (*Gib die Hand, daß Tag für Tag / ich an deinen zarten Fingern/ Ewigkeiten zählen mag*), продуктивное средство создания торжественности (ликования), которое разносится со всех уст (*Und bebend hört man von Mund zu Mund...*), сводится к смысловому и эмоциональному усилению части высказывания, связанное с тем, что пленные связаны все как один (*Vor ihnen die Gefangnen gebunden Mann für Mann*), что брат и сестра любят друг друга и спят щека к щеке (*Und nächstens Wang an Wange schliefen wir*).

К безукоризненным интенсификаторам следует отнести и предложно-субстантивные фразеологизмы. В качестве предлогов используются предложные сочетания: *bis an, bis in, bis auf*, а также предлоги *für, in*.

Такие сочетания наделены высокой степенью экспрессивности и выражают особые эмоции душевного состояния поэтической личности, дают эмоционально-оценочную характеристику действий: оставаться верным до могилы / до гроба (*bis ans Grab true bleiben*), до бесконечности (*bis in alle Ewigkeit*), в пол / до пальцев ног кланяться (*bis auf die Zeh'n bücken*), исчезнуть навсегда (*für alle Welt verschwinden*), держать крепко навсегда / на все времена (*für alle Zeiten festhalten*), вдохнуть широкой грудью (*die Brust in alle Weite dehnen*), навсегда/до бесконечности (*zur Ewigkeit erweitern*), большими глотками хлебать (*in vollem Zug schlürfen*), бешено мчаться (*in vollem Rasen rennen*), с огромной силой очаровывать (*in vollem Lauf bannen*). Предложная часть всех вышеприведенных фразеологизмов реализует значение предельно высокой степени действия, соединя-

ясь с глаголами, образует единое целое и стимулирует определенное воздействие на читателя.

Не менее ярким интенсификатором являются предложно-субстантивированные фразеологические единицы со значением высокой степени отрицательной или положительной качественной оценки. И. Гёте, используя субстантивированные инфинитивы в дательном падеже с предлогом *zu* в своем стихотворении «*Rettung*» выражает свое душевное состояние подавленности из-за предательства любимой девушки (*zum Freudenhassen*) и завораживающий голос новой любви (*ein Stimmchen zum Entzücken*).

Усиление действенности высказываний в языке поэзии широко передается и сравнительными конструкциями. Путем сравнения определенного признака или процесса с предметом, который олицетворяет собой большую интенсивность, они заключают в себе экспрессивность, дают характеристику через конкретный образ, способный вызвать у читателя определенные эмоции. Так, у Ф. Гёльдерлина в «*Die Völker schwiegen, schlummerten*» сравнения-интенсификаторы раскрывают натуру поэта, его революционный дух, сравниваемый с огнем, с морским богом, его героический порыв к действию – бушевать / неистовать как взбешённое море, ср.:

Und Heere tobten, wie die kochende See.

Und wie ein Meergott, herrscht' und waltete

Manch großer Geist im kochenden Getümmel.

Семантическая наполняемость усилительных компаративов довольно разнообразна. Они интенсифицируют и страстное отношение к любви поэта Э. Мёрике, кротость его любимой, которую он сравнивает с овечкой, лежащей под ножом (*das Mädchen hielt in guter Ruh / wie's Lämmlein unterm Messer*); раскрывают мысли изображения реальной жизни поэта И. Гёте и его мечты о настоящей любви, подчеркивая высокую степень интенсивности одиночества (*allein wie in Mutterleib, wie der Prinz Pipi*), жажды страстных поцелуев (*Kuß war Götterbrot, glühend wie der Wein*); выражают верность демократических убеждений, борющегося и уверенного в своей победе пролетариата Г. Гервега в образе рыцаря-грозы (*Da*

s war ein Ritter noch mit Fug, / der *wie ein heiß Gewitter*); показывают преданность, симпатию к Наполеону, которого поэт Г. Гейне воспринимал как «сына революции», и будет верным ему солдатом, лежа как на страже в гробу (So will liegen und horchen still, / *Wie eine Schildwach im Grabe*).

Итак, проведенный анализ показал, что в поэтических текстах немецких поэтов-романтиков имеется сравнительно большое число разноструктурных лексических и фразеологических единиц, которые являются эффективнейшим средством усиления действенности излагаемого, передают экспрессивное значение высокой степени какого-либо признака или действия. Поэтическая личность эмоциональна и свидетельствует о потребности поэтов выразить свое мироощущение как можно более полно, выразительнее и в разных языковых структурах. Используемые лексико-фразеологические интенсификаторы служат не только для выделения явления, отличающегося большей степенью проявления признака, но и для выражения субъективного видения мира. Поэты-романтики раскрывают свой внутренний мир и направляют все свои эмоции, переживания на читателя, обращаясь к таким насущным темам как гражданственность, патриотизм, преданная любовь, стремление к лучшему. Все тексты немецкой поэзии пронизаны эмоциональностью и искренностью.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Едиториал УРСС, 2001. 394 с.
2. Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии: На материале говоров Приобья: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 270 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2008. 280 с.
4. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103-124.

5. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
6. Егорова В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета. 2009. Т.6. №2. С. 224-226.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015 Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183-201.
8. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 303-308.
9. Сущинский И.И. Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977. 16 с.
10. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1973. 214 с.
11. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.
12. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1970. 200 с.
13. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1981. 226 с.
14. Lewkowskaja X.A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: Vissaja Skola, 1968, 319 S.
15. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Fremdsprachige Literatur, 1963, 467 S.

References

1. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow: Editorial URSS, 2001, 394 p.
2. Bel'skaya E.V. *Intensivnost' kak kategoriya leksikologii: Na materiale govorov Priob'ya* [Intensity as a category of lexicology: Based on the dialects of the Ob region]. PhD dissertation. Tomsk, 2001, 270 p.
3. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Editorial URSS, 2008, 280 p.

4. Galkina-Fedoruk E.M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [On expressiveness and emotionality in language]. *Sbornik statey po yazykoznaniyu* [Collection of scientific papers on linguistics]. Moscow: Nauka, 1958, pp. 103-124.
5. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya XIX veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga, 1984, 704 p.
6. Egorova V.N. K voprosu opredeleniya intensivnosti v sovremennom yazykoznanii [On the issue of determining intensity in modern linguistics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* [Bulletin of Nizhny Novgorod University], 2009, vol. 6, no. 2, pp. 224-226.
7. Luk'yanova N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect]. *Vestn. Novosibirskogo gos. un-ta* [Bulletin of Novosibirsk University], 2015, vol. 14, no. 9, pp. 183-201.
8. Rodionova S.E. Intensivnost i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategoriy [Intensity and its place among other semantic categories]. *Slavyanskiy vestnik* [Slavic Bulletin], 2004, no. 2, pp. 303-308.
9. Sushchinskiy I.I. *Sistema sredstv vyrazheniya vysokoy stepeni priznaka (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [A system of means of expressing a high degree of the characteristic (based on the modern German language material)]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 1977, 16 p.
10. Teliya V.N. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in language: linguistic mechanisms of expressiveness]. Moscow: Nauka, 1973, 214 p.
11. Turanskiy I.I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow: Vyssh. shk., 1990, 172 p.
12. Chernysheva I.I. *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the modern German language]. Moscow: Vyssh. shk., 1970, 200 p.
13. Sheygal E.I. *Intensivnost' kak component semantiki slova v sovremen-
nom angliyskom yazyke* [Intensity as a component of word semantics in modern English]. PhD dissertation. Moscow, 1981, 226 p.

14. Lewkowskaja X.A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: Vissaja Skola, 1968, 319 S.
15. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Fremdsprachige Literatur, 1963, 467 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalja N. Chaiko, Associate Professor, Department of German Language, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 13.12.2021

Принята 16.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 13.12.2021

Accepted 16.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-544-557

УДК 811.1

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ

Кудинова О.А., Кудинова В.И.

Цель. Статья посвящена изучению методов, используемых преподавателями для развития навыков чтения на уроках иностранного языка, в частности, при помощи мобильных приложений, которые могут эффективно использоваться в процессе преподавания/изучения иностранного языка, а также обобщению результатов исследования с учетом существующих реалий и тенденций.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляют теоретическое изучение и обобщение научно-методической литературы, данных интернет-ресурсов, связанных с темой исследования; используются общенаучные методы: наблюдение и анализ.

Результаты. Результаты проведенного исследования показали, что мобильные приложения можно использовать на занятиях по чтению на разных этапах работы над текстом, что способствует активизации учебной деятельности учащихся, повышению их языковой компетенции и мотивации. В результате проведенного анализа научного материала было выдвинуто предположение о том, что интеграция мобильных приложений, которые непосредственно направлены на развитие навыков чтения, позволит учителям развивать свои навыки в области ИКТ и совершенствовать свои методы преподавания, а студентам участвовать в активном и интерактивном обучении, что также делает прогресс каждого студента заметным и облегчает оценивание знаний.

Область применения результатов. Результаты исследования помогут оптимизировать использование мобильных приложений на занятиях по иностранному языку для развития навыков чтения в высшей школе.

Ключевые слова: *мобильные приложения; интернет-технологии; развитие навыков чтения; изучение иностранных языков; высокая ступень образования*

DIGITAL TECHNOLOGIES INTRODUCTION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES BY THE EXAMPLE OF USING MOBILE APPLICATIONS

Kudinova O.A., Kudinova V.I.

Purpose. *The article is devoted to the study of methods used by teachers to enhance reading skills at foreign language lessons using mobile applications, which can be effectively used in the process of teaching/learning a foreign language, as well as the generalization of research results taking into account existing realities and trends.*

Methodology. *The research is based on the theoretical study and synthesis of scientific and methodological literature, as well as Internet resources related to the topic under study and general scientific methods, i.e., analysis and generalization are used.*

Results. *The results of the survey show that mobile applications can be used at different stages of the lessons devoted to reading comprehension. It helps to activate the learning process of the students, improve their language competence and motivation. As a result of the analysis of the scientific material, it was suggested that the integration of mobile applications that are directly aimed at developing reading skills will allow teachers to develop their ICT skills and improve their teaching methods, as well as it will allow students to engage in active and interactive learning, which also makes the progress of each student noticeable and facilitates the assessment of their knowledge.*

Practical implications. *The results of the study will help optimize the use of mobile applications for developing reading skills at language teaching lessons in higher education.*

Keywords: *mobile applications; internet technologies; reading skills-development; foreign language learning; higher education*

Системе образования и обществу бросил вызов быстрый научно-технический прогресс, который человечество переживает в последнее время. «Цифровая революция» изменила процесс преподавания иностранных языков, цели и подходы к обучению претерпели изменения. На первый план вышла проблема интеграции ИКТ в различные предметы. Преподаватель с помощью информационных технологий создает новые возможности для учеников старшей школы и предлагает им углублять предметные знания и развивать цифровую грамотность, которая включает в себя возможность использования программного обеспечения для просмотра веб-страниц, обработки текста и обмена текстовыми сообщениями. Использование информационно-коммуникационных технологий способствует развитию творческих и инновационных подходов у студентов [9;11].

Несмотря на значительные изменения в подходе к образованию, большинство студентов без энтузиазма выполняют задания, связанные с текстом. Более того, их интерес к получению какой-либо информации довольно низок, если она предоставляется традиционно. Они без всяких колебаний указывают, что им скучно, а те, кто выполняет задания, называют в качестве причины только долг и ответственность.

Таким образом, анализ текущей ситуации выявил следующую проблему: в то время как исследователи и эксперты в области образования открыто обсуждают причины падения интереса к учёбе и предлагают возможные решения, ситуация становится еще хуже: все меньше студентов читают учебники и, следовательно, уровень грамотности падает, о чем свидетельствуют результаты многочисленных местных и международных исследований.

Эксперты в области образования видят решение данной проблемы в интеграции цифровых технологий в процесс обучения. Так, например, в некоторых учебниках английского языка в настоящее время дается лишь небольшое количество текстов, что в первую очередь связано с эпохой интернета. Пользователи Интернета привыкли читать небольшие по объему тексты при переходе со страницы на страницу, поэтому современные учебники часто построены как веб-страницы.

В ходе исследования был проведен обзор литературы для оценки использования современных технологий в процессе обучения. В результате цифровые технологии были признаны одним из наиболее эффективных средств преподавания/изучения иностранных языков, поскольку в этом случае значительно меняется отношение учеников к учёбе и, в частности, к чтению как к одному из базовых языковых навыков, степень овладения которым определяет развитие других навыков. Повышается мотивация учащихся, что само по себе будет способствовать достижению целей обучения и улучшению учебной атмосферы. Использование мобильных приложений обеспечивает полное индивидуальное участие учащихся в процессе урока, превращая среду обучения в ориентированный на учащихся процесс, что будет плодотворно как для преподавателя, так и для ученика.

Мобильное приложение становится все более популярным и необходимым инструментом в современном мире. Применение цифровых технологий в процессе преподавания/обучения стало еще более актуальным в контексте COVID-19, когда все обучение в значительной степени проходит в дистанционном формате [2;3;8].

Изучение иностранного языка – сложный процесс, включающий в себя множество элементов. Современный урок иностранного языка полностью отличается от традиционного урока, потому что он ориентирован на общение.

Доскональное знание языка подразумевает овладение всеми четырьмя его навыками на должном уровне. Среди этих навыков чтение является одним из наиболее важных, поскольку языковая компетенция на начальном этапе достигается за счет развития навыков чтения. Без работы над текстом невозможно вводить новые грамматические или лексические элементы на уроке, давать информацию об изучаемой стране, практиковать любые языковые навыки, овладеть значением, функцией, структурой и использованием языковых единиц в письменной и устной речи.

Исследователи образования сходятся во мнении, что развитие значительной части словарного запаса учащегося происходит во время чтения. Дж. Хармер указывает на важность навыков чтения:

“Чтение полезно для овладения языком. При условии, что учащиеся более или менее понимают то, что они читают, чем больше они читают, тем лучше у них получается. Чтение также оказывает положительное влияние на словарный запас учащихся, на их орфографию и на их письмо. Чтение текстов также обеспечивает знакомство с синтаксическими моделями английского языка. В разное время мы можем рекомендовать ученикам сосредоточиться на лексике, грамматике или пунктуации. Мы также можем использовать материалы для чтения, чтобы продемонстрировать, как можно строить предложения, абзацы и целые тексты. Тогда студенты будут овладевать навыками построения собственных высказываний” [6, р. 99]. Анализ текста и создание с его помощью нового текста развивают когнитивные и коммуникативные компетенции учеников. Поэтому целью работы над текстом является развитие навыков, которые впоследствии позволят развить компетенции, необходимые для овладения иностранным языком.

Важно, чтобы современный урок иностранного языка был максимально ориентирован на учащихся. Только в этом случае можно эффективно и результативно осуществлять процесс обучения, что позволит в конечном итоге соответствовать требованиям и целям предметного стандарта. Чтение предполагает работу с текстами, в ходе которой изучаются основные аспекты языка, лексика и грамматика, что в свою очередь является необходимым условием правильного использования языка на практике. Учитывая, что сам процесс работы над текстом не очень привлекателен для современного студента, часто возникают трудности, связанные с попыткой максимально вовлечь учащихся, заинтересовать их и развить готовность работать с большими текстами. Низкая мотивация студентов объясняется устаревшими материалами или отсутствием интереса к текстам в учебниках. Однако основная суть проблемы заключается не только в том, чтобы предлагать тексты, адаптированные к интересам и потребностям учащихся, но и в том, чтобы на уроке использовались различные стратегии, методы, ресурсы и задания, которые помогут учащимся быть активными, вовлеченными в учеб-

ный процесс, правильно приобретать и развивать языковые знания и навыки. Наиболее эффективными средствами для этого являются инновационные методы обучения, ориентированные на цели обучения и программные материалы.

Инновационными методами обучения в современной жизни в первую очередь считаются цифровые технологии. Очевидно, что «технология может быть инструментом для смягчения многих проблем с грамотностью. То есть технология может быть инструментом для приобретения словарного запаса и базовых знаний, необходимых для того, чтобы стать квалифицированным читателем» [5].

Интеграция цифровых технологий делает процесс обучения/преподавания разнообразным и интересным. Учащиеся владеют смартфонами, iPad и различными устройствами, которые преподаватель может успешно использовать для достижения целей обучения. «По мере того как информационные технологии развиваются с течением времени, использование технологий в классах возросло. Широко распространено мнение, что обучение на основе технологий может в значительной степени способствовать повышению качества преподавания и опыта обучения. Технология – это облегчающий инструмент образования, от которого преподаватели и учащиеся получают большую пользу» [4].

Информационные технологии позволяют создавать, хранить, обрабатывать информацию и эффективно представлять ее учащимся. Используя современные информационные технологии, преподаватель имеет возможность качественно изменить содержание, методы и организационные формы преподавания, подойти к преподаванию творчески, осуществлять гуманизацию процесса обучения, индивидуализацию и повышение качества преподавания.

Вместе с обучающимися преподаватель, использующий информационные технологии в педагогической деятельности, более мобилен, стремится к инновациям, а также приобретает лично ориентированные знания. Особенно обращает на себя внимание эмоциональная составляющая педагогических технологий, ее положительное влияние на учащихся, а интерактивность и наглядность

обеспечивают высокий уровень визуализации учебного материала, облегчая его понимание и осмысление.

Несмотря на огромную важность применения цифровых технологий в обучении, Дж. Кингви считает, что преподавателям следует использовать их надлежащим образом, т.е. целенаправленно и мудро, в противном случае никакая техническая технология не даст нам желаемого результата [7]. М. Пренски определяет роль учителя на уроке чтения следующим образом: «Роль учителя должна быть не технологической, а интеллектуальной – предоставлять учащимся-контекст, гарантии качества и индивидуальную помощь» [10, р.2].

Далее мы рассмотрим мобильные приложения, которые напрямую связаны с деятельностью по чтению и позволяют преподавателям профессионально развиваться, и целенаправленно использовать интерактивные приемы обучения, что также делает видимым прогресс каждого ученика и облегчает его оценку. В то время как универсальность ряда мобильных приложений может быть увлекательной как для обучающегося, так и для преподавателя, к их интеграции в процесс преподавания/обучения по-прежнему следует относиться с осторожностью. Разумно проверить их пригодность с педагогической и технической точки зрения. Среди различных мобильных приложений было выбрано 6. Все они являются аутентичными, дают обратную связь, могут использоваться в дифференцированном обучении, просты в навигации и обеспечивают активное участие обучающихся. Ниже приведены краткие описания мобильных приложений, реализованных в преподавании/обучении:

1. www.poll Everywhere.com – платформа, на которой учителя могут создавать интерактивные мероприятия (например, создавать различные интерактивные закрытые и открытые тесты, облако слов, проводить обсуждения, опросы, вовлекать аудиторию во взаимную оценку или обратную связь и т.д.), чтобы активизировать учащихся в процесс обучения/преподавания. Вовлечение аудитории в эти действия выполняется с помощью мобильного телефона, быстро, без их предварительной регистрации на сайте помощью специального кода, который упрощает процесс и экономит время. Ответы ауди-

тории отображаются на экране в виде графических изображений, предварительно выбранных преподавателем, что делает процесс сбора данных проще. Позже учитель может просмотреть данные об активности аудитории и провести подробный анализ для обратной связи. Учителю нужен ноутбук и проектор для проведения мероприятия, участникам – телефон.

2. www.quizizz.com – платформа для обеспечения интерактивного тестирования (истина/ложь, множественный выбор). В отличие от [polleverywhere](http://polleverywhere.com), [quizizz](http://www.quizizz.com) не только отображает результаты на экране, но и определяет победителя и представляет результаты на доске лидеров. Кроме того, в нем дается подробный анализ, например, того, какой процент материала не был усвоен, какой вопрос оказался самым трудным и т.д. Учитель может установить время для каждого вопроса или сделать перерыв, а учащиеся могут выполнять задание в своем собственном темпе. Тем самым обеспечивается дифференцированный подход в процессе обучения. Само приложение предоставляет обратную связь и позволяет учителю отправлять результаты по почте участникам или родителям. На странице вы также найдете множество готовых тестов, подготовленных учителями по различным темам, которые совершенно бесплатны и могут быть использованы любым учителем. Тест также может быть дан в качестве домашнего задания.

3. www.socrative.com – платформа для интерактивного тестирования (правда/ложь, множественный выбор, короткие ответы). В отличие от [quizizz](http://www.quizizz.com), данный сайт позволяет учителю раскрывать или скрывать имена учащихся и результаты. Программа не только отображает результаты на экране, но и анализирует их. Учащиеся завершают задачу в их собственном темпе.

4. www.kahoot.com – платформа для обеспечения интерактивного тестирования (истина/ложь, множественный выбор, сопряжение). В отличие от других приложений в [kahoot](http://www.kahoot.com), учащиеся видят только ответ на вопрос на большом экране и соответствующие подсказки на их телефонах. Программа не только отображает результаты активности аудитории на экране, но и выявляет победителей.

5. www.padlet.com – интерактивное пространство, так называемая стена, на которой приглашенные участники могут одновременно работать и выполнять различные действия, например, размещать тексты, указывать ссылки, загружать презентации, видео, аудиозаписи, изображения и т.д. Это хороший инструмент для проведения групповой презентации в одном пространстве и получения информации о деятельности участников. Кроме того, все докладчики легко управляют своими презентациями на экране. Регистрация для доступа к сервисам сайта не требуется. Приглашение отправляется по электронной почте.

6. www.nearpod.com – уникальное приложение, в котором учителя могут создавать интерактивные мероприятия для повышения вовлеченности аудитории в процесс обучения, например, для создания разнообразных интерактивных закрытых и открытых тестов, проведения дискуссий, взаимной оценки или обратной связи. Учителя также могут вставлять и использовать видео-аудио файлы, ссылки на онлайн материалы, PDF-файлы, 3D-изображения, которые также делают презентацию эффективной и действенной. Участие аудитории в мероприятиях осуществляется быстро с помощью мобильного телефона без какой-либо предварительной регистрации на сайте. Специальный код упрощает процесс и экономит время. Ответы отображаются на экране в виде заранее выбранных преподавателем графических изображений, что облегчает сбор данных. Учитель может выбрать для изображения на экране режим учителя или ученика, чтобы показать или скрыть данные/результаты участников в зависимости от целей.

Перечисленные выше мобильные приложения могут быть использованы на занятиях по чтению на разных этапах работы над текстом.

Наблюдения, сделанные во время использования мобильных приложений для развития навыков чтения на уроке, показали, что активность учащихся возросла. Более того, даже самый равнодушный и испытывающий трудности ученик пытался внести свой вклад в выполнение задания.

В процессе использования мобильных приложений преподаватели иностранных языков совершенствуют свою методическую грамотность и профессиональную компетентность, а учащиеся улучшают свои языковые навыки (словарный запас и грамматические структуры) благодаря предоставленным материалам для чтения, которые служат основой для повышения языковой компетенции и мотивации, развивают навыки в области инновационных технологий.

В заключение можно сделать следующие выводы: рассмотренные выше мобильные приложения действительно помогают изучающим иностранный язык развить и улучшить свои навыки чтения, способствуют их вовлечению в учебные задачи и делают атмосферу обучения намного более позитивной; мобильные приложения – это наиболее эффективный и действенный способ улучшить навыки чтения, развить навыки учащихся в области ИКТ; интеграция мобильных приложений в классе способствует повышению мотивации учащихся и их вовлеченности в учебный процесс, улучшению сотрудничества и успеваемости.

Преподаватели должны постоянно использовать инновационные методы обучения, применяя цифровые технологии в качестве инструмента образования, поскольку «учитель является гарантом образовательного процесса, создавая модель нового поколения – умную личность» [1].

Таким образом, целенаправленное использование мобильных приложений в учебном процессе, особенно при осуществлении преподавания/обучения, ориентированного на развитие навыков чтения, делает этот процесс действительно эффективным и результативным как для учащихся, так и для преподавателей.

Список литературы

1. Комлева Н.В. Профессиональная компетентность личности в условиях Smart-общества // OpenEducation. 2017. № 1. С. 27-33. URL: https://www.researchgate.net/publication/315368701_Professional_competence_of_the_person_in_the_Smart-society (дата обращения: 28.10.2021).

2. Кудинова О.А., Кудинова В.И. Развитие навыков письма студентов посредством социальных сетей. Разработка учебно-методического обеспечения для внедрения инновационных методов обучения при реализации ФГОС ВО 3++//Материалы XLVII науч.-метод. конф. проф.-препод. состава, аспирантов, магистрантов, соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2020. С. 169-173.
3. Кудинова О.А., Кудинова В.И. Развитие навыков чтения в процессе индивидуального и совместного онлайн-обучения иностранному языку. Пути оптимизации подготовки учителя в области иноязычного образования: Материалы междунар. науч.-метод. семинара. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2021. С. 58-61.
4. Altun M. The Integration of Technology into Foreign Language Teaching //International Journal on New Trends in Education & their Implications. 2015. Vol. 6. №1, pp.22-27. URL: <http://www.ijonte.org/File-Upload/ks63207/File/03a.altun.pdf>(дата обращения: 17.10.2021).
5. Biancarosa G., Griffiths Piper G. Technology Tools to Support Reading in Digital Age // The Future of Children.2012. Vol. 22. № 2, pp. 139-160. URL: https://www.researchgate.net/publication/232233753_Technology_Tools_to_Support_Reading_in_the_Digital_Age (дата обращения: 11.10.2021).
6. Harmer J. How To Teach English. New Edition. Pearson Education Ltd., 2007, 290 p.
7. Keengwe J., Onchwari G., Wachira P. The Use of Computer Tools to Support Meaningful Learning // AACE Journal. 2008. №16(1), pp. 77-92. URL: https://www.researchgate.net/publication/255664048_The_Use_of_Computer_Tools_to_Support_Meaningful_Learning (дата обращения: 28.10.2021).
8. Kondratenko N., Abrosimova O., Kudinova V., Kudinova O., Nikolaeva E. Peculiarities of the educational environment organization in universities in the context of the pandemic: regional aspect // EDULEARN21 Proceedings. 2021, pp. 8480-8483.
9. Kudinova V., Kudinova O., Kondratenko N. Digital humanities as a way of teaching disciplines of philological series // ICERI2021 Proceedings, 2021, pp. 3846-3851.

10. Prenski M. The Role of Technology in Teaching and the Classroom // Journal Educational Technology.2008, 3 p. URL: https://marcprensky.com/writing/Prensky-The_Role_of_Technology-ET-11-12-08.pdf(дата обращения: 30.10.2021).
11. Shchukina I., Kudinova V., Antyufeeva Y., Kudinova O., Kudinova I. Using online tools within blended English as a foreign language instruction to enhance students' self-studies in grammar teaching//ICERI2021 Proceedings, 2021, pp. 4770-4777.

References

1. Komleva N.V. Professional'naya kompetentnost' lichnosti v usloviyah Smart-obshchestva [Professional competence of the person in the smart-society]. *Open Education*, 2017, no. (1), pp. 27-33. https://www.researchgate.net/publication/315368701_Professional_competence_of_the_person_in_the_Smart-society(accessed 28.10.2021).
2. Kudinova O.A., Kudinova V.I. Razvitie navykov pis'ma studentov posredstvom social'nyh setej [Developing students' writing skills via social media]. *Materialy XLVII nauch.-metod. konf. prof.-prepod. sostava, aspirantov, magistrantov, soiskatelej TGPU im. L.N. Tolstogo* [Materials XLVII scientific conference at Tula State Teacher Training University named after L.N. Tolstoy]. Tula: Tul. gos. ped. un-t im. L.N. Tolstogo, 2020, pp. 169-173.
3. Kudinova O.A., Kudinova V.I. Razvitie navykov chteniya v processe individual'nogo i sovmestnogo onlajn-obucheniya inostrannomu yazyku [Development of reading skills in the process of individual and joint online learning of a foreign language]. *Puti optimizacii podgotovki uchitelya v oblasti inoyazychnogo obrazovaniya: Materialy mezhdunar. nauch.-metod. seminara* [Ways to optimize teacher training in the field of foreign language education: Materials of the international scientific and methodological seminar]. Tula: Tul. gos. ped. un-t im. L.N. Tolstogo, 2021, pp. 58-61.
4. Altun M. The Integration of Technology into Foreign Language Teaching. *International Journal on New Trends in Education & their Implications.*, 2015, vol. 6, no. 1, pp.22-27. URL: <http://www.ijon->

- te.org/FileUpload/ks63207/File/03a.altun.pdf (accessed 17October 2021).
5. Biancarosa G., Griffiths G. Piper Technology Tools to Support Reading in Digital Age. *The Future of Children*, 2012, vol. 22, no.2, pp. 139-160. URL: https://www.researchgate.net/publication/232233753_Technology_Tools_to_Support_Reading_in_the_Digital_Age (accessed 11October 2021).
 6. Harmer J. How To Teach English. New Edition. Pearson Education Ltd, 2007, 290p.
 7. Keengwe J., Onchwari G., Wachira P. The Use of Computer Tools to Support Meaningful Learning. *AACE Journal*, 2008, no. 16(1), pp. 77-92. URL: https://www.researchgate.net/publication/255664048_The_Use_of_Computer_Tools_to_Support_Meaningful_Learning (accessed 28October 2021).
 8. Kondratenko N., Abrosimova O., Kudinova V., Kudinova O., Nikolaeva E. Peculiarities of the educational environment organization in universities in the context of the pandemic: regional aspect. *EDULEARN21 Proceedings*, 2021, pp. 8480-8483.
 9. Kudinova V., Kudinova O., Kondratenko N. Digital humanities as a way of teaching disciplines of philological series. *ICERI2021 Proceedings*, 2021, pp. 3846-3851.
 10. Prenski M. The Role of Technology in Teaching and the Classroom. *Journal Educational Technology*, 2008, 3 p. URL: https://marcprensky.com/writing/Prensky-The_Role_of_Technology-ET-11-12-08.pdf(accessed 30 October 2021).
 11. Shchukina I., Kudinova V., Antyufeeva Y., Kudinova O., Kudinova I. Using online tools within blended English as a foreign language instruction to enhance students' self-studies in grammar teaching. *ICERI2021 Proceedings*, 2021, pp. 4770-4777.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кудина Ольга Андреевна, ассистент кафедры английского языка, магистр, учитель английского языка
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; ГОУ ТО «Яснополянский комплекс»

пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация; ул. Школьная, 17, Ясная Поляна, Тульская область, 301214, Российская Федерация
walwow@bk.ru

Кудинова Валентина Иосифовна, заведующая кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация
walkoud@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Kudinova, Assistant Lecturer, Department of the English Language, MA, English teacher
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University; L. N. Tolstoy Yasnopolyansky Educational Complex
125, Lenin Ave., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation;
17, Shkolnaya St., Yasnaya Polyana, Tula Region, 301214, Russian Federation
walwow@bk.ru
ORCID:0000-0001-9731-8389

Valentina I. Kudinova, Head of the Department of the German Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin St., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walkoud@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8725-7527

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 24.12.2021

Принята 26.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 24.12.2021

Accepted 26.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-558-567

УДК 811.1

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКЛИПОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кудинова О.А., Кудинова В.И.

Цель. Статья посвящена разработке инновационной стратегии обучения посредством использования видеоклипа для улучшения знаний и преодоления трудностей, с которыми сталкивается студент университета при личном или групповом обучении.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляют теоретическое изучение и обобщение научно-методической литературы, анализ результатов экспериментального обучения, обобщение результатов, полученных в ходе проектной деятельности на основе видеоклипов.

Настоящий пилотный проект был осуществлен со студентами 5 курса обучения, изучающими предмет «ПУПР» (Практика устной и письменной речи: Профессиональный уровень). Студенты обладают высоким уровнем знаний и большим интересом к учебе. Особенности предмета также подразумевают высокую степень участия в предлагаемом проекте.

Студентам было предложено несколько “динамических задач”, отражающих ряд комплексных концепций из учебной программы.

Для каждого задания участники разработали сценарий в форме диалога, который был исправлен преподавателем на репетиторских занятиях и использован для создания видеоклипа, в котором студенты должны были разыграть реальную жизненную ситуацию, связанную с предложенными темами. Влияние выполненных задач на группу участников оценивалось с помощью опроса.

Преимущество данного пилотного проекта заключается в том, что для студентов были созданы условия для активного самовыражения личности учащихся, возможности использовать усвоенный языковой материал в соответствии со своими речемыслительными возможностями, свободно участвовать в процессе общения.

Результаты. *Результаты исследования показали, что обучение на основе видеоклипов является полезным инструментом не только для приобретения знаний, но и совершенствования коммуникативных навыков и умений студентами высших учебных заведений.*

Область применения результатов. *Использование видеоклипов в практике обучения иностранным языкам способствует развитию коммуникативных навыков студентов, повышению уровня их мотивации, обеспечивает визуализацию изучаемого материала, эффективность его усвоения.*

Ключевые слова: *обучение на основе видеоклипов; критический анализ; коммуникативные навыки; изучение иностранных языков; высшая ступень образования*

INNOVATIVE LEARNING STRATEGY THROUGH THE USE OF VIDEO CLIPS IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING

Kudinova O.A., Kudinova V.I.

Purpose. *The objective of the study was to design a teaching innovation strategy through learning based on the video-clip to improve knowledge and overcome the difficulties that the university student presents in personal or group learning.*

Methodology. *The research is based on the theoretical study and synthesis of scientific and methodological literature, analysis of the results of experimental training, generalization of the results obtained during project activities based on video clips.*

This pilot project was carried out with 5th-year students studying Practice of oral and written speech: Advanced level. Students have a

high level of knowledge and a great interest in studying. The specifics of the subject also imply a high degree of participation in the proposed project. Students were offered several “dynamic tasks” reflecting a number of complex concepts from the curriculum. For each task, the participants developed a scenario in the form of a dialogue, which was corrected by the teacher during tutoring classes and used to create a video clip in which students had to act out a real-life situation related to the proposed topics. The impact of completed tasks on the group of participants was assessed through a survey.

The advantage of this pilot project is that conditions have been created for students to actively express students’ individual identity, the opportunity to use the acquired language material in accordance with their speech-thinking capabilities, freely participate in the communication process.

Results. *Results showed that video-clip-based learning is a helpful tool not only for the acquisition of knowledge but also for enhancing communication skills and abilities by higher education students.*

Practical implications. *The use of video clips in the practice of teaching foreign languages contributes to the development of students’ communication skills, increases their motivation, provides visualization of the studied material, the effectiveness of its assimilation.*

Keywords: *video clip-based learning; critical analysis; communication skills; learning foreign languages; higher education*

Разработка подходов к обучению, направленных на повышение качества преподавания и адаптацию к новым педагогическим методологиям, которые приносят пользу обучению студентов, представляет собой стратегическую задачу в университетах. В этом смысле педагогические инновации в высшем образовании направлены на внедрение непрерывных и прогрессивных изменений в процесс преподавания и обучения [3].

Традиционная концепция преподавания и обучения основана на мастер-классе, где учитель представляет информацию, которую студент должен изучить и усвоить, структурированным, синтези-

рованным и наглядным образом. В конце предмета знания, полученные студентами, оцениваются с помощью одного теста, как правило, с помощью письменного экзамена. На протяжении всего процесса главным действующим лицом является учитель, в то время как ученики остаются на заднем плане. Однако в настоящее время предлагаются другие методики преподавания, разработанные в университетских аудиториях. Многие из этих методик ориентированы на обучение студентов, поощряя их самостоятельно собирать необходимую информацию для получения знаний по предмету и позволяя им более активно участвовать в учебном процессе. Этот метод известен как “самообучение”.

Обучение на основе проектов – это образовательный подход, который поощряет студентов “learntolearn” и работать в группах. В этой методологии учитель перестает быть единственным носителем знаний, посредником и “мотиватором” для студентов, которые становятся главными действующими лицами процесса преподавания и обучения.

По сравнению с традиционным обучением было доказано, что студенты из среды, где применяется проектное обучение приобретают больше знаний и способны решать проблемы, поскольку этот метод помогает студенту работать относительно автономно и достигать лучших результатов в отношении поставленной проблемы. В результате студенты становятся более вовлеченными в образовательный процесс, более самостоятельными с повышенной концентрацией внимания при выполнении заданий [7]. Некоторыми примерами методов обучения, которые применяют эту систему, являются так называемые «перевернутые классы», где учащиеся сами готовят темы, а затем представляют их под руководством учителя. В более доступной версии они читают тему заранее, чтобы после объяснения в классе можно было задавать вопросы и уточнять их в темпе предмета. Другие педагогические методы используют обучение, основанное на решении проблем или анализа тестов (проблемное обучение), который способствует более глубокому знанию конкретного предмета.

Обучение через развитие компетенций связано с более глубоким, эффективным и длительным обучением, которое легче передается другим. Кроме того, в ближайшем будущем это может быть экстраполировано на профессиональные ситуации, связанные с решением проблем и принятием решений.

В настоящее время разрабатываются многочисленные инновационные методики преподавания, и их адекватная адаптация к университетскому сообществу значительно повысила бы качество обучения. Инновационные методологии сочетаются с применением вспомогательных технологий, которые облегчают участие студентов, стремятся к более привлекательному и мотивирующему обучению, повышая удовлетворенность учащихся по сравнению с традиционными методами обучения [2; 5]. Для этой цели инструменты должны использоваться рационально и согласованно, а не рутинно или некстати, создавая порой ложные ожидания в отношении обучения.

Во многих случаях педагогические инновации фокусируются на создании и применении педагогической поддержки таких технологий, как ИКТ, разнообразных методов геймификации и т.д., которые мотивируют студентов стремиться к более привлекательному обучению. Однако во многих случаях мотивация возникает только в тот момент, когда применяется технология, без последующего индивидуального мониторинга ресурса и влияния, которое он оказал на обучение.

Среди различных технологических ресурсов внедряется метод обучения разработке видео, будучи одним из наиболее эффективных для приобретения знаний. В этом случае учитель ведет урок более конкретным образом и с более скорректированной продолжительностью по отношению к устной презентации, чтобы было время для налаживания интерактивного диалога с учащимися по обсуждаемой теме. Обучение на основе видеоклипов имеет давнюю традицию в качестве метода обучения на учебных занятиях [4; 1] и фактически признано мощным учебным ресурсом для преподавательской деятельности. В видеороликах используется комбинация

изображения и звука, позволяющие студентам визуализировать идеи и показывать информацию и детали, которые трудно объяснить с помощью текста или статических фотографий [6], улучшая затем изучение некоторых трудных для понимания понятий. Кроме того, видеоролики могут привлечь внимание студентов, тем самым мотивируя их. Таким образом, использование видео может привести к лучшим результатам обучения.

Целью этой работы была разработка инновационной стратегии обучения с использованием инструмента в формате коротких видеороликов (обучение на основе видеоклипов) для улучшения знаний и преодоления трудностей, с которыми сталкивается студент университета при личном или групповом обучении. Предлагаемый инновационный метод обучения устанавливает протокол для студентов, основанный на обновлении некоторых сквозных компетенций (понимание, дедукция, соотношение содержания, устное и письменное выражение), позволяющий добиться лучшей передачи полученных знаний. Формат видео поможет узнать качество и глубину содержания, извлеченного из «динамических задач», поставленных перед различными командами студентов, в дополнение к содействию командной работе и совместному обучению.

Исследовательская группа предложила пять «динамических задач», отражающих ряд комплексных концепций из учебной программы, которая ориентирована на более сложные концепции, требующие глубокого изучения для адекватного понимания вопроса. Эти задачи были выполнены в период с марта по май 2021 г. Для каждого задания студенты разработали сценарий в форме диалога, в котором им предстояло разыграть реальную жизненную ситуацию, связанную с предложенными темами. Каждый из сценариев был рассмотрен преподавателем, были внесены необходимые исправления и проведены учебные занятия со студентами, которые были направлены на улучшение понимания полученной информации и должны были разрешить возможные сомнения, прояснить те аспекты, которые не были должным образом поняты, и оценить

знания, полученные студентами в процессе обучения. Из исправленных сценариев студенты создали видеоклипы максимальной продолжительностью 5 минут. Каждое задание, включая сценарий и видео, было выполнено в течение двух недель.

В последний день занятий был проведен семинар, на котором были представлены лучшие видеоролики (всего 10), с целью того, чтобы все студенты могли узнать о работе, сделанной их одногруппниками.

Настоящий пилотный проект был осуществлен со студентами 5 курса обучения, изучающими предмет «ПУПР» (Практика устной и письменной речи: Профессиональный уровень). Студенты обладают высоким уровнем знаний и большим интересом к учебе. Особенности предмета также подразумевают высокую степень участия в предлагаемом проекте.

Задания (сценарии, их обзор, учебные пособия и разработка видеоклипов) были разработаны в обычном режиме, хотя следует отметить, что некоторые студенты были более гибкими в их выполнении, чем другие.

Невозможно сделать вывод, было ли это вызвано отсутствием возможностей или большей или меньшей заинтересованностью в участии, т.к. данные различия обусловлены творческими способностями студентов. Некоторые из них были очень креативны, и это проявлялось во всех выполняемых заданиях. Напротив, другие студенты выполняли задания монотонным и непривлекательным способом.

Что касается понимания предметов, важно отметить, что иногда студенты отражают концептуальные ошибки в сценариях и не осознают этого. Исправления преподавателем, объяснение на учебных занятиях и последующее переписывание сценария приводят студентов к укреплению своих знаний. Из этого следует полезность и важность активной роли преподавателя в их обучении.

Таким образом, разработка мини-видеороликов является адекватной техникой для содействия автономному и совместному обучению.

В заключении, можно сделать вывод, что видео-клип-ориентированное обучение является полезным инструментом, чтобы содействовать приобретению знаний, критическому анализу и коммуникативным навыкам и способностей студентов высших учебных заведений. Лучшее усвоение содержания образования и навыки, приобретенные студентами, подтверждают полезность видео-клип-ориентированного обучения в качестве дополнительной педагогической модели университетского образования.

Список литературы

1. Кудинова О.А., Кудинова В.И. Работа с видеоматериалами на занятиях по иностранному языку во время дистанционного обучения // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5-3. С. 46-55.
2. Кудинова О.А. Современные интернет-технологии как метод обучения говорению в период дистанционного обучения // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: НИЦ. 2020. Т. 12, № 6. С. 119-132.
3. Boyd V., Sampson A. Foundation versus innovation: Developing creative education practitioner confidence in the complex blended learning and scope// Professional Development in Education. 2016. Vol. 42. № 3, pp. 502-506.
4. Hovland C.I., Lumsdaine A.A., Sheffield F.D. Experiments on mass communication // Studies in social psychology in World War II. 1949. Vol. 3, 345 p.
5. Kudinova V., Kudinova O., Kondratenko N. Digital humanities as a way of teaching disciplines of philological series // ICERI2021 Proceedings, 2021, pp. 3846-3851.
6. Sherin M.G., van Es E.A. Effects of video club participation on teachers' professional vision // Journal of Teacher Education. 2009. Vol. 60. № 1, pp. 20-37.
7. Walker A., Leary A. Problem based learning Meta Analysis: Differences across problem types, implementation types, disciplines and assessment levels // The Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning. 2009. Vol. 3. № 1, pp. 12-43.

References

1. Kudinova O.A., Kudinova V.I. Rabota s videomaterialami na zanyatiyah po inostrannomu yazyku vo vremya distancionnogo obucheniya [Video materials in foreign language classes in distance learning]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Contemporary studies on social problems], 2020, vol.12, no. 5-3, pp. 46-55.
2. Kudinova O.A. Sovremennye internet-tehnologii kak metod obucheniya govoreniyu v period distancionnogo obucheniya [Video materials in foreign language classes in distance learning]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Contemporary studies on social problems]. Krasnoyarsk: NIC, 2020, vol. 12, no. 6, pp. 119-132.
3. Boyd V., Sampson A. Foundation versus innovation: Developing creative education practitioner confidence in the complex blended learning and scope. *Professional Development in Education*, 2016, vol. 42, no. 3, pp. 502-506.
4. Hovland C.I., Lumsdaine A.A., Sheffield F.D. Experiments on mass communication. *Studies in social psychology in World War II*, 1949, vol. 3, 345 p.
5. Kudinova V., Kudinova O., Kondratenko N. Digital humanities as a way of teaching disciplines of philological series. *ICERI2021 Proceedings*, 2021, pp. 3846-3851.
6. Sherin M.G., van Es E.A. Effects of video club participation on teachers' professional vision. *Journal of Teacher Education*, 2009, vol. 60, no. 1, pp. 20-37.
7. Walker A., Leary A. Problem based learning Meta Analysis: Differences across problem types, implementation types, disciplines and assessment levels. *The Interdisciplinary Journal of Problem Based Learning*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 12-43.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кудинова Ольга Андреевна, ассистент кафедры английского языка,
магистр
*Тульский государственный педагогический университет им.
Л.Н. Толстого*

*пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская
Федерация
walwow@bk.ru*

Кудинова Валентина Иосифовна, заведующая кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент
*Тульский государственный педагогический университет им.
Л.Н. Толстого
пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская
Федерация
walkoud@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Kudinova, Assistant Lecturer, Department of the English Language, MA
*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin St., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walwow@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9731-8389*

Valentina I. Kudinova, Head of the Department of the German Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin St., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walkoud@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8725-7527*

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 18.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 18.12.2021

Accepted 25.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-568-583

УДК 27+008

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ХРИСТИАНСТВА И БУДДИЗМА

Бобырева Е.В., Дмитриева О.А.

В статье рассматривается динамика и проводится сопоставление ценностей христианства и буддизма, лежащих в основе теологических концепций данных мировых религий и демонстрирующих мировоззренческие и моральные приоритеты людей, исповедующих указанные религии. Предлагаемая тематика представляется актуальной, поскольку рассматриваемая в статье проблема и полученные результаты исследования раскрывают различие в менталитете народа, исповедующего определенную религию и, как следствие, могут снять некоторые трудности, возникающие в процессе общения людей, исповедующих разные религии.

Целью проводимого исследования является выявление культурных ценностей, лежащих в основе двух мировых религий, определение причин и направлений исторической динамики указанных ценностей, а также влияние ценностей определенной религии на функционирование общества.

В ходе проведения исследования использовались: метод семантического и контент-анализа, концептологический анализ и дискурс-анализ.

Исследование показало, что к числу традиционных христианских ценностей относятся: вера, добро (доброта), любовь, милосердие, скромность, всепрощение, чистота нравов, Бог (божественное). На современном этапе развития общества христианские ценности претерпели изменения, и в настоящее время на первый план вышли такие, как жизнь, истина, добро. Также современное христианство к числу ценностей относит патриотизм, свободу и семейные ценности. Буддизм исторически к разряду ценностей относит ориентиры, опре-

деляющие основы жизни человека: правильные взгляды, правильные намерения, правильную речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильные усилия, правильное внимание. На современном этапе развития общества на первый план выступают видоизмененные ценности буддизма: очищение разума и развитие мудрости, сострадание, закон кармы и перерождения. В современном буддизме ценностями выступают комплексные понятия, которые предполагают наличие у человека нравственных качеств. Результаты исследования показали, что ценности буддизма исторически оказались подвержены большим изменениям по сравнению с ценностями христианства.

Ключевые слова: *социум; социальная среда; религиозная система; ценности; ценностные ориентиры; динамика ценностей*

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CHRISTIANITY AND BUDDHISM VALUES

Bobyreva E.V., Dmitrieva O.A.

The article considers dynamics and carries out comparison of significant valuable guidelines of Christianity and Buddhism which form the basis of theological conceptions if these world religions and demonstrate ideological and moral priorities of people professing these religions. The issues under consideration are of relevance as the problem considered in the article and reacquired results of the survey reveal the difference in the mentality of people confessing definite religion and as a result can remove difficulties arising in the process of communication of people sharing different religious views.

The aim *of the carried investigation is to identify values forming the basis of the two of the world's principal religions. To determine causes and main directions of historical dynamics of the pointed values as well as influence of the values of a certain religion on the society's functioning.*

In the process of conducting research the following methods were used: semantic and content analysis method, conceptual analysis and discourse analysis.

The study showed that the following values can be referred to traditional Christian values: faith, good (kindness), love, mercy, modesty, forgiveness, purity of morals, God. At the present stage of social development Christian values have undergone changes, and at present such values as life, truth, and good have come to the fore. Besides, modern Christianity refers to values such notions as patriotism, freedom and family values. Buddhism historically refers to the category of values the guidelines determining foundations of human life: correct views, correct intentions, correct speech, correct behavior, correct lifestyle, correct efforts, correct attention. At the present stage of social development modified values of Buddhism come to the forefront: cleansing the mind and developing wisdom, compassion, the law of karma and rebirth. In modern Buddhism, values present complex concepts implying that a person has particular moral qualities. The results of the study showed that Christian values have been kept unchanged, while values of Buddhism have been subject to changes under the influence of changing historical conditions.

Keywords: *society; social environment; religious system; values; value reverence points; dynamics of values*

Введение

Поднимаемая в статье проблематика – сравнительная характеристика ценностей христианства и буддизма – представляется *актуальной*, поскольку ценности, формируемые исповедуемой в каждом конкретном социуме религией, составляют идеологическую и культурную основу данного общества. Выявление и исследование ценностных ориентиров может помочь понять как основы данного социума, так и его взаимодействие с другими социальными системами, что, в свою очередь, поможет избежать конфликтов и способствовать улучшению качества взаимодействия между членами данного социума. Выполненное исследование обладает *научной новизной*, поскольку сравнительная характеристика ценностей христианства и буддизма еще не выступала предметом отдельного научного исследования. *Объектом* исследования выступает языковая репрезентация ценностей в текстах христианского и

буддистского вероучений. Несмотря на существующие работы по аксиологической лингвистике, в которых представлены результаты исследований отдельных моментов христианских и буддистских текстов (Ф.И. Буслаев [3], М. Вайс [4], В.И. Гараджа [5], У. Джеймс [7], В.И. Карасик [9], С.Е. Кривых [10], Дж. Мердок [12], Н.Б. Мечковская [13], К.И. Никонов [14], Г. Риккерт [15]), нет исследований, в которых бы были представлены результаты сравнительного анализа ценностей двух рассматриваемых мировых религий, что подтверждает актуальность и новизну проводимого исследования. *Целью* работы является проведение сравнительного анализа ценностных систем христианства и буддизма. Достижению поставленной цели способствует решение поставленных в статье *задач*: а) определить специфику религиозных ценностей, б) выявить основные ценности, лежащие в основе христианского вероучения, проследить динамику их развития и особенности функционирования на современном этапе развития общества, в) выявить базовые ценности буддизма и определить степень их изменения (трансформации), г) установить степень изменения ценностей каждой из рассматриваемых мировых религий и определить влияние социальных причин на качество подобных изменений.

Религиозные ценности можно определить как устойчивое убеждение в том, что определенная модель поведения человека или конечная цель его существования является единственно предпочтительной с социальной и личностной точек зрения, нежели отличный способ поведения или иная цель существования. Ценности, в частности, общечеловеческие ценности (к числу которых относятся и религиозные ценности) могут быть представлены как универсальные феномены культуры, обладающие функциональной общностью (они удовлетворяют жизненно важные потребности человека и общества – выживание, приспособление к среде и т.п.) [8].

Материалы и методы: материалом исследования послужили текстовые образцы канонических произведений христианства и буддизма, а также выборка из современных публицистических текстов, демонстрирующих ценностные приоритеты современного об-

щества. В качестве *методов* исследования в ходе написания статьи использованы такие методы как метод семантического и контент-анализа, концептологический анализ и дискурс-анализ.

Результаты обсуждения

Ценности и ценностные приоритеты занимают центральное место как в жизни каждого человека, так и нации или определенной группы в целом. Религиозные ценности занимают центрально место в системе ценностей любого народа, формируя основу норм и правил жизни человека. Определение и классификация религиозных ценностей формируется в эпоху Средневековья. В начале средневекового периода Августин Аврелий, известный раннехристианский мыслитель, разработал иерархию религиозных ценностей. С точки зрения Августина: «Бог является абсолютной творческой силой, он содержит цели своей деятельности в себе» [6, с. 226]. Августин характеризует Бога как высшее благо, придающее благодать всему остальному, как абсолютное блаженство, справедливость и нравственный закон. Божественные заповеди не нуждаются в проверке на истинность, их божественное происхождение является залогом их истинности.

Выражение «христианские ценности» возникает в начале XX в. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта [2]. По мнению Ю.С. Гаранова, религиозные (христианские) ценности – «абсолютные духовно-нравственные источники обретения личностью (человеком) связи с трансцендентным, достижения высшей формы совершенствования, благодати, спасения (освобождения), духовного бессмертия, мистического знания» [6, с. 50]. Проводя классификацию христианских ценностей, Ю.С. Гаранов выделяет: 1) религиозно-онтологические ценности (Бог, бытие, природа как творение Бога); 2) религиозно-антропологические ценности (человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, благодать, спасение и т.п.); 3) религиозно-этические ценности (благо, любовь к ближнему и к своему врагу, непротивление злу, прощение,

страдание, мученичество, святость, добродетель); 4) религиозно-эстетические ценности (красота как отражение Бога, прекрасное как форма добра) – наделенные сакральным, мистическим смыслом высшие качества чувственно-образного отношения человека к миру; 5) религиозно-когнитивные ценности (Священное Писание и Предание, молитвенные практики); 6) религиозно-символические ценности (икона, богослужение, молитва, обряды и ритуалы); 7) религиозно-социальные ценности (церковь, христианская община, соборность, государство, человечество) [Там же, с. 50-51].

Для определения основного списка ценностей, которые постулирует христианское вероучение, нами были проанализированы фрагменты Библии (как Ветхого, так и Нового Завета – в частности, Евангелие от Иоанна, от Матфея, от Луки, Псалмы, а также Книга Иова). Всего было проанализировано 600 страниц текста. В результате сплошной выборки было отобрано 220 текстовых фрагментов, содержащих выражение ценностей примеры. Дальнейший анализ позволил установить, что к числу основных христианских ценностей могут быть отнесены такие, как вера: *«Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша»* (Библия, Евангелие от Иоанна, 5: 4); добро / доброта: *«Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек»* (Библия, Псалтирь, 33: 15); *«Верному другу нет цены, и нет меры доброте»* (Библия, Мудрость Иисуса Сираха, 6: 15); любовь: *«Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога»* (Библия, Евангелие от Иоанна, 4: 7-8), милосердие: *«Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд»* (Библия, Евангелие от Луки, 6: 36), скромность (*«Но мудрость, сходящая свыше, чиста, потом смирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»*) (Библия, Евангелие от Иакова, 3: 17), всепрощение, чистота нравов: *«Вера избавит и небезвинного, и он спасется чистотою рук твоих»* (Библия, Книга Иова, 22: 30); в число ценностей представляется оправданным отнести и такую

ценность как Бог (божественное). Высшие религиозные ценности – это ценности, посредством которых человек приобщается к Богу, низшие – те, которые отдаляют человека от Бога. Посредством высших ценностей личность получает возможность трансценденции, выхода за пределы своего частного существования, возвышения над ними [11]. Хотя ценностная картина христианства не ограничивается вышеуказанными категориями, перечисленные ценности составляют понятийную базу данного учения и передают его своеобразие в сопоставлении с другими мировыми религиями.

Несмотря на то, что религиозные ценности представляют собой наиболее фундаментальную часть любой культуры и социума, разделяющего основы данного религиозного вероучения, на протяжении развития социума значимость каждой из них изменяется. Ряд христианских ценностей сохраняют свою значимость в неизменном виде на протяжении тысячелетий (жизнь, добро (доброта), истина, любовь), другие же, сохраняя статус «ценности», на данном этапе общественного развития отходят на второй план, оставаясь значимыми лишь для определенной социальной группы.

Для определения значимости базовых ценностей христианства на современном этапе общественного развития нами был проведен опрос информантов (45 человек). Для опроса (с целью чистоты проводимого эксперимента) были отобраны лица с разной степенью воцерковленности, условно разделенные нами на воцерковленных (знающие и соблюдающие основные религиозные традиции и требования, регулярно помещающие церковь – 21 человек) и невоцерковленных (посещающие храм время от времени, как дань моде или существующей традиции – 24 человека); кроме того, для чистоты эксперимента в каждой из опрашиваемых групп были люди разных возрастных категорий (молодые люди, люди среднего возраста и пожилые люди – одинаковое в пропорциональном отношении количество).

Результаты опроса показали, что на современном этапе социального развития наиболее устойчивыми оказались ценности, связанные с базовыми понятиями: жизнью, истиной, добром. Кроме того, значимость базовых христианских ценностей различна для

представителей различных возрастных групп и лиц с разной степенью воцерковленности (данные результаты были получены нами в результате опроса информантов разного возраста и разной степени воцерковленности). По результатам опроса был определен набор ценностей для каждой из групп. Таким образом, было выявлено, что для людей верующих (воцерковленных), практически все христианские ценности дошли до наших дней в неизменном виде, сохранив свою значимость. Группой, условно обозначенной как «невоцерковленные», к числу ценностей в настоящее время отнесены жизнь, добро, истина, сострадание; для данной группы не имеют ценностной значимости Бог (божественное), вера, милосердие, бедность (пренебрежение материальными благами), скромность, страдание, смирение, всепрощение, чистота нравов. Что касается распределения ценностных приоритетов в различных возрастных группах, то группой «молодые люди (молодежь)», к числу ценностей отнесены жизнь, добро (доброта), истина; остальные базовые христианские ценности не получают ценностной маркировки. Людями среднего возраста к числу ценностей относятся Бог (божественное), вера, жизнь, добро (доброта), истина, милосердие, сострадание. Люди старшего возраста отмечают наличие ценностной маркировки у основных христианских понятий и положений. Ценностную маркировку у всех категорий информантов получают понятия «жизнь», «добро (доброта)», «истина». Таким образом, такие христианские категории, как жизнь, добро (доброта), истина сохраняют непреходящую ценность на протяжении многих тысячелетий. С развитием общества и культуры изменяется осознание внутренней сущности указанных понятий, но отнесение их к числу ценностей сохраняется. Например, такое ценностно окрашенное понятие как любовь также относится к категории ценностей. Однако разные группы информантов отмечают значимость разных смысловых планов данной ценности. Компоненты «любовь к другому (другу, врагу)» и «любовь к Господу» максимально значимы в ценностном плане для верующих, а также для людей более старшей возрастной группы; компонент «любовь к себе» демонстрирует

максимальную значимость для информантов более молодого возраста и для людей невоцерковленных (неверующих).

В отличие от христианства буддизм выступает не только религиозной концепцией, но и сложной философской системой. Особенности философии буддизма определяют специфику ценностей, составляющих основу данного религиозного учения. Если в христианстве ценности более или менее «осязаемы», конкретны, то в буддизме к разряду ценностей оказываются отнесены некие ориентиры, определяющие основы жизни последователя буддистского вероучения. В число ценностей буддизма включены следующие: 1) правильные взгляды человека (*«То, что мы есть сегодня – это следствие наших вчерашних мыслей, а сегодняшние мысли создают завтрашнюю жизнь. Жизнь – это всего лишь порождение нашего разума»*) (Трипитака, Книга 2, с. 157); *«Мысли – предтеча состояний. Если кто-либо поступает или говорит, и мысли его не добры, страдание следует за ним, как колесо следует за копытом буйвола и т.п.»* (Трипитака, Книга 2, с. 203); 2) правильная решимость (намерения): *«Нет ничего, за что стоило бы держаться. Если вы освободитесь от всего – от предметов, от понятий, от учителей, от Будды, от «я», от внешних чувств, от воспоминаний, от жизни, от смерти, от свободы. Тогда все страдания прекратятся. Мир проявится в своей священной самосущей природе, и вы почувствуете свободу Будды»* (Трипитака, Книга 1, с. 58); 3) правильная речь: *«Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же. Раздраженная речь неприятна, и возмездие может коснуться тебя»* (Трипитака, Книга 2, с. 101); *«Лжесловие вызывает отпор, злословие – ссору с друзьями, в ответ на грубые слова услышишь неприятное о себе, в ответ на праздные разговоры – непочтительную речь»* (Трипитака, Книга 2, с. 187); 4) правильное поведение (действия): *«Азартные игры, веселые гулянки, лень. Друзья с дурными наклонностями, пьянство и ночные прогулки – забудь эти шесть времяпрепровождений, которые приводят к утрате доброго имени и рождению в низких состояниях»; «Прекрати убивать, красть, распутничать, лгать, пьянствовать, есть, когда*

попало, наслаждаться мягкими постелью и сиденьем, радоваться песням, танцам, украшениям»; «Хорошенько запомни, что самонадеянность и сожаление, мстительность, вялость и безразличие, привязчивость, сомнение – суть пять препятствий добродетели, которые, словно воры, крадут ее богатства» (Трипитака, Книга 3, с. 205); 5) правильный образ жизни: «О пятикратном счастье молиться ты должен повторяя горячо: жизнь долгая, богатство и здоровье, святая добродетель и еще – смерть в старости на мирном изголовье...» (Трипитака, Книга 1, с. 237), «Твори добро и благостное Небо тебя и осчастливит, и возвысит.... лишь непорочным чувствам дай дорогу, лишь в истинном живи первоначале. Тогда покой ты обретишь душевный, где нет земных желаний и стремлений, и лишь тогда наверняка избежишь всех бесконечных перевоплощений» (Трипитака, Книга 2, с. 48); 6) правильные усилия: «Я не оставлю свои усилия, пока я не достиг того, что достижимо человеческим старанием, усердием и усилием» (Трипитака, Книга 3, с. 18); «Подобно струнам музыкального инструмента, усилия не должны быть слишком напряженными, слишком нетерпеливыми, слишком слабыми. Если они целостные, то всегда приводят к стабильной и жизнерадостной решимости» (Трипитака, Книга 3, с. 35). Как видим, в отличие от ценностей христианства ценности буддизма основываются на неких требованиях к человеку, его жизни и поведению.

Постулируемые буддизмом ценности, на первый взгляд, кардинально отличаются от тех, которые выдвигаются христианством, однако не следует полагать, что буддизм отвергает или не уделяет внимания указанным понятиям (моральным и нравственным ценностям указанным сущностям). Как и другие мировые религии, буддизм к числу ценностей также относит такие вечные понятия как щедрость, смирение, истину, мудрость, нравственную чистоту, терпение, решимость, совершенствование, скромность, стыдливость и некоторые другие. Буддизм определяет данные понятия как «моральные добродетели». Указанные добродетели оказываются включены в буддизме в рассмотренные выше группы ценностей.

Так, правильные взгляды предполагают наличие у человека сосредоточенности, «проникновенной мудрости»; правильные намерения – щедрости; правильная речь – мудрости, искренности; правильное поведение – смирения, нравственной чистоты, скромности; правильный образ жизни – веры, терпимости; правильные усилия – самосовершенствования; правильное внимание – мудрости и сосредоточения на должном, умение разграничить истину и ложь, добро и зло; правильное сосредоточение – сосредоточенного созерцания.

Таким образом, нравственные ценности, постулируемые другими религиями, не «потеряны» в буддизме, они лишь оказываются «завернуты» в сложные философские понятия – что еще раз показывает и доказывает существующую в настоящее время трактовку буддизма не только и не столько как религии, но и как философии.

Вероучение буддизма на современном этапе развития претерпело некоторые изменения. Современный буддизм основывается на следующих основных заповедях: 1) избегать убийства живых существ; 2) не брать того, что не дано (иногда отождествляется с запретом кражи); 3) избегать чувственных излишеств (недолжное сексуальное поведение, прелюбодеяние); 4) избегать ложных речей (обмана); 5) избегать приема веществ, вызывающих опьянение. Буддизм не делает акцента на семейных ценностях (практически отсутствует ритуал бракосочетания). Главным этическим идеалом буддизма выступает сострадание.

Анализ ценностей современного буддизма (для проведения которого был проведен опрос информантов – 10 человек, являющихся последователями вероучения буддизма) показал, что на данном этапе развития общества на первый план выступают такие ценности, как развитие мудрости (внутреннее совершенствование), сострадание, а также возможность следовать закону кармы (перерождения). Таким образом, в современном буддизме, как и в традиционном, ценностями выступают некие комплексные понятия, однако, как и в традиционном буддизме, данные понятия предполагают наличие у человека определенных нравственных качеств, имеющих непреходящую ценность.

Говоря о развитии и изменении религиозных ценностей, отметим, что особенностью современных христианских ценностей является то,

что в целом сохраняя свою ценностное значение, каждое из рассмотренных понятий, сохраняет значимость для определенной социальной группы. В ценностной системе буддизма произошли некоторые изменения. Первоначально заложенные в вероучении буддизма ценности – правильные взгляды человека, правильная решимость (намерения), правильная речь, правильное поведение (действия), правильный образ жизни, правильные усилия, правильное внимание, правильное сосредоточение (концентрация), представляющие собой некие «предписания» человеку – оказались «сжать» до результата, к которому они в конечном итоге призваны привести человека: очищение разума и развитие мудрости, сострадание и соблюдение закона кармы и перерождения. Такое положение может быть объяснено особым характером буддизма, который относят к числу этических философских учений. Подобный характер религиозной концепции буддизма делает ее более гибкой к любым социальным изменениям. Тогда как основные положения религиозной философии буддизма остаются неизменными – закон кармы и перерождения – распределение акцентов на конкретных ценностных компонентах может несколько изменяться.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что к числу традиционных христианских ценностей относятся вера, добро (доброта), любовь, милосердие, скромность, всепрощение, чистота нравов, божественное (Бог). С развитием общества и культуры изменяется осознание внутренней сущности указанных понятий. Ряд христианских ценностей сохранили свою значимость на протяжении тысячелетий (жизнь, добро\доброта, истина, любовь), другие же, сохраняя статус «ценности», на данном этапе постепенно отходят на второй план, оставаясь значимыми для определенной социальной группы.

Специфика ценностей буддизма объясняется особенностями философии данного религиозного учения. Если в христианстве ценности «осозаемы», буддизм к разряду ценностей относит некие ориентиры, которые предопределяют жизнь последователя буддистского вероучения: правильные взгляды человека, правильная решимость

(намерения), правильная речь, правильное поведение (действия), правильный образ жизни, правильные усилия, правильное внимание, правильное сосредоточение (концентрация). В отличие от ценностей христианства, ценности буддизма представляют собой требования к человеку, его жизни и поведению.

Говоря о развитии и изменении религиозных ценностей, отметим, что особенностью современных христианских ценностей является то, что в целом сохраняя свой ценностный потенциал, каждое из рассмотренных понятий остается значимым для определенной социальной группы. В ценностной системе буддизма произошли некоторые изменения: первоначально заложенные в вероучении буддизма ценности – правильные взгляды человека, правильная решимость (намерения), правильная речь, правильное поведение (действия), правильный образ жизни, правильные усилия, правильное внимание, правильное сосредоточение (концентрация), представляющие собой некие «предписания» человеку – оказались «сжаты» до результата, к которому они должны привести человека: очищение разума и развитие мудрости, сострадание, соблюдение закона кармы и перерождения.

Перспективами проведенного исследования может стать рассмотрение ценностных ориентиров конкретного социума, в котором оказываются переплетены ценности различных религиозных вероучений (поскольку любой социум представляет собой полирелигиозное культурное образование); а также исследование динамики ценностной картины конкретного социума на протяжении определенного периода его развития.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1973. 2392 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
3. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М.: Университетская типография, 1848. 212 с.

4. Вайс М. Библия и современное литературоведение: Метод целостной интерпретации. М.: Мосты культуры, 2001. 445 с.
5. Гараджа В.И. Религиоведение. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
6. Гаранов Ю.С. Христианские ценности в современном отечественном кинематографе: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Астрахань, 2014. 17 с.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
8. Доусон К.Г. Религия и культура. СПб.: Алетейя, 2000. 281 с.
9. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5-19.
10. Кривых С.Е. Аксиология мировых религий: сравнительная типология ценностных структур: Дис. ... канд. фил. наук. Армавир: Армавирский православно-социальный ин-т, 2009. 174 с.
11. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
12. Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 49-57.
13. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
14. Никонов К.И. Современная христианская антропология. М.: Изд-во МГУ, 1983. 184 с.
15. Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып.1. М.: Логос, 1994. С. 27-36.
16. Типитака // Антология мировой философии: В 4 т. М.: Наука, 1969.

References

1. *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisanya Vethogo i Novoho Zaveta* [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Brussels: Life with God Publ., 1973, 2392 p.
2. Bobyreva E.V. *Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (on the material of Orthodox creed)]. Volgograd: Peremena, 2007, 375 p.

3. Buslaev F.I. *O vliyanii christianstva na slavyanskiy yazyk* [On the influence of Christianity on the Slavic language]. Moscow: Universitetskaja tipografija, 1848, 212 p.
4. Wais M. *Bibliya i sovremennoe literaturovedenie: Metod tselostnoy interpretatsii* [Bible and modern literary criticism: Method of holistic interpretation]. Moscow: Mosty kul'tury, 2001. 445 p.
5. Garadzha V.I. *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow: Aspekt Press, 1995, 351 p.
6. Garanov Y.S. *Christianskie tsennosti v sovremennom otechestvennom kinematographe* [Christian values in modern domestic cinema art]. Abstract of PhD dissertation. Astrakhan, 2014, 17 p.
7. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [Diversity of religious experience]. Moscow: Nauka, 1993, 432 p.
8. Dawson K.G. *Religiya i kultura* [Religion and culture]. St. Petersburg: Aleteya, 2000, 281 p.
9. Kaeasik V.I. Religiozniy diskurs [Religious discourse]. *Yazykovaya lichnost: problem lingvokulturologii i funktsionalnoy semantiki* [Linguistic personality: problems of linguoculturology and functional semantics]. Volgograd: Peremena, 1999, pp. 5-19.
10. Krivykh S.E. *Aksiologiya mirovykh religiy: sravnitel'naya tipologiya tsennostnykh struktur* [Axiology of world religions: comparative typology of value structures]. PhD dissertation. Armavir, 2009, 174 p.
11. Malinovsky B. *Izbrannoe: Dinamika kultury*. [Selected works: Dynamics of culture]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 960 p.
12. Merdok G. Fundamentalnye charakteristiki kultury [Fundamental characteristics of culture]. *Antologiya issledovaniy kultury* [Anthology of culture investigations]. St. Petersburg.: Universitetskaja kniga, 1997, pp. 49-57.
13. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow: FAIR, 1998, 352 p.
14. Nikonov K.I. *Sovremennaya christiabskaya antropologiya* [Modern Christian anthropology]. Moscow: MSU Publ., 1983, 184 p.
15. Rikkert G. Tsennosti zhizni i kulturnye tsennosti [Values of life and cultural values]. *EON*, vol. 1. Moscow: Logos, 1994, pp. 27-36.
16. Tripitaka [Tripitaka]. *Antologiya mirovoy filosofii* [Anthology of the world philosophy]. 4 vol. Moscow: Nauka, 1969.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бобырева Екатерина Валерьевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
*Волгоградский государственный социально-педагогический
университет*
пр. Ленина, 27, Волгоград, 400066, Российская Федерация
new_life@mail.ru

Дмитриева Ольга Александровна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
*Волгоградский государственный социально-педагогический
университет*
пр. Ленина, 27, Волгоград, 400066, Российская Федерация
dtoa@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Bobyрева, Doctor of Philological Sciences, Professor of
the English Philology Department
Volgograd State Social Philological University
27, Lenin Ave., 27, Volgograd, 400066, Russian Federation
new_life@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0359-5751
SPIN-code: 3904-4196

Olga A. Dmitrieva, Doctor of Philological Sciences, Professor of the
English Philology Department
Volgograd State Social Philological University
27, Lenin Ave., 27, Volgograd, 400066, Russian Federation
dtoa@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0422-9780
SPIN-code: 7011-9024

Поступила 27.09.2021

После рецензирования 19.10.2021

Принята 09.11.2021

Received 27.09.2021

Revised 19.10.2021

Accepted 09.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-584-591

УДК 81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ С СУБТИТРАМИ ПРИ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Фомиченко А.С.

***Актуальность исследования.** Просмотр фильмов с субтитрами является значимым инструментом при изучении английского языка, т.к. он максимально приближен к языковой реальности. Видео включает в себе зрительные образы и нужный аудиоматериал, что делает процесс запоминания новой лексики эффективным и легким. Данная работа направлена на выявление особенностей использования аутентичных фильмов с субтитрами, в частности на приобретение и обогащение словарного запаса студентов.*

***Цель исследования.** Целью исследования является выявление специфики использования аутентичных фильмов на английском языке с субтитрами при работе со студентами в процессе изучения новой лексики.*

***Методы.** Основу исследования образуют следующие методы: теоретический анализ зарубежных источников, обобщение, систематизация.*

Результатом исследования является подтверждение гипотезы о том, что просмотр фильмов на английском языке с субтитрами может быть полезным инструментом в процессе приобретения и обогащения словарного запаса студентов высших учебных заведений при условии, что учитывается их уровень владения языком, а также частота просмотра аудиоматериала.

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены в практике преподавания и быть использованы на занятиях по иностранному языку в высших учебных заведениях.*

***Ключевые слова:** фильмы; субтитры; английский язык; лексика; студенты*

**USE OF AUTHENTIC FILMS
WITH SUBTITLES IN THE PROCESS OF LEARNING
NEW VOCABULARY IN HIGHER EDUCATION SECTOR
(AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)**

Fomichenko A.S.

***Background.** Watching movies with subtitles is a significant tool when learning English, as it is as close as possible to the language reality. The video contains visual images and the necessary audio material, which makes the process of memorizing new vocabulary effective and easy. This work is aimed at identifying the features of using authentic films with subtitles, in particular, at acquiring and enriching the vocabulary of students.*

***Aim of the study.** The purpose of the study is to identify the specificity of using authentic films in English with subtitles when working with students in the process of learning new vocabulary.*

***Methods.** The research is based on the following methods: theoretical analysis of foreign sources, generalization, and systematization.*

***The result of the study** is a confirmation of the hypothesis that watching movies in English with subtitles can be a useful tool in the process of acquiring and enriching the vocabulary of students of higher institutions, provided that their level of language proficiency is taken into account, as well as the frequency of viewing audio material.*

***Practical implications.** The results obtained can be applied in teaching practice and used in foreign language classes in higher institutions.*

***Keywords:** films; subtitles; English language; lexis; students*

Изучение новой лексики играет значительную роль в обучении иностранному языку, особенно в процессе совершенствования коммуникативных навыков студентов. Независимо от того, насколько хорошо обучающийся усваивает грамматику, успешно осваивает звуки изучаемого языка, без слов, выражающих широкий диапазон значений, общение на иностранном языке будет вызывать затрудне-

ние. Поскольку большинство студентов, изучающих язык, стремятся развить успешные коммуникативные навыки, им необходимо выучить достаточно слов и выражений, а также знать, как правильно их использовать. Кроме того, размер словарного запаса обучающихся в большинстве случаев определяет их языковое мастерство и позволяет свободно общаться и понимать аутентичные тексты [5; 8; 14].

В результате быстрого развития цифровых технологий изучение иностранного языка, в частности новой лексики, значительно улучшилось в последние годы. Особый вклад вносят мультимедийные средства, представляющие студентам широкий спектр аутентичных материалов. Среди аудиовизуальных источников распространенным инструментом в приближении обучающихся к подлинной коммуникативной среде считается просмотр фильмов с субтитрами.

Так, например, Р. Майер утверждает, что просмотр видео на английском языке с субтитрами стимулирует обучающихся обращать внимание на неизвестную лексику, что, по его мнению, является первым шагом в процессе ее усвоения [7]. Подобной точки зрения придерживаются М. Веске и С. Парибахт, которые считают, что при просмотре фильмов студенты обращают внимание на новую лексику, т.к. она необходима для понимания услышанного [16]. Согласно М. Данан, повторение одних и тех же слов, представленное субтитрами, также приносит пользу в процессе приобретения словарного запаса [2]. С. Форнбери, в свою очередь, подчеркивает, что, в отличие от изучения грамматики, словарный запас является предметом запоминания, поэтому регулярное представление обучающимся одних и тех же слов при просмотре видео приводит к его увеличению без сознательных усилий со стороны студентов [14]. Отметим и теорию двойного кодирования А. Павио, согласно которой изображения ассоциируются со значением и количество сигналов, связанных с сообщением, увеличивается, в результате чего обучающиеся с большей вероятностью запоминают информацию [10].

Из выше сказанного следует, что студенты во время просмотра фильмов на английском языке с субтитрами подвергаются воздействию трех независимых систем: изображения, звука и текста. Таким

образом, субтитры к фильмам обеспечивают сочетание аудио- и визуальной стимуляции, вербальной и невербальной коммуникации. В таких условиях усвоение словарного запаса происходит спонтанно, т.к. содержание материала понимается путем обращения к разговорной речи, с которой обучающиеся не знакомы [4; 11; 12; 15].

В целом теоретический анализ зарубежной литературы по проблеме влияния просмотра фильмов на английском языке с субтитрами, нацеленного на приобретение и увеличение словарного запаса студентов, продемонстрировал огромный интерес исследователей к данной теме.

Так, например, в работе П. Маркам, Л. Питер и Т. Маккарти изучалось использование субтитров при просмотре видео на родном языке (английском), а также их полное отсутствие. Результаты письменного конспекта и многовариантного теста показали, что отсутствие субтитров существенно затрудняло понимание студентами английского языка. Отметим, что обучающиеся, которые смотрели видео с субтитрами на родном языке, показали лучшие результаты [6].

Подтверждает вышесказанное и исследование, в котором студентам было предложено посмотреть мультипликационный фильм «Тарзан». Первая группа испытуемых смотрела его с субтитрами, вторая группа – без них. В результате эксперимента было выявлено, что субтитры помогли студентам вспомнить и понять историю [9].

Не менее интересным, на наш взгляд, является исследование Дж. Чаи и Р. Ерлана, в ходе которого участники эксперимента были разделены на две группы: первая группа смотрела короткий видеоряд с субтитрами, вторая – то же самое, но без них. Анализ полученных данных подтвердил положительную корреляцию между наличием субтитров и изучением неизвестных слов и фраз. В ходе интервью испытуемые позитивно отзывались об использовании видео с субтитрами в контексте изучения языка. Обратим внимание, что большинство студентов из первой группы отмечали, что при просмотре видео они уделяли внимание прежде всего чтению субтитров, некоторые даже сообщали, что у них не получалось смотреть, читать и слушать одновременно [1].

В диссертации А. Этемади изучалось влияние бимодальных субтитров на понимание содержания английских фильмов студентами старших курсов. В этом исследовании сорок четыре старшекурсника просматривали два документальных фильма Би-би-си («Опасное знание» и «Где мой робот?»), с субтитрами и без них. Обе группы смотрели одни и те же фильмы, но первая группа сначала посмотрела «Опасное знание» с английскими субтитрами, а затем «Где мой робот?» без них. Вторая группа, наоборот, сначала увидела «Где мой робот?» (с субтитрами?), а затем «Опасное знание» без них. После просмотра фильмов участники отвечали на соответствующие вопросы о знании лексики фильмов и понимании их содержания. В результате эксперимента было выявлено, что фильмы с субтитрами помогают студентам понять и распознать контекст, наблюдая за поведением персонажей наряду с разговорами. Из этого следует, что т.к. реализм является главным стилем фильмов, то тем самым их язык приближается к языку употребления, его практическому применению в различных ситуациях реальной жизни. Слова, которые встречаются в различных семантических и синтаксических контекстах, позволяют студентам изучать лексику случайным образом и сохранять ее в течение более длительного периода времени [3].

Особо отметим и работу Т. Сидоренко, направленную на исследование эффекта от ввода модальности (видео, аудио, и субтитры) на изучения письменной и звуковой формы слова. Все испытуемые были разделены на три группы. Первая группа смотрела видео со звуком и субтитрами, вторая – только со звуком и, наконец, третья группа смотрела видео только с субтитрами. После эксперимента все участники прошли письменные и устные тесты. В результате было выявлено, что группы, которые просматривали видео с субтитрами, набрали больше количество баллов по письменному, чем по слуховому распознаванию словоформ и наоборот. Первая группа запомнила больше значений слов, чем вторая. Таким образом, полученные данные подтверждают вышесказанное и позволяют сделать вывод, что просмотр видео с субтитрами помогает распоз-

навать больше письменных словоформ и способствует обогащению словарного запаса студентов [13].

Однако обратим внимание, что в зависимости от уровня владения языком студенты могут сталкиваться с трудностями в понимании видеоматериалов. Так, согласно исследованию Дж. Ян и Я. Хуан, просмотр фильмов с субтитрами оказывает влияние на усвоение и обогащение словарного запаса студентов, если они смотрят фильм более одного раза. Просмотр фильма дважды или более может помочь обучающимся улучшить словарный запас, и они также могут выучить новые выражения и идиомы [17].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что просмотр фильмов с субтитрами является не только средством мотивации студентов, но и представленная аутентичная среда дает им возможность овладеть широким спектром лексики, а подсказки из текста помогают понять смысл сказанного. Кроме того, субтитры можно использовать и для организации самостоятельной работы, т.к. обучающиеся могут проверить, правильно ли они поняли фразу, включив субтитры, а потом продолжить смотреть без них.

Таким образом, просмотр фильмов на английском языке с субтитрами является важным образовательным компонентом, который вносит большой вклад в процесс приобретения и увеличения словарного запаса студентов.

Список литературы / References

1. Chai J., Erlam R. The effect and the influence of the use of video and captions on second language learning. *New Zealand Studies in Applied Linguistics*, 2008, vol. 14, no. 2, p. 25.
2. Danan M. Reversed subtitling and dual coding theory: New direction for foreign language instruction. *Language Learning*, 1992, vol. 42, no. 4, pp. 497-527.
3. Etemadi A. Effects of bimodal subtitling of English movies on content comprehension and vocabulary recognition. *International Journal of English Linguistics*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 239-248. DOI: <https://doi.org/10.5539/ijel.v2n1p239>

4. Kunyun W., Huayu L. Language acquisition with the help of captions. *Studies in Literature and Language*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 41-45.
5. Laufer B., Ravenhorst-Kalovski G. Lexical threshold revisited: lexical text coverage, learners' vocabulary size and reading comprehension. *Reading in a Foreign Language*, 2010, vol. 22, no. 1, pp. 15-30. URL: <http://search.proquest.com/docview/744444432?accountid=11162> (accessed 19 September 2021)
6. Markham P., Peter L., McCarthy T. The effects of native language vs. target language captions on foreign language students' DVD video comprehension. *Foreign Language Annals*, 2001, vol. 34, no. 5. 2001, pp. 439-445.
7. Mayer R. Cognitive theory of multimedia learning. *Cambridge Handbook of Multimedia Learning*. NY: Cambr. Univ. Press, 2010, pp. 31-48.
8. McCarthy M.J. Vocabulary. Oxford, UK: Oxford University Press: Cambridge, 1990, 173 p.
9. Napikul S., Cedar P., Roongrattanakool D. The effects of film subtitles on English listening comprehension and vocabulary. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 2018, vol. 7, no. 6, pp. 104-111. DOI: <https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.7n.6p.104>
10. Pavio A. Imagery and verbal processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971, 596 p.
11. Sadiku A. The impact of subtitled movies on vocabulary development, 2017. URL: <https://knowledgecenter.ubt-uni.net/conference/2017/all-events/114>. (accessed 19 September 2021). DOI: <https://doi.org/10.33107/ubt-ic.2017.114>
12. Sadoski M., Paivio A. A dual coding theoretical model of reading. *Theoretical Models and Processes of Reading*. Newark, DE: International Reading Association, 2004, pp. 1329-1362.
13. Sydorenko T. Modality of input and vocabulary acquisition. *Language Learning and Technology*, 2010, vol. 14, pp. 50-73.
14. Thornbury S. How to teach vocabulary. Longman: Pearson Education Limited, 2002, 191 p.
15. Vanderplank R. The value of teletext subtitles in language learning. *ELT Journal*, 1988, vol. 42, no. 4, pp. 272-281.

16. Wesche M., Paribakht S. and Haastrup K. Research on the lexical inferencing process and its outcomes. *Lexical Inferencing in a First and Second Language: Cross-linguistic Dimensions*. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2010. pp. 3-31.
17. Yang J.C., Huang Y.T., Tsai C.C., Chung C.I., and Wu Y.C. An automatic multimedia content summarization system for video recommendation. *Educational Technology and Society*, 2009, vol. 12, no. 1, pp. 49-61.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Фомиченко Анна Сергеевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат психологических наук
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
anzitadel@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Fomichenko, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Psychology
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
anzitadel@mail.ru
SPIN-code: 4933-4854
ORCID: 0000-0001-8236-610X

Поступила 13.10.2021

После рецензирования 09.11.2021

Принята 12.11.2021

Received 13.10.2021

Revised 09.11.2021

Accepted 12.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-592-604

UDC 811

COMPARATIVE ANALYSIS OF ORIGIN AND EVOLUTION OF SIGN LANGUAGES

Galieva D.A., Naurazbaeva L.V.

*The **object** of the research is to analyze sign languages which have been an essential aspect of communication throughout human history of the disabled. It aims to examine the main stages of development of sign languages.*

*The **subject** of the research is sign languages of the deaf and the hearing impaired.*

*The **research methods** include a theoretical analysis of the works of Russian and foreign linguists and the method of comparative analysis.*

*The **results** of the analysis of the main stages of sign languages let us come to the conclusion that the status of sign languages which have passed the historical gradual development responding to the needs of a developing society. The following aspects such as the verbal national language, linguistic schools, the culture of the people have a huge impact on the formation and development of any sign language. It should be noted that sign languages as well as verbal languages are related to each other. They are functionally complete (natural) languages with their own, sometimes rather complex internal mechanism.*

***Keywords:** sign language; dactylology; iconicity; evolution of language; typology*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПОСТРАНЕНИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ

Галиева Д.А., Науразбаева Л.В.

***Цель** научного исследования – рассмотреть вопросы происхождения и развития жестовых языков, неразрывно связанных с исто-*

рией людей с ограниченными возможностями. Для достижения цели исследованы этапы исторического развития жестовых языков.

***Предметом** научной работы являются жестовые языки глухих и слабослышащих людей.*

При изучении вопросов жестовых языков применялись такие методы, как теоретический анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных данной проблеме, а также метод сравнительного анализа.

***Результаты** анализа основных этапов развития жестовых языков позволяют сделать вывод, что становление знаковых языков прошло исторический путь постепенного развития, активно реагируя на потребности развивающегося общества. Такие аспекты, как словесный национальный язык, лингвистические школы, культура народа, оказывают значительное влияние на развитие любого жестового языка. Жестовые языки, также как и звуковые, связаны между собой отношениями родства. Они являются функционально полноценными (естественными) языками с собственным, иногда довольно сложным внутренним механизмом.*

***Ключевые слова:** жестовый язык; дактилология; иконичность; эволюция языка; типология*

Currently, there have been major positive changes in sign languages, as many laws have emerged to protect the language and culture of the deaf. In addition, there is a growing awareness in the world that everyone has the right not only to a favorable economic and social environment, but also to the right to participate in the political life of society. Through interaction with various structures, deaf people can gain access to the legal sphere, including the police and courts, use necessary information, be able to fully participate in civic life, in social and cultural spheres, as well as participate in the political and public life of their country.

The object of our research is sign language, since “language is real and objective in its complex whole and in all its aspects, parts and structural units. ... therefore, the language has been and remains the subject of scientific knowledge” [8, p. 9]. Indeed, language is a complex sign

system created in a natural or artificial way. As a result of its constant development, neologisms and borrowings appear, and some words and expressions, on the contrary, lose their relevance and become archaisms, grammatical forms change, etc. Sign language is also subject to similar changes.

Recently, the study of gestures has become an independent science, therefore, during this period, the formation of a new communication system can be traced. Accordingly, the purpose of this article is to study the history of the origin of sign language and its use in various fields of activity, in particular, in jurisprudence.

From a historical point of view, the origin and formation of sign languages, go back to ancient times. Verbal or sound language appeared much later. The earliest people's attempts to establish communication (still nonverbal by that time) testify that sign language was formed from instinctive, involuntary movements. The etymology of some gestures, such as images of animals, household items, etc. is quite easy to trace, based on their iconicity.

The beginning of the systematization and active development of national sign languages dates back to the 8th century, when industrialization in Europe caused an increase in the number of deaf people living in large cities. Undoubtedly, an important stimulus for the formation and spread of sign languages was the appearance of educational centers for children with various hearing impairments in France (under the leadership of Abbot Charles-Michel de l'Epee) and Germany (under the leadership of Samuel Heinicke) at the end of the 18th century. At that time, the primary task was to teach deaf children to write. The natural everyday gestures of the national communities of the deaf gave rise to an artificially created sign interpretation of the French and German languages.

Based on the above, it is logical to assume that the pedagogical successes of the German and French schools for the deaf and dumb served the emergence of educational institutions in other countries. At the same time, either surdopedagogical concepts (England) or the methodology as a whole (USA) were borrowed, including the sign language itself.

Thus, the first school that opened in 1817 in the United States in

Hartford (Connecticut) used the French method of teaching deaf children. This influenced the similarities between Amstlen, American Sign Language (ASL) and French Sign Language (LSF, Langue des Signes Française), and, on the dissimilarity with British Sign Language (BSL).

There are hundreds of sign languages, dialects, adverbs, slangs, etc. in the world today. The genealogical classification of sign languages, along with verbal languages, divides them into groups and families. However, it is quite difficult to trace the degree of kinship of sign languages, due to their rapid and spontaneous development. If the Russian sound language belongs to the East Slavic group of the Indo-European family, then the Russian sign language belongs to the French family, which includes such languages as Flemish, American, Dutch, Brazilian, etc. The specificity and originality of each national language are preserved.

Research has shown that the historical links between sign languages are explained, among other things, by world politics and the export of education. In particular, the historical legacy of the Habsburg Empire led to a direct connection between the sign languages of Austria, Germany and Hungary. The emergence of new dialects in Taiwanese sign language, similar to the sign language of the Japanese, was the result of the Japanese occupation of Taiwan. The export of educational systems was also greatly influenced by the religious and missionary activities of the people. Most countries in Europe and North America have been influenced by the French education system for the deaf. Swedish and Portuguese sign languages interacted as a result of the establishment of a school in Lisbon by deaf Swedish teachers in 1824. Irish monks who taught deaf children have influenced the sign languages of India, Australia, South Africa and other countries. [4, p. 39]

In the modern world, despite the prevailing opinion about the uniqueness of sign language, there is no universal sign language. There are over 100 sign languages that are used for communication between people with speech and hearing impairments. Thus, a foreigner from the United States of America cannot understand a deaf person from Russia. For example: the gesture “evil” as an adjective in Russian sign language

will be interpreted as “*Sorry, Pardon, Excuse me*” in American sign language.

It should be noted that sign speech is different from verbal speech. For example, the verb “*to go*” in Russian sign language is conveyed in different ways, depending on who or what is coming – *time, person, rain*, and synonymous concepts are often denoted by common gestures – *flame, bonfire, fire*. And non-verbal means of communication, such as articulation, facial expressions, pantomime, expressing feelings and mood complement and clarify gestures.

Every movement of the hand in sign language means a certain concept. However, sign language should not be associated with body language, which is also a way of non-verbal communication. So, the reading skills of the latter: facial expressions, emotions, gestures, proxemics, kinesics and other external reactions are widely used in psychology.

Therefore, everything depends on the history of the emergence of a particular language. The following aspects such as the verbal national language, linguistic schools, the culture of the people have a huge impact on the formation and development of any sign language. Over time, sign language becomes more complex, and gestures acquire different meanings.

Each sign language of the deaf has its own name: the language of the deaf in the United States is called Amslen (AMERICAN SIGN LANGUAGE); the British Sign Language family uses the term “BANZSL” (British, Australian and New Zealand Sign Language). Despite the verbal language (German), Germany and Austria actually use different sign languages that are not related to each other. Thus, Austrian Sign Language (German Österreichische Gebärdensprache, ÖGS) and German Sign Language (Deutsche Gebärdensprache, DGS).

In addition to sign speech, dactylology is also referred to as specific means of communication. Each national sign language has its own unique dactyl alphabet, it is used in the process of communication when designating neologisms, names, names of cities.

It is still unknown when dactylology originated. It is generally accepted that the first data on the dactyl alphabet were obtained in the 16th

century. There is no exact confirmation of how the alphabet originated; some scholars assign the role of monks who took a vow of silence. Others believe that Spanish philosophers and monks used the dactyl alphabet when teaching the deaf and dumb.

It is known that Pedro Ponce de Lyon, a Spanish monk, successfully used dactyl speech in teaching deaf children. However, the dactyl alphabet was published only a hundred years later in Joan Pablo Bonet's book *On the Nature of Sounds and the Art of Teaching the Deaf to Speak*. In Russia, the dactyl alphabet began to be used only in the 19th century.

We believe that a key step towards the self-determination of sign languages was the emergence of the World Federation of the Deaf (WFD) in 1951. September 23, 1951, an international non-governmental organization (an association of organizations from 135 countries) was created in Rome to represent and promote the rights of the deaf. The mission of the World Federation, which still carries out its functions, is to support the observance of human rights for people with hearing impairments, the possibility of high-quality and equal access to all spheres of life: self-determination, sign language, education, employment and social life.

In 1975, at the World Congress of the Deaf, the International Sign Language or Gestuno was adopted and ratified, which became an international sign system and united the Federation of the Deaf. International Sign Language has facilitated communication between deaf people from different countries both in informal settings, for example, youth forums or festivals, and at official events, in particular, the Deaflympics, world congresses on the problems of the deaf, etc. The International Sign Language Dictionary, also created by the World Federation of the Deaf, contains 1,500 gestures used in various national systems.

The history of the emergence of Russian sign language dates back to the 19th century. It should be noted that before the official opening of the first schools for the deaf and dumb, children with hearing impairments were trained and brought up in monasteries, where the method of total communication was used, that is, a combination of sign and verbal languages.

In 1806, the first school for the deaf was opened in Pavlovsk (near St. Petersburg), using the French method of teaching deaf children in Rus-

sia. In 1860 the school moved to Moscow and began to work according to the German method.

For a more complete description of the issue of the development of the Russian sign language in Russia, the works of Russian scientists were studied. Thus, the first scientific studies of the Russian sign language in Russia were carried out by the director of St. Petersburg School, teacher of the deaf V.I. Fleury (1800-1856). The book by V.I. Fleury *The Deaf and Dumb ...* (1835) gives the first lexical and lexicographic description of Russian sign language and includes the first Russian sign language dictionary, consisting of gestures collected directly from the deaf and dumb. The author identifies three types of sign speech and conducts a comparative analysis of Russian gestures and the gestures used at Paris Institute for the Deaf. Based on the typology of gestures V.I. Fleury is the first to describe the features of the linguistics and syntax of Russian sign language, taking into account the meaning of the non-manual component of the gesture.

Since almost all educational institutions in the Russian Empire were established by former teachers or graduates of St. Petersburg School, sign language was used in Russia until 1917 when teaching deaf people.

At the end of the 19th century, Europe began to adhere to the oral method of teaching deaf people, which could not but affect the attitude towards sign language and the quality of education for the deaf.

The teaching methodology for the deaf in Europe has also influenced educational activities in Russia. Outstanding scientist, teacher of the deaf N.M. Lagovsky (1863-1933) considered the sign language of the deaf, studied the specifics of its natural and artificial forms. However, unlike V.I. Fleury, he believed that sign language has no grammatical forms and rules. N.M. Lagovsky adhered to an exclusively oral method using the dactyl alphabet. However, researchers with significant working experience with deaf children have come to the conclusion that sign language is necessary as an educational aid.

L.S. Vygotsky (1886-1934), a great Russian psychologist and defectologist, first supported N.M. Lagovsky's methods. But, after some time, at the beginning of the 1930s, on the basis of practical experience

and research, the scientist comes to the conclusion that sign language is a complex and peculiar linguistic system.

The ideas of L.S. Vygotsky were developed in scientific research of teachers of the deaf G.L. Zaitseva, N.G. Morozova, R.M. Boskis, who tried to consider sign language experimentally for the first time in Russia. The scientific work by N.G. Morozova and R.M. Boskis "On the development of mimic speech" emphasizes that sign language has its own grammar, which is different from the grammar of the Russian language.

At the same time, the well-known teacher of the blind, deaf and dumb I.A. Sokolyansky (1889-1960) considered it was necessary to use sign language in teaching the deaf, especially at the initial stage of training. According to the scientist, deaf people should be equated with foreigners, and their language should be considered as a peculiar, but typical language system that you need to know, you need to study. I.A. Sokolyansky considered sign language as the native language of deaf people.

The creation of the All-Russian Society of the Deaf and the emergence of regional branches in the 20s-30s of the 20th century contributed to the formation of the Russian system of sign communication. Hearing impaired people all over the country began to communicate, organize scientific conferences, sports competitions.

In the Soviet period, thanks to the active involvement of the deaf in the social and political life of the country, such a concept as sign language interpretation emerged. A huge contribution to the system of training specialists in sign language interpretation in the Soviet Union was made by I.F. Geilman (1923-2010), who compiled the first voluminous dictionary of Russian sign language and international sign language (Gestuno). In 1957, the first sign dictionary was published under the direction of Joseph Geilman, and the centralized training of sign language interpreters began.

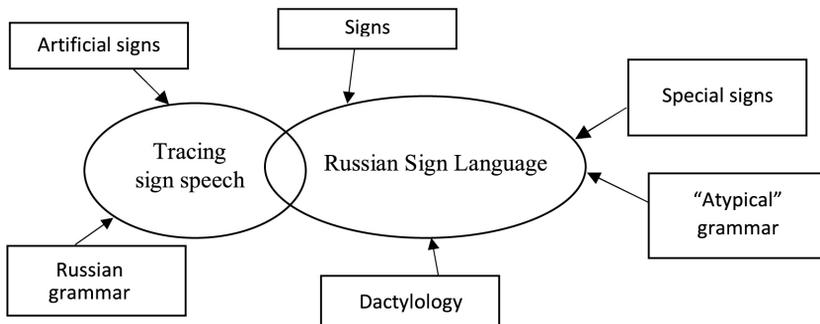
In all regions of the former Soviet Union, except for the Baltic States, the majority of deaf citizens have a single sign language. However, it should be recognized that along with the common language there are also various local dialects. Dialectal differences in vocabulary are especially noticeable.

According to I.F. Geilman's methods sign language interpretation received the name "tracing interpretation" or "tracing sign speech" [3, p. 192]. The researcher believed that "the only language of the human community capable of serving as a full-fledged means of communication between people has always been the language of words" [1, p. 3], which means that the interpretation should be based on the verbal language.

In the second half of the 20th century (1992), Doctor of Pedagogy, professor, researcher of sign language, culture and history of the deaf G.L. Zaitseva (1934-2005) developed a standard for Russian sign language and opened the first Moscow bilingual gymnasium for deaf children. For many years G.L. Zaitseva was engaged in the pedagogy of deaf people and practical research of Russian sign language, and it was she who managed to make significant progress in the field of Russian surdopedagogy. Most of the teachers of the countries of the former USSR and the Eastern European countries of the post-Soviet space use her methodological developments.

The status of sign language in Russia was legislatively approved in 2012: Russian sign language was defined as the language of communication in the presence of hearing and (or) speech impairments. The recognition of Russian sign language by official authorities is undoubtedly an important sociolinguistic factor. A positive change in the status of sign language contributes to the organization of uniform training programs, creation of teaching aids, teachers' training in state educational institutions. The development in the field of special terminology of Russian sign language ensures the interaction of the hearing-impaired and the hearing-and vision-impaired with the state authorities.

In our opinion, Russian sign language is a natural language, a full-fledged linguistic system that develops spontaneously and is assimilated by deaf people as a native language. However, it should be recognized that there is an artificial communicative system – tracing sign speech, which repeats the grammar of the verbal Russian language.

Thus, throughout almost the entire history of teaching and upbringing of the deaf, Russian sign language was not perceived as an independent linguistic system in our country. Initially, sign language was used to teach the Russian language (written and spoken) to the deaf, later it was declared “unsuitable”.

References

1. Geyl'man I.F. *Ruchnaya azbuka i rechevye zhesty glukhonemykh* [Manual alphabet and speech gestures of the deaf and dumb]. Moscow: KOIZ, 1957, 596 p.
2. Dimskis L.S. *Izuchaem zhestovyy jazyk* [Learning Sign Language]. Moscow: «Akademija» Publ., 2002, 128 p.
3. Zaytseva G.L. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Sign speech. Dactylology: textbook for university students]. Moscow: VLADOS Publ., 2000, 192 p.
4. Zaytseva G.L., Frumkina R.M. Psicholingvisticheskie aspekty izucheniya zhestovogo yazyka [Psycholinguistic aspects of studying sign language]. *Defektologiya* [Defectology], 1981, no 1, pp. 14-21.
5. Islamova E.A. *Vvedenie v yazykoznanie: uchebnoe posobie* [Introduction to linguistics: manual]. Kazan': KFU Publ., 2016, 81 p.
6. Kucheryavaya T.L. Problemy professional'no-orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh spetsial'nostey [Problems of professionally oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic specialties]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, fevral'*

- 2012 г.) [Theory and practice of education in the modern world: materials of the I International. scientific conference (St. Petersburg, February 2012)], vol. 2. St. Peterburg: Renome, 2012, pp. 336-337. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1783/> (accessed 29 July 2021).
7. Naurazbaeva L.V. *Osobennosti obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del daktil'noy i zhestovoy rechi: uchebno-metodicheskoe posobie* [Peculiarities of training dactyl and sign speech to police officers: training manual]. Ufa: Ufimskiy YuI MVD Rossii, 2018. URL: http://www.ufali.ru/eios/ebs/Elektronnaya_biblioteka/141.pdf (accessed 17 July 2021).
 8. Petrova E.A. *Istoki i vektory logiko-kognitivnogo napravleniya v izuchenii yazyka: monografiya* [The origins and vectors of the logical-cognitive direction in the study of language: monograph]. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013, 127 p.
 9. Serebrennikov B.A. Territorial'naya i sotsial'naya differentsiatsiya yazyka [Territorial and social differentiation of language]. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 451-501.
 10. Solomonik A.B. *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [Philosophy of sign systems and language]. Minsk: MET, 2002, 408 p.
 11. *Teoriya i praktika russkogo zhestovogo yazyka: uchebnoe posobie* [Theory and practice of Russian sign language: manual]. Moscow: DGSK MVD Rossii, 2018, 174 p.
 12. Kharlamenkov A.E. *Teoriya russkogo zhestovogo yazyka: uchebnyk dlya vuzov* [Theory of Russian sign language: textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publ., 2021, 171 p. URL: <https://urait.ru/bcode/479066> (accessed 29 July 2021).
 13. Corson H.J. Deaf studies: A framework for learning and teaching. *Deaf Studies for educators*. Washington DC: Gallaudet University, College for Continuing Education, 1992, pp. 7-16.
 14. Stokoe W.C. Sign language structure: an outline of the visual communication systems of the American deaf. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2005, vol. 10(1), pp. 3-37.
 15. Wixtrom C. *Two views of deafness*. *Deaf American*, 1988, 38(1), pp. 3-10.

Список литературы

1. Гейльман И.Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. М.: КОИЗ, 1957. 596 с.
2. Димскис Л.С. Изучаем жестовый язык: Учеб. пособие для студентов дефектол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 128 с.
3. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
4. Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // Дефектология. 1981. №1. С. 14-21.
5. Исламова Э.А. Введение в языкознание: учебное пособие. Казань: КФУ, 2016. 81 с.
6. Кучерявая Т.Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Т. 2. СПб: Реноме, 2012. С. 336-337. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1783/> (дата обращения: 29.07.2021).
7. Науразбаева Л.В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел дактильной и жестовой речи: учебно-методическое пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. URL: <http://www/ufali.ru/eios/ebs/Эл.библиотека/141.pdf> (дата обращения: 17.07.2021).
8. Петрова Е.А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка: монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 127 с.
9. Серебrenников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 451-501.
10. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. 2-е изд., доп. и испр. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
11. Теория и практика русского жестового языка: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2018, 174 с.
12. Харламенков А.Е. Теория русского жестового языка: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 171 с. ISBN 978-5-534-14700-1. URL: <https://urait.ru/bcode/479066> (дата обращения: 29.07.2021).

13. Corson H.J. Deaf studies: A framework for learning and teaching // Deaf Studies for educators. Washington DC: Gallaudet University, College for Continuing Education, 1992, pp. 7-16.
14. Stokoe W.C. Sign language structure: an outline of the visual communication systems of the American deaf // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 2005. Vol. 10(1), pp. 3-37.
15. Wixtrom C. Two views of deafness // Deaf American. 1988. 38(1), pp. 3-10.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Галиева Дина Аслямовна, доцент, к. филол. н.

Уфимский ЮИ МВД России

ул. Мукушинова, 2, г. Уфа, 450103, Российская Федерация

galiva_dina@mail.ru

Науразбаева Лилия Викторовна, старший преподаватель

Уфимский ЮИ МВД России

ул. Мукушинова, 2, г. Уфа, 450103, Российская Федерация

lilianv1979@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dina A. Galieva, Associate Professor, Ph.D.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

2, Muksinova Str., Ufa, 450130, Russian Federation

galiva_dina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3299-0443

Liliya V. Naurazbaeva, Senior Lecturer

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

2, Muksinova Str., Ufa, 450130, Russian Federation

lilianv1979@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1970-3617

Поступила 06.08.2021

После рецензирования 28.09.2021

Принята 14.10.2021

Received 06.08.2021

Revised 28.09.2021

Accepted 14.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-605-615

УДК 811.111

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ НЕОЛОГИЗМОВ-ТЕРМИНОВ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Хуснуллина Ю.А.

Цель. Данное исследование посвящено описанию и анализу компонентного состава неологизмов-терминов инфокоммуникационных технологий.

Методы исследования. В процессе исследования был проведён теоретический анализ научной литературы по изучаемому вопросу. Также были применены методы лингвистического наблюдения и анализа структурных компонентов неологизмов-терминов.

Материалом исследования послужили современные лексикографические онлайн-издания технической направленности с регулярно обновляемыми корпусами (*Dictionary of IT, Techopedia. Technology Dictionary, WordSpy, English abbreviations and acronyms*).

Результаты исследования. Структурный анализ неологизмов-терминов способствовал выявлению разнообразия компонентного состава терминосистемы инфокоммуникационных технологий. Автор классифицирует неологизмы-термины на однословные термины (простые производные и непроизводные, сложные) и терминологические сочетания (в том числе аббревиатуры).

Область применения результатов. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных данных в практическом курсе по теории и практике специального перевода и при составлении рекомендаций по терминообразованию, адресованных научным работникам.

Ключевые слова: термин; неологизм-термин; терминосистема инфокоммуникационных технологий; компонентный лексический состав; терминообразование

COMPONENT COMPOSITION OF NEOLOGISMS-ICT TERMS

Husnullina Y.A.

Purpose. *This study is devoted to the description and analysis of the component composition of neologisms-ICT terms.*

Methods. *In the course of the research, a theoretical analysis of the scientific literature on the subject under study was carried out. Methods of linguistic observation and analysis of structural components of neologisms-ICT terms were also applied.*

The material of the study *was the data of modern lexicographic on-line dictionaries with regularly updated corpora (Dictionary of IT, Te-chopedia. Technology Dictionary, WordSpy, English abbreviations and acronyms).*

Results. *The analysis of neologisms-ICT terms contributed to the identification of the component composition diversity of the ICT term system. Scientific and technological progress contributes to the emergence of a large number of new concepts and objects that need nomination and require timely linguistic description and lexicographic registration.*

Practical implications. *The practical significance of the research results lies in the possibility of using the obtained data in a practical course on the theory and practice of translation and in compiling recommendations on term formation addressed to researchers.*

Keywords: *term; neologism-term; ICT terminological system; component lexical composition; term formation*

Стремительный рост глобальной компьютерной сети и повсеместная информатизация являются наглядным примером электронного пространства, в котором активно развивается современный формат коммуникации. Высоко востребованы исследования, посвящённые вопросам выборки, структуризации и систематизации новых единиц в лексико-семантической системе подязыка компьютерно-опосредованной коммуникации. Актуальность исследования

заключается в необходимости компонентного анализа стремительно обновляемой терминосистемы инфокоммуникационных технологий. Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые анализируются новые терминологические единицы, которые в процессе технологического развития общества перешли в разряд общедоступных терминов инфокоммуникационных технологий.

Исследованием терминов занимались отечественные учёные-лингвисты К.Я. Авербух [1], Л.М. Алексеева [2], Б.Н. Головин [3], Л.С. Комарова [4], М.Д. Левина, А.И. Тимофеева [5], В.М. Лейчик [6], Д.С. Лотте [7], и др. Д.С. Лотте разрабатывал методы упорядочения и систематизации технической терминологии, изучал вопросы отбора и построения научно-технических терминов, занимался критическим пересмотром недостатков той или иной терминосистемы, которые видел в «неправильном первоначальном построении терминов и неправильном их применении» [7, с. 18]. Исследователь полагал, что при внедрении нового термина необходимо чётко следовать определённым принципам отбора словообразовательных средств, учитывать гармоничное сочетание терминов и отдавать предпочтение одним перед другими. С учётом степени «вредности» существующего термина, необходимо заменять его лишь таким, который имеет явные преимущества перед старым. «Опыт показал, что как бы плох ни был термин, его чрезвычайно трудно повсеместно изъять из применения, если он получил широкое и длительное распространение» [Там же, с. 35]. Д.С. Лотте одним из первых сформулировал основные способы терминообразования: «Анализ терминологии в различных технических дисциплинах и отраслях техники показывает, что наиболее распространённые способы образования научно-технических терминов следующие: 1) изменение значений слов, 2) образование производных слов, 3) образование усечённых слов (аббревиатур), 4) образование сложных слов, 5) образование постоянных словосочетаний, 6) иноязычные заимствования» [Там же, с. 37]. Заимствование терминов происходит не автоматически и может быть частичным – терминологизации подвергаются только те компоненты прежнего значения, которые окажутся

приемлемыми и необходимыми для номинации нового объекта.

Термины одной отрасли знания объединяются в терминологическую систему. «Терминосистема представляет собой языковую модель специальной области знаний или деятельности. Элементами терминосистемы являются лексические единицы. Как правило, терминосистемы имеют сложную структуру, в которую входят разные группы терминов, отличающиеся по обозначаемым понятиям, по признакам, по месту в терминосистеме». [4, с. 190].

При описании компонентного состава неологизмов-терминов инфокоммуникационных технологий (ИКТ) следует исходить из того, что фонд терминообразования в значительной мере совпадает с фондом словообразовательных средств общеупотребительной лексики. Их структурные типы дифференцируются в зависимости от количественных и качественных характеристик корневых морфем, а также от наличия словообразовательных аффиксов. В структурном отношении термины классифицируются на термины-слова (однословные термины) и термины-словосочетания (терминологические сочетания). Термины-слова, в свою очередь, можно поделить на две группы: простые и сложные термины. Простые производные или корневые неологизмы-термины состоят из неразложимых морфем. Среди простых неологизмов терминов отмечаются лексические единицы, обозначающие аппаратное обеспечение компьютерной техники. *Brick* – мобильное устройство, нефункционирующее по причине сбоя установки или обновления программного обеспечения. Путём конверсии образован переходный глагол *to brick* – приостановить работу портативного электронного устройства по причине технических неполадок программного обеспечения. Простые производные термины образованы путём аффиксации (префиксации и суффиксации) или осново- и словосложения. Примерами производных неологизмов-терминов среди понятий, обозначающих портативные устройства, выступают лексемы, образованные префиксальным способом, а именно *ultraportable*, *Ultra-Mobile PC*, *Ultrabook*, *Subnotebook*. Путём словосложения образованы неологизмы *Smartbook*, *Chromebook*. Для понимания того,

как образовались данные новые лексические единицы и для объяснения связанных с этим языковых явлений, необходима апелляция к происхождению некоторых терминов портативных устройств. Первоначально концепция более лёгкого и компактного чем ноутбук мобильного компьютера появилась в 1996 г. Данный класс компьютеров получил наименование ультрапортативный *ultraportable* или субноутбук *Subnotebook*. В стремлении снизить габариты и стоимость, но увеличить вычислительную мощность и длительность автономной работы от встроенной аккумуляторной батареи, появились новые классы ноутбуков. В 2006 г. был разработан ультрамобильный ПК *Ultra-Mobile PC > UMPC* – энергоёмкая и малогабаритная панель, обладающая характеристиками карманного ПК и планшета. Позднее, в 2008 г. появился нетбук *netbook* – разновидность субноутбука, предназначенного для выхода в Интернет. Далее в 2008-2009 гг. появился небольшой ноутбук – смартбук *Smartbook*. Вплоть до 2015 г. смартбуки так и не заняли существенной доли на рынке и вместе с нетбуками были окончательно вытеснены и заменены планшетными компьютерами. В 2011 г. выходит линейка ноутбуков – хромбук *Chromebook*, работающих под управлением операционной системы Chrome OS. В этом же году осуществилось дальнейшее эволюционное развитие классического субноутбука, когда был выпущен концепт компаний Intel и Apple – первый тонкий и лёгкий ультрабук *Ultrabook*. Ключевой компонент неологизма заимствован у вышеупомянутых предшествующих ему терминов *ultraportable notebook* и *Ultra-Mobile PC*. Несмотря на то, что термин *Ultrabook* является интеллектуальной собственностью и товарным знаком корпорации Intel, термин закрепился и используется в речи для обозначения всего класса современных ноутбуков, сочетающих в себе такие характеристики как мобильность, высокая производительность и длительность автономной работы. Так, префикс *ultra-* придаёт крайнюю или высшую степень значения в отношении количества, величины или градации. Префикс *sub-* добавляет значение подразделения. Словообразовательные аффиксы легко отделимы от корня. Префиксы и суффиксы являются служебными

лексическими морфемами, могут повторяться, но не совпадают с основами самостоятельно функционирующих лексических единиц.

В группу производных неологизмов-терминов входят единицы однословной номинации разновидности программного обеспечения: *Zenware, Bloatware, fatware, Fraudware, vapourware, Donation-Ware, DonateWare, TrialWare, ComfortWare, CrippleWare*. Обобщающим термином программных обеспечений (с нарушением прав правообладателя) выступит неологизм *Warez*<*wares*, представляющий собой основной компонент – продуктивный суффикс *-ware*, входящий в состав терминов программного обеспечения компьютерной техники.

Наряду со стремительным развитием и совершенствованием программного обеспечения, происходят действия по нарушению процессов работы и функционирования программного обеспечения. Префиксальным способом образован глагол *to overclock* – внести изменения в компьютер, чтобы он работал быстрее, чем предполагал производитель. Дериваты: *overclocking, an overclocker*. Путём словосложения появился сложный неологизм-термин *to jailbreak* – разблокировать операционную систему мобильного телефона или другого устройства, чтобы оно могло запускать программное обеспечение, которое обычно не разрешено использовать из-за ограничений, налагаемых производителем устройства. Дериват: *a jailbreak*.

Сложные неологизмы-термины (многокомпонентные) содержат две, три и более корневых морфемы. Сложные термины могут быть трёх основных типов: 1) две корневые морфемы соединены в одно слово и пишутся слитно (упомянутые выше неологизмы *Smartbook, Chromebook*); 2) графически оформленные морфемы (при помощи дефиса – *lights-out*); 3) морфемы или части морфем, смешанные в одно сложное сочетание, тем самым образующие бленды. Значение сложного термина складывается из значений его компонентов – основы и словообразовательных аффиксов. По способу словослияния образовались неологизмы *Vook*<*video+book* – электронная книга, состоящая как из видео, так и из текста; и *Mobisode*<*mobile (phone)+episode* – краткий эпизод видеопрограммы, предназначенной для просмотра на

мобильном телефоне. Словосложение отмечается при образовании неологизма *e-waste, eWaste, ewaste, e waste* < *electronic waste* – электронные отходы, выброшенные электрические или электронные устройства. А также неологизм употребляется в отношении использованной электроники, предназначенной для восстановления, повторного использования, перепродажи, утилизации путём рекуперации материалов, также считается электронными отходами.

Словообразовательный дериватор *bot* широко используется в терминологии автономной компьютерной программы, например, *cancelbot* – автоматизированный или полуавтоматический процесс удаления нежелательных, сторонних сообщений. *Chatbot* имитирует человеческий разговор и обычно используется в сценариях обслуживания клиентов: “*Hi, I’m your online assistant – how may I help you?*” («Привет, я ваш онлайн-помощник. Чем я могу вам помочь?»).

Сложное единство может быть образовано конструкцией «прилагательное+послелог», как это наблюдается в составе неологизма *lights-out, lights out* – описание машины или производственного процесса, который управляется компьютером и не нуждается в присутствии человека, чтобы управлять им или контролировать его.

Далее приведём примеры терминов-словосочетаний. Два компонента терминологического сочетания соединены путём примыкания в конструкциях «существительное+существительное» (*click fraud, insect robots, Decision engine, Intel Iris*), «прилагательное+существительное» (*smart matter, smart dust, digital dust, Kinetic typography*), «существительное+герундий» (*Cloud computing*). Интересна по своему компонентному составу лексическая единица *wave and pay* («глагол+глагол», смысловая связь между компонентами оформлена грамматически с помощью предлога) – система оплаты товаров или услуг путём перемещения кредитной карты или мобильного телефона перед специальной машиной, которая автоматически считывает информацию.

Аббревиатуры представляют собой особую группу терминологических сочетаний (*AG* < *Augmented reality*, *SMT* < *simultaneous multithreading*, *MEMS* < *microelectronic mechanical systems*, *4-D*

(*Technology*), *Li-Fi* (<*Light Fidelity*). Новая технология с сокращённым обозначением *NFC* (<*Near Field Communication* – беспроводная передача данных малого радиуса действия, обеспечивающая быстрый обмен контактными данными, изображениями, музыкой и т.д. между устройствами, находящимися в непосредственной близости. Как и ранее известные беспроводные сигналы Bluetooth, Wi-Fi, RFID, технология *NFC* осуществляется посредством радиоволн. Потенциальные сферы применения гораздо шире тех, что в настоящее время используются (бесконтактный платёж). В электронной коммерции технология *NFC* позволит интегрировать бонусные системы и карты лояльности. На пунктах пропускной системы доступа в учреждения встроенная в смартфон технология выступит аналогом карты доступа, как и транспортные карты в городской инфраструктуре. В гостиничном бизнесе упростит систему регистрации новых постояльцев, и метка смартфона превратится в ключ-карту посетителя. Система контроля качества внедрит особые метки на упаковку товаров как знак подтверждения оригинальности от производителя. В медицине особые браслеты с метками *NFC* позволят считывать информацию об изменениях персональных данных пациента в режиме реального времени, как и его перемещения, последние визиты в клинику и врачебные назначения.

Как способ словообразования аббревиация довольно широко распространена в компьютерной терминологии. Неологизм *USB Type-C* или *USB-C* означает универсальный разъем стандарта USB, впервые выпущенный в 2014 г. и призванный заменить все существующие стандартные разъёмы USB. Различные версии USB и разные коннекторы хоть и относятся к общему стандарту, но отличаются максимальной скоростью передачи данных и мощностью работы. Появлению нового симметричного разъёма *Type-C* предшествуют версии *Type-A* и *Type-B*, что объясняет логичную преемственность в номинации нового стандарта в оснащении электронных устройств, начиная с настольных компьютеров и заканчивая смартфонами и разнообразными накопителями с ноутбуками. Данная передовая технология оказалась не только новым трендом

в усовершенствовании разъёмов для заряда в смартфоностроении, но и стала новейшей технологией в подключении периферии или передачи данных между устройствами.

Изученные закономерности терминообразования и анализ компонентного состава неологизмов-терминов инфокоммуникационных технологий позволяют сделать вывод о том, что англоязычная терминология сложна в структурном отношении. Компонентный состав новых терминологических единиц определяется количеством и разновидностями корневых морфем и наличием или отсутствием словообразовательных аффиксов. Исследование показало, что неологизмы-термины разнообразны по своему компонентному составу и соответствуют следующим структурным типам: простые термины (производные и производные), сложные термины и терминологические сочетания, включающие неологизированные аббревиатуры терминов. В результате научно-технического прогресса большое число новых понятий и объектов действительности нуждаются в номинации и требуют своевременной лексикографической регистрации, что представляет перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
2. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Пермский ун-т, 1998. 120 с.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
4. Комарова Л.Н. Транстерминологизация и транстермины // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 189-191.
5. Левина М.Д., Тимофеева А.И. О формировании терминологической лексики путём метафорического переноса наименования на основе сходства по форме // Вестник Харьковского Университе-

- та. № 170. Иностранные языки. Вып. II. Харьков: Вища школа, 1978. 101 с.
6. Лейчик В.М. Люди и слова. М.: Наука, 1982. 177 с.
 7. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М: Изд. Акад. Наук СССР, 1961. 158 с.
 8. Dictionary of IT (Information Technology). URL: <https://www.consp.com/it-information-technology-terminology-dictionary> (дата обращения: 29.09.2021).
 9. English abbreviations and acronyms. URL: <http://www.abbreviations.com/> (дата обращения: 29.09.2021).
 10. Techopedia. Technology Dictionary URL: <https://www.techopedia.com/dictionary> (дата обращения: 29.09.2021).
 11. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения: 29.09.2021).

References

1. Averbuh K.Ja. *Obshhaja teorija termina* [General theory of term]. Moscow: MGOU Publ., 2006, 252 p.
2. Alekseeva L.M. *Problemy termina i terminoobrazovanija* [Problems of term and term formation]. Perm': Permskij un-t, 1998, 120 p.
3. Golovin B.N., Kobrin R.Ju. *Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah* [Linguistic foundations of the study of terms]. Moscow: Vysshaja shkola, 1987, 104 p.
4. Komarova L.N. Transterminologizacija i transterminy [Transterminologization and transterms]. *Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitija* [Scientific and educational medium: development prospects]. Cheboksary: Interaktiv pljus, 2017, pp. 189-191.
5. Levina M.D., Timofeeva A.I. O formirovanii terminologicheskoi leksiki putjom metaforicheskogo perenosa naimenovanija na osnove shodstva po forme [On the formation of terminological vocabulary by metaphorical transfer of the name on the basis of similarity in form]. *Vestnik Har'kovskogo Universiteta* [Bulletin of Kharkiv University], no 170. Har'kov: Vishha shkola, 1978, 101 p.
6. Lejchik V.M. *Ljudi i slova* [People and words]. Moscow: Nauka, 1982, 177 p.

7. Lotte D.S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology]. Moscow: Akad. Nauk SSSR Publ., 1961, 158 p.
8. Dictionary of IT (Information Technology). URL: <https://www.consp.com/it-information-technology-terminology-dictionary> (accessed 29 September 2021).
9. English abbreviations and acronyms. URL: <http://www.abbreviations.com/> (accessed 29 September 2021).
10. Techopedia. Technology Dictionary URL: <https://www.techopedia.com/dictionary> (accessed 29 September 2021).
11. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/> (accessed 29 September 2021).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Хуснуллина Юлия Арсеновна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры иностранных языков
*Федеральное Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Поволжский государ-
ственный университет телекоммуникаций и информатики»
ул. Льва Толстого, 23, г. Самара, Самарская область, 443010,
Российская Федерация
y.husnullina@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yuliya A. Husnullina, Cand. in Linguistics, Associate Professor, De-
partment of Foreign Languages
*Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
23, L. Tolstoy Str., Samara, Samara Region, 443010, Russian Fe-
deration
y.husnullina@mail.ru
SPIN-code: 1101-0020
ORCID: 0000-0001-6372-4645*

Поступила 02.10.2021

После рецензирования 14.10.2021

Принята 22.10.2021

Received 02.10.2021

Revised 14.10.2021

Accepted 22.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-616-620

УДК 81-13

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ

Романюк М.Ю., Бурангулова А.Р.

Статья посвящена лингвокультурологическому аспекту перевода кулинарных рецептов. В рамках данной статьи рассматриваются культурные особенности перевода кулинарного рецепта с английского языка на русский. Особое внимание уделяется проблемам, которые может встретить переводчик в своей работе. Авторами приводятся примеры связанных с переводом трудностей.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект в переводе; кулинарный рецепт; глуттонический (гастрономический) дискурс; полижанровый текст

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF CULINARY RECIPES TRANSLATION

Romanyuk M. Yu., Burangulova A.R.

The article deals with linguoculturological aspect of culinary recipes translation. This paper deals with cultural key elements of translation from English into Russian. The article is especially focused on the problems translators could come across, special attention is paid to specific examples associating with these problems.

Keywords: linguoculturological aspect of translation; culinary recipes; gluttonic (gastronomic) discourse; polygenre text

Гастрономический или глуттонический дискурс, занимая важное место в социальной жизни человека, является одним из основополагающих средств межнационального общения. Гастрономиче-

ская картина мира формируется под влиянием культуры, религии, мифологии, климатических условий и находит свое яркое воплощение в языке. В каждом языке мира наименования продуктов питания и способ их приготовления пополняют и обогащают словарь родного языка, находя выражение в терминах, в метафорах, во фразеологических выражениях. Национально-культурная лексика, в общем, и кулинарных рецептов в частности, имеет большое значение в прикладном языкознании, переводоведении и преподавании.

Одно из центральных мест в современном переводоведении занимает проблема связи языка и культуры. Один из первых и главных исследователей-лингвистов этой проблемы Вильгельм фон Гумбольдт в своих трудах писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [1, с. 80]. Лингвокультурологический аспект перевода – один из самых сложных и многогранных аспектов перевода с одной стороны, интересных и познавательных с другой стороны, что и доказывает актуальность нашего исследования.

Кулинарный рецепт относится к полижанровому виду текста [2] и требует к себе, особого, системного подхода. При переводе кулинарного текста мы сопоставляем компоненты языкового смысла, выполняя переводческий анализ на всех уровнях, пристальное внимание необходимо уделить именно лингвокультурологическому аспекту перевода, который раскрывается в таком тексте наиболее явно. Учитывая вышесказанное, возможность передать обозначения вещей, о которых идёт речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом тексте, независимо от того, приобретены ли такие знания путём знакомства из неё или почерпнуты из книг либо иных источников [3].

Кулинарные рецепты – своего рода инструкция, однако они полны выражений, которые объяснит только та, или иная реалья, это могут быть названия продуктов, кухонной утвари, способов разделки или приготовления продуктов. Переводчик должен обладать

знаниями в области кулинарии в целом, и конкретной национальности в частности, разбираться в единицах измерения. Перевод в такой специфичной области как кулинария, может иметь одинаковые или схожие термины на языке источника и языке получателя, но иметь разное смысловое наполнение. Например, слово «gravy» в общепотребительной лексике переводится как «мясная подливка, соус». Его можно назвать аналогом русской подливки, однако в зависимости от контекста, это может быть соус, приготовленный на основе сока, образовавшегося при жарке/тушении мяса, в который добавляют молоко и небольшое количество муки или же может обозначать сам сок, который выделяется при жарке мяса [4].

Так же проблемы могут возникнуть с похожими терминами. Например, глаголы «to mash» и «to puree» обозначают «to beat to a soft mass» [5]. Оба слова можно перевести как «разминать, пюреировать», однако разница между ними существенная. Первый используется для того, чтобы получить в результате относительно сухую консистенцию, например, гороховое или картофельное пюре. Второй глагол используется для более жидкой консистенции, протирать что-то через сито или превращать что-то в однородную массу с помощью погружного блендера, например, для приготовления супа-пюре. Этимологи связывают это с тем, что глагол «to puree» трансформировался из существительного, которое в свою очередь было заимствовано из французского языка и означало «kind of broth or soup made from vegetables» [4], суп из овощей.

Стоит так же упомянуть и меры измерения продуктов. В русском языке, часто употребляется словосочетание «стакан + продукт», «столовая ложка + продукт», «чайная ложка + продукт», «на кончике ножа». Соответствует ли это английским «cup of...», «tablespoon», «dessertspoon», «drop»? Не стоит забывать и традиционно английские фунты, унции, галлоны, пинты и кварки. При выполнении перевода кулинарного рецепта переводчик должен сверять не только семантическое наполнение термина, но и само количество продукта.

Говоря о названиях посуды для приготовления, следует упомянуть что, в большинстве случаев уже существует аналог для каж-

дого прибора. Исключением могут быть аутентичные старинные рецепты, в которых используется исконно русская или английская утварь, какие-либо специализированные приборы. В ряде случаев можно найти перевод в тематических словарях. Если перевода не находится, переводчики применяют переводческие трансформации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лингвокультурологический аспект при переводе кулинарных рецептов имеет не последнее значение. Очень важно быть знакомым с культурой языка оригинала, от этого во многом зависит результат перевода.

Список литературы

1. Гумбольдт В.О. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. М., 1956. 336 с.
2. Анисимова Т.С., Малявина А.Н. Специфика перевода текстов кулинарных рецептов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. № 34. С. 351-358.
3. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус.уаз., 1980. 340 с.
4. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com>
5. Online Etymologie Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>
6. Электронный словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.multitran.com/>

References

1. Gumbol't V.O. *O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniy na dukhovnoe razvitie chelovechestva* [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. М., 1956, 336 p.
2. Anisimova T.S., Malyavina A.N. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2016, no. 34, pp. 351-358.
3. Vereshchagin E.M. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and regional theory of the word]. М.: Rus.uaz., 1980, 340 p.

4. Macmillan Dictionary. <https://www.macmillandictionary.com>
5. Online Etymologie Dictionary. <https://www.etymonline.com/>
6. *Elektronnyy slovar* '«*Mul'titran*» [Electronic dictionary “Multitran”]. <https://www.multitran.com/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Романюк Марина Юрьевна, доцент, к.п.н., доцент

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460000, Российская Федерация
marina.roma@mail.ru*

Бурангулова Альбина Рамильевна, студент

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460000, Российская Федерация
burangulova_alb@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Marina Yu. Romanyuk, Ph.D., Associate Professor

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460000, Russian Federation
marina.roma@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1777-7046*

Albina R. Burangulova, Student

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460000, Russian Federation
burangulova_alb@mail.ru*

Поступила 17.12.2021

После рецензирования 26.12.2021

Принята 28.12.2021

Received 17.12.2021

Revised 26.12.2021

Accepted 28.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-621-640

УДК 81-139

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ

Попова Г.Е.

Обоснование. Категория релевантности является одной из фундаментальных категорий речевого взаимодействия. Потребность в гармонизации общения и необходимость эффективности коммуникации обусловлены механизмами адаптации к партнеру по коммуникации (адресату) и к условиям протекания процесса речевой интеракции.

Цель. Статья посвящена категории релевантности, рассматриваемой как условие успешной координации когнитивных моделей собеседников. Автор рассматривает два основных фактора, лежащих в основе недопонимания: расхождение в когнитивных компетенциях и разногласия по поводу намерений – внутренние и внешние аспекты релевантности.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе официальных стенограмм и видеозаписей пленарных заседаний Национального собрания Франции. Применяемые методы включают контент-анализ и логический анализ.

Результаты. Настоящее исследование демонстрирует, что внутренние и внешние аспекты релевантности играют решающую роль в контексте делиберативного диалога в парламентском дискурсе. Ориентируясь на полимодульное восприятие человеческого разума, автор утверждает наличие различных типов актуальности: пропозициональной, иллюкутивной, межличностной и аргументационной. Автор приходит к заключению, что, когда речь идет о релевантности дискурса, в парламентских дебатах выкрики,

комментарии и замечания, вызванные инференциями, связаны либо с когнитивным резонансом, либо с диссонансом. Данные формы обратной связи представлены как реакция на определенные остенсивные триггеры, заложенные в предложения основного говорящего и обозначающие их (и)релевантность.

Область применения результатов. *Дальнейшее исследование и совершенствование, расширение и оценка типологии триггеров и маркеров релевантности может представлять интерес для интерактивного когнитивно-дискурсивного анализа не только парламентской коммуникации, но и любого другого коммуникативного взаимодействия, характеризующегося дискуссией.*

Ключевые слова: *релевантность; речевое взаимодействие; внутренняя и внешняя релевантность; когнитивная релевантность; аргументативная релевантность; когнитивный резонанс*

INTERNAL AND EXTERNAL RELEVANCE OF SPEECH INTERACTION IN THE CONTEXT OF PARLIAMENTARY DELIBERATION

Popova G.E.

The category of relevance is one of the fundamental categories of the communicative interaction. The need for harmonized and effective communication is stipulated by adaptive communication strategies and approaches used towards both recipient and the conditions surrounding the communication process.

Purpose. *The article deals with the category of relevance, seen as a condition for successful coordination of cognitive models of interlocutors. The author outlines and considers two main factors underlying miscommunication: the discrepancies in cognitive competences and the disagreement over intentions, being the internal and external aspects of relevance.*

Materials and methods. *The research is based on the analysis of the official transcripts and videos of the plenary debates of the French As-*

samblée Nationale. Methods applied include content analysis and logical analysis.

Results. *The present study shows that the internal and external aspects of relevance prove to be decisive in the context of a deliberative dialogue in parliamentary discourse. On the basis of a massively modular view of the human mind, the author postulates various types of relevance: propositional, illocutionary, interpersonal and argumentative. The author concludes that in parliamentary debates shouts, comments and remarks resulting from intuitive inferences are caused either by cognitive resonance or dissonance when it comes to relevance of discourse. These forms of feedback are presented as a reaction to certain ostensive triggers embedded in the main speaker's sentences and marking their (ir)relevance.*

Practical implications. *Further research, development, extension and evaluation of typology of triggers and markers of relevance might be of interest for the interactive cognitive-discursive analysis of not only parliamentary communication, but also any other communicative interaction characterized by deliberations.*

Keywords: *relevance; speech interaction; internal and external relevance; cognitive relevance; argumentative relevance; cognitive resonance*

1. Постановка проблемы.

Теоретические посылки исследования

Идея «коммуникативного счастья», гармонии социальной интеракции основывается на адаптационных механизмах человеческого (co)существования [30; 34]. Условия успешной коммуникации постоянно находятся в фокусе мультидисциплинарных исследований, получая интеракциональную интерпретацию в науке о языке и речевом взаимодействии, например, в понятии коммуникативной компетенции [23], Принципах кооперативности и вежливости [19; 26] и др.

Внутренние закономерности организации речевого взаимодействия также не ограничиваются порождающими грамматически правилами и языковой компетенцией [13] или речезыковыми нормами (norm-based expectation) [12; 33]. Тем не менее в основе

успешной коммуникации лежат когнитивные механизмы, отвечающие за «экологию» когнитивной среды межсубъектного (речевого) взаимодействия [22]. Психолого-когнитивные по своей сути *условия успешности речевого действия*, определяются социально-поведенческой и речезыковой конвенциональностью [19; 25], становятся краеугольным камнем лингвопрагматической Теории речевых актов [28] (условия успешности речевых актов). Таким образом, взаимопонимание является основополагающим началом коммуникативной функции языка.

Главным постулатом речевой кооперации Г.П. Грайс признавал максимум отношения и **принцип релевантности**, который он рассматривал в узком смысле как требование «Будь релевантен», т.е. «говори то, что в данный момент имеет отношение к делу», а в широком – как фактор, включающий в себя все остальные условия успешности речевой интеракции [19].

В информатике релевантность в поисковых системах – мера соответствия результатов поиска задаче поставленной в референциальном запросе [10, с. 48]. В социологии под релевантностью понимается актуальность, важность тех или иных реалий «жизненного мира» для субъекта и возможность (не)совпадения «внутренних релевантностей» как условия (не)успешности речевой интеракции [11]. В теории аргументации релевантность – это соблюдение правил аргументативной логики, недопущение «ошибок иррелевантности» (fallacies of irrelevance) [32]. Инвариант значения термина легко угадывается: 1) соответствие внешним и внутренним условиям коммуникативного акта (интеракции), 2) когнитивная удовлетворенность коммуникантов связующим их отношением-сообщением.

Нерелевантность как угроза «коммуникативному счастью» таится в диалектической противоречивости интерпретативной функции языка, предполагающей различное понимание речевого сообщения.

Существует как минимум два фактора, составляющих потенциальную нестабильность в механизмах (взаимо)понимания, нарушающих гармонию взаимодействующих когнитивно-коммуникативных компетенций:

1) **расхождение в когнитивных потенциалах** коммуникантов – количественных и операциональных (объем знаний и владение механизмами инференции), связанных также с когнитивными предубеждениями (cognitive biases) [21];

2) **расхождение в интерпретативных намерениях** (интенциях), связанных с деятельностным этосом (социальной ролью, интересами) в рамках дискурсивной формации [18].

Первый фактор представляет ингерентную (внутреннюю) причину коммуникативной асимметрии (вплоть до коммуникативной неудачи), обусловленную свойствами языка и речевого взаимодействия (многозначность, имплицитность, нарушение постулатов общения, расхождение в интерпретациях адресанта и адресата и т.д.)

Второй фактор определяется внешними (адгерентными) факторами, зависящими от социально-психологического контекста и (не)совпадения интересов («внутренних релевантностей» [11]) коммуникантов.

Оба фактора тесно переплетены. Принцип когнитивного профилирования **внешней среды** (контекста) как условие успешной коммуникации представлен в работах Т.А. ван Дейка [15; 16] в виде ментальной контекстуальной модели, которая связана с понятием релевантности: «Контекст – это то, что сами участники определяют как релевантное в социальной ситуации» [16, р. 5]. Таким образом, на основе выделения внешних и внутренних факторов успешности взаимного понимания можно выделить два типа релевантности – **внешняя релевантность** (социальный контекст) и **внутренняя релевантность** (интерпретативная компетенция).

Если **внешняя релевантность** определяется кодексом правил речевого поведения в той или иной дискурсивной формации: обыденной (повседневно-бытовой) или институциональной (политической, деловой, профессиональной и т.д.), то **внутренняя релевантность** речевого взаимодействия – это совокупность когнитивных процессов, направленных на **понимание** и **взаимопонимание** как условий успешности функционирования общего когнитивного пространства (когнитивной среды) коммуникантов.

Внутренняя релевантность – градуальная категория, и степень релевантности прямо пропорциональна получаемому от высказывания **когнитивному эффекту** и обратно пропорциональна **процессуальному усилию**, затрачиваемому на восприятие и интерпретацию данного высказывания [29]. Интерпретационное усилие состоит из набора выдвигаемых вариантов значения (смыслов) высказывания: семантических и прагматических, то есть пропозициональных и интеракциональных. Принцип релевантности в «Теории релевантности» Д. Спербера и Д. Уилсон предполагает, что человеческая когниция всегда стремится к **максимальной релевантности** – максимальному эффекту (удовлетворенности релевантным контекстом) при наименьшем усилии (например, при соответствии ожиданиям (интересу) и когнитивным установкам адресата) [29].

Механизм взаимодействия внешних и внутренних условий релевантности универсален при интерпретации любого сообщения, как его эксплицитного компонента (экспликатура), так и имплицитного содержания (импликатура), которое приобретает особую актуальность при интерпретации косвенных речевых актов, метафор, поэтических тропов, иронии, юмора и т.д., когда процессуальные усилия становятся более релевантными для достижения когнитивного эффекта [33].

Одним из главных факторов успешной интерпретации является степень доступности релевантного контекста, позволяющего адресату (реципиенту) быстрее достичь максимальной релевантности интерпретации. Существуют жанры и речевые события, в которых такая доступность намеренно усложняется, увеличивая процессуальные усилия реципиента: метафора, языковая игра (каламбур), загадка, анекдот (юмор), прецедентные вкрапления (интертекст, цитации), аллюзии и другие эвокативные феномены [3, с. 264; 17; 33].

Оценка релевантности высказывания может выражаться прямо и косвенно. Реакции на (не)релевантность инициального высказывания можно различать по нескольким параметрам: 1) по степени эксплицитности/имплицитности когнитивного активатора (триггера) релевантности в высказывании продуцента, вызывающего ре-

акцию (оценку) реципиента; 2) по степени эксплицитности (выраженности)/имплицитности (невыраженности) реакции реципиента на (не)релевантность высказывания продуцента; 3) по степени синтактико-дискурсивной развернутости комментария о релевантности высказывания; 4) по степени экспрессивности реакции на (не)релевантность реплики партнера по коммуникации; 5) по скорости реакции реципиента на (не)релевантный речевой акт и т.д. [8]. Триггеры (не)релевантности связывают семантико-концептуальное содержание высказывания с наиболее доступным для реципиента контекстом, участвующим в интерпретативной инференции. Когнитивные контексты – ментальные модели (ср. [5; 15]), опирающиеся на базу знаний и опыт интерпретатора, субъективны и идиосинкразийны, хотя их коммуникативная релевантность определяется, в конечном счете, способностью вступать в резонанс с ментальными моделями других участников коммуникации [2; 11; 16; 20].

2. Цель, методы и материал исследования

Общей целью исследования стало определение 1) **степени доступности** релевантного контекста и 2) **качественных показателей** (не)релевантного контекста, основанное на гипотезе о корреляции скорости протекания процессуального усилия объему общих знаний коммуникантов, включая знание кода и интерпретационных алгоритмов дискурсивного жанра (дискурсивной формации), а также вытекающей из этих знаний адгерентной интенциональности интерпретации – метаязыковой и метадискурсивной рефлексии относительно соответствия интерпретируемого высказывания условиям внешней среды – конвенциям речевого жанра и целям дискурсивной деятельности.

Материалом исследования послужили скрипты и видеозаписи парламентских дебатов французского парламента (Национальная Ассамблея и Сенат), в практику которого входит фиксация в протоколе заседания репликативного дискурса как совокупности реплик-комментариев, прерывающих речь «легитимного» выступающего. В задачи анализа входило определение качественных показателей ре-

левантных для репликантов контекстов, лежащих в основе интерпретации магистрального дискурса выступающего оратора.

Высказывание как единица речи и базовый элемент дискурса становится единицей анализа парламентской дискурсивной формации [14], основной характеристикой которой является **делиберативность** – качественная характеристика речевого взаимодействия, целью которого является обсуждение проблемы для дальнейшего принятия совместного решения на основе мажоритарного консенсуса [7, 8; 14; 31].

В дискурсивно-интеракционном аспекте парламентских дебатов нами выделяются два типа дискурса – магистральный (легитимный, регламентный) и репликативный (парентетический, комментирующий). Главной гипотезой исследования является положение об относительной корреляции (когнитивной мотивации, интенциональности) репликативной парентезы с полимодальными триггерами (не)релевантности в инициальном высказывании, резонирующими в пропозициональном, иллюкутивном, интерперсональном, аргументативном и дискурсивно-интеракционном когнитивных модулях.

3. Результаты исследования

3.1. Общие положения

Особенностью французского парламентского дискурса является дуализм его регламента: с одной стороны, традиционная парентетичность и протокольная фиксация реплик, с другой, – официальная регламентная маргинальность (протокольная «нерелевантность», по [32]) репликативного дискурса. Возникновение комментирующих реплик связано с двумя основными полярными когнитивными эффектами, вытекающими из релевантных свойств магистрального парентетического дискурса:

- 1) **когнитивный резонанс** (*максимальная релевантность*) и
- 2) **когнитивный диссонанс** (*иррелевантность*) [9].

Между двумя полюсами располагаются промежуточные степени, как то: относительная (частичная) релевантность – нулевая

релевантность или иррелевантность. Различие между нулевой релевантностью и иррелевантностью состоит в степени воздействующего потенциала нерелевантного высказывания: нулевая релевантность не наносит существенного ущерба коммуникации, а просто не соответствует требованиям принципа речевой кооперации. Иррелевантность не просто не соответствует нормам коммуникативного взаимодействия, она направлена на дестабилизацию коммуникативного контакта (подробнее о градуальности категории релевантности см. [8, с. 137 и след.]). Так, в следующем бытовом диалоге в ответ на замечание (а) возможны два ответа, отличающиеся по степени нерелевантности: реплика (б) может рассматриваться как нерелевантная, тогда как (с) представляет собой иррелевантное речевое действие:

(а) – Ты опять опоздал (упрек непунктуальному коллеге).

(б) – Ты не помнишь, куда я положил вчерашнюю почту?

(с) – Кажется, кто-то что-то сказал.

Последнее высказывание не просто нарушает семантическую когерентность речевого обмена, оно нарушает принцип межличностной эмпатии, выражает агональность, пренебрежение правилами речевой кооперации.

В парламентской коммуникации, строго регламентированной статусом выступающих, правилами парламентской деонтологии, казалось бы, нет места для нерелевантных или иррелевантных высказываний. Однако это не так. Релевантность высказывания зависит также от интерпретационной интенциональности получателя, адресата. Релевантность поступающего высказывания определяется степенью его соответствия субъективным ожиданиям реципиента. Высказывание, противоречащее убеждениям, верованиям, когнитивному тезаурусу (знаниям) реципиента, будет являться для адресата нерелевантным или иррелевантным в зависимости от степени отрицательного воздействия высказывания на стабильность когнитивной системы реципиента.

Еще одна составляющая исследуемого дискурса – наличие **ситуации кризиса**, определяющего регламентные установки парла-

ментских заседаний (тематику, номенклатуру выступающих и т.д.) и пропозициональное содержание дискурса. Номинальной целью таких дебатов является поиск причин и решений по урегулированию возникшего кризиса, основанный на совещательности (делиберации). Однако институциональность многопартийности парламента определяет как политический антагонизм, так и полемичность дискурса парламентских дебатов. Последнее свойство определяет агональную когнитивно-коммуникативную доминанту диалогичного репликативного дискурса французского парламента (ср. [1]).

3.2. Внешняя и внутренняя релевантности как триггеры порождения репликативного парламентского дискурса

В общем объеме отобранного материала (скрипты 30-ти заседаний Национальной Ассамблеи) было выявлено около 1000 контекстов **репликативных высказываний**, которые делятся на реплики одобрения (РО) и реплики неодобрения (РН), соотношение которых соответственно 30% и 70%, при этом такие тропеические формы, как риторические вопросы, ирония и т.д. рассматривались по критерию контекстной релевантности, определяющей «финальную интерпретанту» той или иной реплики – «за» или «против». Приблизительно 3% парентетических реплик было признано либо амбивалентными, либо трудно интерпретируемыми, в связи со слабой интерактивной (пропозициональной, аргументативной и т.д.) связью с инициальными высказываниями магистрального дискурса. Внешний контекст парламентской дискурсивной формации (делиберативность) определяет доминирующую внешнюю релевантность речевого взаимодействия, направленного на принятие решения, – *аргументативную релевантность*, превалирующую как в магистральном, так и в репликативном дискурсе парламентских дебатов.

В дальнейшем в силу качественной направленности анализа мы опускаем абсолютные и относительные количественные показатели типов (не)релевантности в рассматриваемых интерактивных парах – «смежных» иницирующих и репликативных высказываниях (ср. *paire adjacente* [24]; см. тж. [6]).

3.2.1. Репликативные маркеры релевантности (когнитивного резонанса)

Обобщая и нивелируя некоторые дискурсивно-интеракционные нюансы (см. [8]), мы рассматриваем РО как проявление когнитивного резонанса (КР), речевое воплощение которого во французском репликативном дискурсе достаточно конвенционально. Среди РО – клише общего одобрения и положительной оценки (наречные междометия, фразеорефлексы и т.п.): *Bien sûr!*, *C'est vrai!*, *Vous avez raison!*, *C'est exact!* *Tout à fait!* *Très bien!* *Bravo!* и др. Наконец, когнитивный резонанс имеет широкий диапазон и обширную номенклатуру полимодальных маркеров (мимика, жесты и проч.) разной степени остенсии и экспрессивности. В протоколах французских парламентских дебатов фиксируются наиболее значимые полимодальные репликативные маркеры: возгласы той или иной парламентской фракции (группы), аплодисменты («*Applaudissements sur les bancs des groupes LaREM et MODEM*») и т.п. К ним примыкают специальные речевые акты, вносящие дополнительные (аддитивные) *пропозициональные* (истинность значения, достоверность, знания референтной определенности [4, с. 34] и др.), *аргументативные* (эвиденциальные, логико-аргументативные и риторико-персуазивные), *интерперсональные* (*ad hominem*) усилители («градуаторы») когнитивного эффекта инициального высказывания:

– Пропозициональная аддитивность:

(1) *M. le président. Je voudrais saluer Maurice Leroy son parcours. Vous avez été maire, conseiller général puis départemental, président du conseil général du Loir-et-Cher et ministre de la ville. Plusieurs députés du groupe GDR. Et même communiste! (Sourires.) [35]. (Предыдущая: ... Я хотел поприветствовать ... г-на М. Леруа за его вклад ... Вы были мэром, ... советником, ... городским министром... Депутаты Левых демократов: И даже коммунистом! Улыбки.)*

Здесь когнитивный резонанс получает дополнительный ингерентный вектор аргументативно-интерперсональной релевантности, направленной в пользу левых депутатов за счет аргументатив-

ного маркера *Et même* (и даже). Соотнесение пропозиционального содержания с контекстом приводит к смехопорождающей перлокутивности за счет переосмысления высказывания: «мэром, ... советником, ... городским министром» и ... «коммунистом», т.е. введением в когнитивный фокус магистрального фрейма слабо-релевантного слота «членство в коммунистической партии», вступающего в диссонанс с процессуальным когнитивным маркером *Et même* (и даже).

– Интерперсональная аддитивность:

(2) *M. Stéphane Peu. Heureusement que le rapporteur est là, ... (...К счастью, докладчик здесь...).* *Mme la présidente. Non des moindres! (И еще какой!). M. Olivier Damaisin. Il y a la qualité! (Один из лучших!)* [35].

3.2.2. Репликативные маркеры не- и иррелевантности (когнитивный диссонанс)

Крайняя степень нерелевантности, нарушающая установки адресатной аудитории, – иррелевантность – затрагивает все или большинство когнитивных модулей, вызывая в репликативном дискурсе экспрессивные манифестации когнитивного диссонанса в виде реплик несогласия (РН). Пропозициональная и аргументативная нерелевантность при этом дефокусируется, уступая фокус интерперсональной модальности (ad hominem), а иллюкутивная сила РН перерастает в возмущение:

(3) *A. Les investisseurs internationaux fuient la France à cause des 35 heures (Инвесторы бегут из Франции из-за 35-часовой рабочей недели).*

B. Ce n'est pas vrai! (Неправда!).

C. Il faut assumer! (Докажите!).

M. le président. Mes chers collègues, je vous en prie, soyez tolérants! (Дорогие коллеги, будьте терпимыми!)

D. C'est le mot juste, monsieur le président! Il nous faut tolérer cela! (Вот точно, господин председатель, Мы должны это терпеть!) [35].

Репликативный дискурс маркирует нерелевантность высказывания оратора с ориентацией на тот или иной фокусный модуль ког-

нитивно-коммуникативного взаимодействия. Качественные характеристики триггеров (не)релевантности, вызывающих комментарии со стороны оппонентов и сторонников разнообразны, но сводятся к нескольким типам, приводимым в порядке квантитативного доминирования:

– пропозициональная нерелевантность (нерелевантность предикативного признака):

(5) *Mme George Pau-Langevin. Je tiens à dire au nom du groupe Socialistes et apparentés que le retour systématique de toutes ces demandes d'aggravation des peines et de la politique menée est un peu fatigant (... ваша политика утомляет).*

M. Mansour Kamardine. Ce qui est fatigant, c'est que l'on refuse d'appliquer les textes existants... (Что утомляет, так это...) [35].

– интерперсональная нерелевантность:

M. Patrick Bloche. Nous avons débattu, regrettant que trop souvent le ministre ne nous réponde pas ou ne nous apporte que des réponses insuffisantes, notamment sur l'exception pédagogique (... часто министр не отвечает нам...).

Mme Muriel Marland-Militello. Vous êtes des pantins! Ras-le-bol! (Вы клоуны! Надоело!).

– иллокутивность похвалы с нарушением постулата скромности (ирония):

(6) *Mme Lise Magnier. Allez-vous, oui ou non, écouter la parole des parlementaires, qui répercutent celle des Français? (Будете вы слушать парламентариев, выражающих волю народа?) M. Sébastien Jumel. Eh oui, il n'y a pas que des cons dans les oppositions, il y a parfois un peu d'intelligence aussi! (Да-да, в оппозиции не только идиоты, иногда и умные попадаются)* [35].

– рефрейминг пропозиционального содержания с интерперсональной доминантой (ирония, сарказм):

(7) *M. le président. La parole est à M. le ministre d'État, ministre de la transition écologique et solidaire (Слово министру экологии и развития). M. Pierre Cordier. Et des gilets jaunes! (И желтых жилетов!)* [35].

4. Заключение

Внутренняя (когнитивная) релевантность высказывания прямо пропорциональна когнитивным эффектам и обратно пропорциональна процессуальным усилиям, затрачиваемым на осознание пропозициональной, иллюкативной, интерперсональной, аргументативной значимости высказывания и его перлюкативного эффекта. Внешняя (коммуникативная) релевантность определяется деятельностной ситуацией, отражающейся в контекстуальной ментальной модели коммуникантов, корректируя и определяя внутреннюю релевантность высказывания. В контексте парламентской делиберативности релевантность становится условием принятия/непринятия решения на основе интеракционального согласования когнитивно-коммуникативных моделей коммуникантов. Полемика доминанта, обусловленная внешней релевантностью когнитивных моделей (партийная принадлежность, стратегия самопрезентации и проч.), находит реализацию в репликативном дискурсе парламентских дебатов как результате интуитивной инференции, спонтанной оценке (не)релевантности дискурса выступающего оратора. Триггерами нерелевантности могут выступать нарушения постулатов речевого взаимодействия, ограничений регламента, нерелевантность пропозиции по параметрам истинности и проч. Манифестации когнитивного резонанса в репликативном дискурсе проявляются в виде оценочных реакций одобрения и аддитивных пропозициональных, аргументативных и т.д. маркеров, усиливающих релевантность магистрального дискурса. Проявления когнитивного диссонанса в репликативных манифестациях характеризуются когнитивным рефреймингом – модификациями пропозиционального энталамирования, приводящими к риторическому эффекту иронии и сарказма.

Исследование когнитивной природы (мотивации) спонтанных высказываний (реплик) сквозь призму прагма-когнитивной категории релевантности и интуитивной инференции [27] представляет интерес для интеракционального когнитивно-дискурсивного анализа не только парламентской, но и любой коммуникации, характеризующейся делиберативностью.

Список литературы

1. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2(52). С. 57-62.
2. Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. №4. С. 5-17.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
4. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
6. Кудрявцева Н.Б. Особенности функционирования союза «ог» как коннектора реплик во франкоязычных минимальных диалогах // Вестник МГЛУ. 2015. № 12. С. 101-115.
7. Попова Г.Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской коммуникации // Политическая лингвистика, 2019. №1(73). С. 81-89.
8. Попова Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология: монография. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019. 373 с.
9. Попова Г.Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционного энталмирования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3(42). С. 285-290.
10. Словарь по кибернетике. Киев: Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии имени М.П. Бажана, 1989. 751 с.
11. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 334 с.
12. Bybee J.L, Beckner C. Usage-Based Theory // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / В. Heine, Н. Narrog (Eds.) Oxford: Oxford University Press Inc., 2010, pp. 827-855.
13. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. The MIT Press, 1988, 296 p.

14. Dijk van T.A. Knowledge in parliamentary debates // *Journal of Language and Politics*, 2003, no. 2, pp. 93-129.
15. Dijk van T.A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 267 p.
16. Dijk van T.A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. New York: Cambridge University Press, 2009, 287 p.
17. Dominicy M. L' évocation discursive: Fondements et procédés d' une stratégie ' opportuniste ' // *Semen* 24, 2007, pp. 145-165.
18. Foucault M. *L' Archeologie du savoir*. Paris: Gallimard, 1969, 294 p.
19. Grice H.P. *Logic and Conversation // Pragmatics: A reader / S. Davis (Ed.)* New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, pp. 305-315.
20. Greenwald A.G. *The Totalitarian Ego: Fabrication and Revision of Personal History // American Psychologist*, 1980, vol. 35, pp. 603-618.
21. Haselton M.G. *The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases / M.G. Haselton, D. Nettle // Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, pp. 47-66.
22. Hutchins E. *Cognitive Ecology // Topics in Cognitive Science*, 2010, no. 2, pp. 705-715.
23. Hymes D.H. *Models of the Interaction of Language and Social Life // Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication / Gumperz J.J., Hymes D. (Eds.)* New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972, pp. 35-71.
24. Kerbrat-Orecchioni C. *Les interactions verbales. Vol. I*. Paris: Armand Colin, 1990, 318 p.
25. Langacker R. W. *A Dynamic Usage-Based Model // Usage-Based Models of Language / M. Barlow, S. Kemmer (Eds.)* Stanford: CSLI Publications, 2000, pp. 1-63.
26. Leech G.N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: University Press, 2014, 368 p.
27. Mercier H., Sperber D. *Intuitive and Reflective Inferences // In two minds: Dual processes and beyond / J. Evans, K. Frankish (Eds.)* Oxford University Press, 2009, pp. 149-170.
28. Searle J.R. *Les actes de langage: Essai de philosophie du langage*. Paris: Hermann, 1972, 261 p.

29. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford; Cambridge: MA: Blackwell, 1995, 326 p.
30. Tomasello M. *Why We Cooperate?* / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. Cambridge, MA: MIT Press, 2009, 208 p.
31. Walton D. Commitment, types of dialogue, and fallacies // *Informal Logic*. 1993. Vol. XIV. № 2-3, pp. 93-104.
32. Walton D. *Relevance in Argumentation*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004, 311 p.
33. Wilson D. Irony comprehension: A developmental perspective / D. Wilson // *Journal of Pragmatics*. № 59. 2013, pp. 40-56.
34. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language // *The Social Origins of Language* / D. Dor, C. Knight, & D. Lewis (Eds.) Lund: Lund University, 2014, pp. 249-266.
35. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr> (дата обращения: 30.08.2021)

References

1. Alferov A.V., Kustova E.Yu., Popova G.E. Relevantnost' v kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [On the relevance of conceptualization of Russia in French parliamentary discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 2, pp. 57-62.
2. Dem'yankov V.Z. O yazykovykh tekhnikakh adaptatsii mneniya [On linguistic techniques of adapting opinions]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, no. 4, pp. 5-17.
3. Iriskhanova O.K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014, 320 p.
4. Yokoyama O. *Kognitivnaya model' diskursa i russkiy poryadok slov* [Cognitive discourse model and Russian word order]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, 424 p.
5. Kubryakova E.S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of essence of language: Cognitive research]. Moscow: Znack, 2012, 208 p.

6. Kudryavtseva N.B. Osobennosti funktsionirovaniya soyuza «or» kak konnektora replik vo frankoyazychnykh minimal'nykh dialogakh [The functioning of the French conjunction “or” as connector of moves in adjacent pairs]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2015, no. 12, pp. 101-115.
7. Popova G.E. Kognitivno-pragmaticheskaya kategoriya relevantnosti v strukture parlamentskoy kommunikatsii [The cognitive-pragmatic category of relevance in the structure of parliamentary and political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019a, no. 1, pp. 81-89.
8. Popova G.E. *Relevantnost' rechevoy interaktsii: aspektual'naya i zhanrovaya tipologiya* [Relevance of speech interaction: aspectual and genre typology]. Pyatigorsk: Izd-vo «PGU», 2019b, 373 p.
9. Popova G.E. Kognitivnyy rezonans kak funktsiya interaktsional'nogo entalamirovaniya [Cognitive resonance as a function of interactive entailment]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2020, no. 3, pp. 285-290.
10. *Slovar' po kibernetike* [Dictionary of cybernetics]. Kiev: Glavnaya redaktsiya Ukrainskoy Sovetskoy Entsiklopedii imeni M.P. Bazhana, 1989, 751 p.
11. Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: Ocherki po fenomenolog. sotsiologii* [The structures of the life-world: collected papers on phenomenology of the social sciences]. Moscow: In-t Fonda «Obshchestv. mnenie», 2003, 336 p.
12. Bybee J.L., Beckner C. Usage-Based Theory. *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. B. Heine, H. Narrog (Eds). Oxford: Oxford University Press Inc., 2010, pp. 827-855.
13. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. The MIT Press, 1988, 296 p.
14. Dijk van T. A. Knowledge in parliamentary debates. *Journal of Language and Politics*, 2003, no. 2, pp. 93-129.
15. Dijk van T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 267 p.
16. Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. New York: Cambridge University Press, 2009, 287 p.

17. Dominicy M. L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie 'opportuniste'. *Semen* 24, 2007, pp. 145-165.
18. Foucault M. L'Archeologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969, 294 p.
19. Grice H.P. Logic and Conversation. Pragmatics: A reader. S. Davis (Ed.) New York-Oxford: Oxford University Press, 1991. pp. 305-315.
20. Greenwald A.G. The Totalitarian Ego: Fabrication and Revision of Personal History. *American Psychologist*, 1980, vol. 35, pp. 603-618.
21. Haselton M.G., Nettle D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, pp. 47-66.
22. Hutchins E. Cognitive Ecology. *Topics in Cognitive Science*, 2010, no. 2, pp. 705-715.
23. Hymes D.H. Models of the Interaction of Language and Social Life. *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. Gumperz J.J., Hymes D. (Eds.). New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972, pp. 35-71.
24. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales, vol. I. Paris: Armand Colin, 1990, 318 p.
25. Langacker R.W. A Dynamic Usage-Based Model. *Usage-Based Models of Language*. M. Barlow, S. Kemmer (Eds.). Stanford: CSLI Publications, 2000, pp. 1-63.
26. Leech G.N. The Pragmatics of Politeness. Oxford: University Press, 2014, 368 p.
27. Mercier H., Sperber D. Intuitive and Reflective Inferences. *In two minds: Dual processes and beyond*. J. Evans, K. Frankish (Eds.). Oxford University Press, 2009, pp. 149-170.
28. Searle J.R. *Les actes de langage*. Paris: Hermann, 1972, 261 p.
29. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford; Cambridge: MA, 1995, 326 p.
30. Tomasello M. *Why We Cooperate?* Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 208 p.
31. Walton D. Commitment, types of dialogue, and fallacies. *Informal Logic*. 1993, vol. XIV, no 2-3, pp. 93-104.
32. Walton D. *Relevance in Argumentation*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004, 311 p.

33. Wilson D. Irony comprehension: A developmental perspective. *Journal of Pragmatics*, 2013, no 59, pp. 40-56.
34. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language. *The Social Origins of Language*. D. Dor, C. Knight, & D. Lewis (Eds.). Lund: Lund University, 2014, pp. 249-266.
35. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr> (accessed 30.08.2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет»
ул. Татищева, 16, г. Астрахань, Астраханская область, 414056, Российская Федерация
gepopova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galina E. Popova, Cand. Philol.Sci., Associate Professor, Department of Foreign Languages
Astrakhan State Technical University
16, Tatishchev Str., Astrakhan, Astrakhan Oblast, 414056, Russian Federation
gepopova@mail.ru
SPIN-code: 8003-7511
ORCID: 0000-0003-4134-8954

Поступила 22.11.2021

После рецензирования 08.12.2021

Принята 10.12.2021

Received 22.11.2021

Revised 08.12.2021

Accepted 10.12.2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ковлакас Е.Ф. 326

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ БАЗЫ
ДАННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА)

**Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.,
Валиева М.Д.** 355

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТА В СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СТАТЕЙ ИЗ THE GUARDIAN)

Гаврикова Ю.С. 368

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

**Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А.,
Аксенова А.Т., Буданова Н.А.** 380

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛОЗУНГА

Лемешко Ю.Р., Ташлыкова М.Б. 391

ВСЕ-ТАКИ КАК МАРКЕР ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ
МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ташлыкова М.Б., Лошанина М.Н. 418

АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Омарова П.М. 443

АНАЛИЗ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТАМОЖЕННОМ ДИСКУРСЕ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Когтева Е.В. 457

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТИРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ

Васильева С.С., Воробьева С.Ю., Овечкина Е.А. 472

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ
КОНЦЕПТА КОРОНА В XX–XXI ВВ.

Демидова Е.Е. 489

ДЕНОТАЦИЯ ДИСКУРСА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Сушкова А.Р., Билялова А.А. 507

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Кафтан И.И. 520

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ
ИНТЕНСИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ

Чайко Н.Н. 533

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ
ПРИЛОЖЕНИЙ

Кудинова О.А., Кудинова В.И. 544

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКЛИПОВ В ПРОЦЕССЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кудинова О.А., Кудинова В.И. 558

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ХРИСТИАНСТВА И БУДДИЗМА Бобырева Е.В., Дмитриева О.А.	568
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ С СУБТИТРАМИ ПРИ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Фомиченко А.С.	584
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПОСТРАНЕНИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ Галиева Д.А., Наурызбаева Л.В.	592
КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ НЕОЛОГИЗМОВ-ТЕРМИНОВ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Хуснуллина Ю.А.	605
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ Романюк М.Ю., Бурангулова А.Р.	616
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ Попова Г.Е.	621
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	641

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

ON THE STUDY OF TOPONYMS IN COGNITIVE ASPECT Kovlakas E.F.	326
PRACTICAL PROBLEMS OF DOCUMENTARY LINGUISTICS IN DATABASE COMPILING (BASED ON THE OSSETIAN LANGUAGE MATERIAL) Gatsalova L.B., Parsieva L.K., Valieva M.D.	355
MEANS OF EXPRESSING EVALUATION OF INTELLECT IN THE MEDIA (USING THE EXAMPLE OF THE GUARDIAN TEXTS) Gavrikova Yu.S.	368
COGNITIVE AND COMMUNICATIVE POTENTIAL OF COMPLEX CONDITIONAL SENTENCES IN THE NEWSPAPER LANGUAGE Axenova E.D., Kuznetsova A.A., Axenova A.T., Budanova N.A.	380
FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SLOGAN Lemeshko Yu.R., Tashlykova M.B.	391
<i>VSE-TAKI</i> AS A MARKER OF MONOLOGICAL DISCOURSE CONTRADICTION Tashlykova M.B., Loshanina M.N.	418
ARTIFACT METAPHOR IN ENGLISH MASS MEDIA IN THE SPHERE OF ECONOMICS Omarova P.M.	443
ANALYSIS OF EXPRESSIVE LEXICAL MEANS IN FRENCH CUSTOMS DISCOURSE DURING THE COVID-19 PANDEMIC Kogteva E.V.	457

LANGUAGE REPRESENTATION OF VALUES IN LITERARY TEXT AS A REFLECTION OF THE WRITER'S WORLD PICTURE Vasilieva S.S., Vorobieva S.Yu., Ovechkina E.A.	472
EVOLUTION OF STRUCTURAL CONCEPTUAL SIGNS OF THE CROWN IN THE XX–XXI CENTURIES Demidova E.E.	489
DENOTATION OF DISCOURSE IN HISTORICAL PERSPECTIVE Sushkova A.R., Bilyalova A.A.	507
SYMBOLIC SIGNS OF THE HAPPINESS CONCEPT: LINGUOCULTURAL ANALYSIS Kaftan I.I.	520
LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSION CATEGORIES OF INTENSITY IN THE LANGUAGE OF POETRY Chaiko N.N.	533
DIGITAL TECHNOLOGIES INTRODUCTION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES BY THE EXAMPLE OF USING MOBILE APPLICATIONS Kudinova O.A., Kudinova V.I.	544
INNOVATIVE LEARNING STRATEGY THROUGH THE USE OF VIDEO CLIPS IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING Kudinova O.A., Kudinova V.I.	558
COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CHRISTIANITY AND BUDDHISM VALUES Bobyreva E.V., Dmitrieva O.A.	568
USE OF AUTHENTIC FILMS WITH SUBTITLES IN THE PROCESS OF LEARNING NEW VOCABULARY IN HIGHER EDUCATION SECTOR (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL) Fomichenko A.S.	584

COMPARATIVE ANALYSIS OF ORIGIN AND EVOLUTION
OF SIGN LANGUAGES

Galieva D.A., Naurazbaeva L.V. 592

COMPONENT COMPOSITION OF NEOLOGISMS-ICT TERMS

Husnullina Y.A. 605

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF CULINARY RECIPES
TRANSLATION

Romanyuk M.Yu., Burangulova A.R. 616

INTERNAL AND EXTERNAL RELEVANCE
OF SPEECH INTERACTION IN THE CONTEXT
OF PARLIAMENTARY DELIBERATION

Popova G.E. 621

RULES FOR AUTHORS 641

Подписано в печать 31.12.2021. Дата выхода в свет 31.12.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 24,22. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP134-2/021. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.